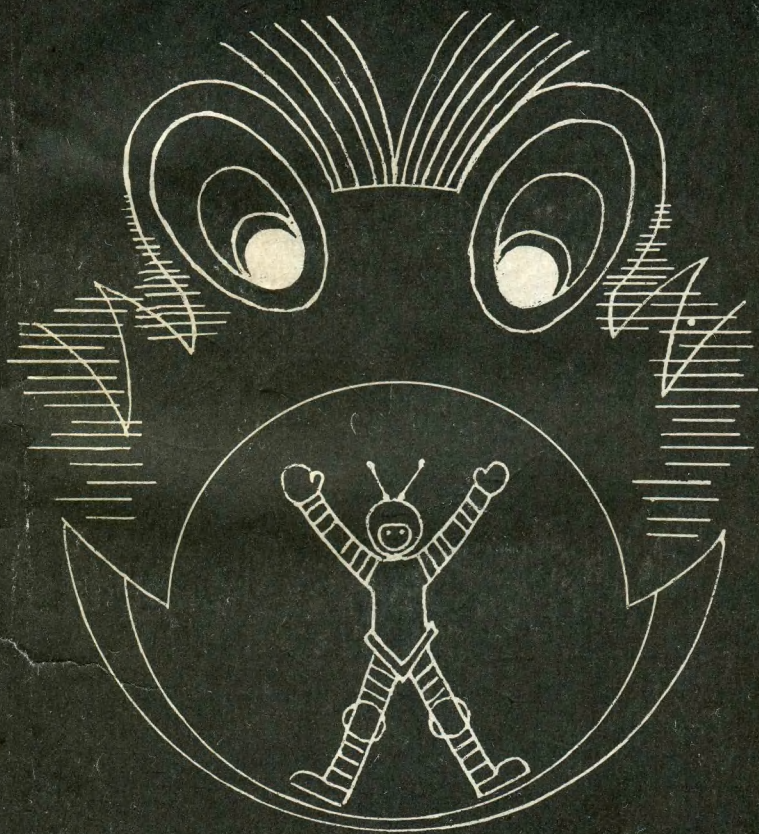

МАРСИАНСКИЙ ПРИБОЙ

Библиотека советской фантастики

ДМИТРИЙ БИЛЕНКИН

БИБЛИОТЕКА СОВЕТСКОЙ ФАНТАСТИКИ

ДМИТРИЙ БИЛЕНКИН

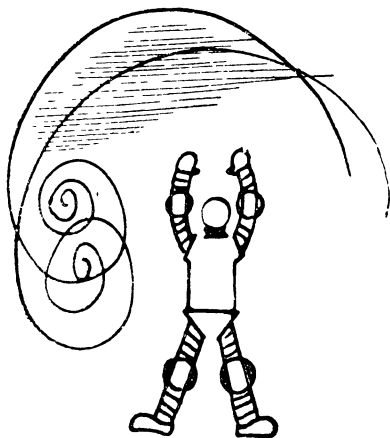
МАРСИАНСКИЙ ПРИБОЙ

ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЦК ВЛКСМ
„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“
1967 МОСКВА

P2
Б61

Художник Н. КУЗНЕЦОВ

МАРСИАНСКИЙ ПРИБОЙ

Тишина, безветрие, потом — шорох. Так начинается марсианский прибой. Можно часами сидеть у подножья красных скал, всматриваться в безбрежье песков и слушать, слушать. Шорох везде и нигде. Похоже, что с фиолетового неба льдинками осыпается полупрозрачная изморозь облаков. Стекланный шорох. Очень точное название.

Когда он смолкает, по песку пробегает дрожь. Тяжеловесно, медленно встает вал. Он наползает на сухие глыбы,

накрывает их, неторопливо проседает. Тогда глыбы прокалывают песок снизу. Впечатление такое, будто щербатая челюсть пережевывает вал. С плоских камней лениво сползают струйки песка. И снова горбится вал.

А кругом — неподвижность. Спокоен песок вдали, незыблемы, как вечность, красные скалы. Только здесь, только в этом заливе и только у самого берега катится марсианский прибой.

Это значит, что далеко в просторах песчаных океанов разгулялась такая буря, что ее порывы сотрясают зыбкую почву как землетрясение. И тут, в заливе, колебания совпадают в резонансе, микроструктура побережья меняется, песок обретает текучесть. Вероятно, так, подробней никто не знает и не торопится узнать — на Марсе пока слишком много безотлагательных дел.

Я стараюсь не пропустить ни одного прибоя. Сажу, смотрю, слушаю и думаю. Очень хорошо думается наедине с явлением, подобного которому нет нигде. Исчезает время, исчезают границы пространства, даже тела своего не ощущаешь: лишь ты и прибой, никого больше.

Теперь берег пуст. А раньше здесь былолюдно. Помню, как были потрясены радисты Земли просьбой прислать плавки. Да, нашелся шутник, которому не терпелось натянуть поверх скафандра плавки, чтобы окунуться в прибой. Но, вички летали сюда купаться, чтоб было о чем порассказать на Земле; старожиллов влекла тоска по воде, настоящей воде, настоящему прибою, настоящему морю. Никто не мог противостоять искушению.

Шутником был, конечно, Ванин. Не то, чтобы остроумие было чертой его характера: пожалуй, наоборот. Но до чего ж сложны, противоречивы, неожиданны наши поступки, когда ими руководят чувства! Особенно у таких замкнутых натур,

как Ванин. И как странно, причудливо выглядит все это перед лицом марсианского прибора...

Случай с Ваниным тогда потряс всех своей мнимой не-
лепостью. Теперь эта история обросла легендами, в которых
трагичное переплелось с комичным, смелость с безрассуд-
ством. Как все это далеко от истины! И какими мы еще вы-
глядим младенцами с нашими ракетами, искусственным бел-
ком и ядерной энергией, когда в своих же интересах пы-
таемся продумать и наперед предвидеть поступки человека.
Помню первую разведку Марса. Мы не могли рисковать, мы
не имели права рисковать — любая неудача отбросила бы
нас далеко назад. А перед нами была неизвестная планета,
на которой все могло случиться и ничего нельзя было
предусмотреть заранее. Поэтому наше поведение было пред-
определено особенно жестко. Ни одного случайного шага,
страховка всюду и везде. Программа осторожности! Мы не-
укоснительно следовали ей. Всерьез обсуждалось, как первый
из нас ступит на Марс: надо ли его обвязывать веревкой или
нет? Конечно, раз почва выдерживает корабль, она выдержит
и человека. Ну и все-таки вдруг... Мало ли что... Не Земля,
Марс...

Мы были предельно осторожны, и это уберегло нас от
всех неприятностей, которые встречались нам в избытке. Нас
было шестеро. Но когда людей шестеро, один непременно
оказывается трусом. Не в обычном значении этого слова, от-
нюдь. Просто кто-то должен быть более осторожным, чем
другие. Более нерешительным. Более скованным. Ни обста-
новка, ни число людей здесь не имеют никакого значения.
Когда вы переходите оживленную улицу вдвоем, наблюдайте
за собой и за своим спутником: кто-то из вас обязательно
окажется «более»... И неважно, что поведение такого чело-
века подчас никак нельзя назвать трусостью. В обычном
понимании этого слова.

Наш Ванин тоже не был трусом в привычном значении этого слова. Что вы! На Земле, в нормальных условиях, он был смелее по крайней мере восьми человек из десяти. Но на Марсе...

Его поведение формально было безупречным. Он не обращался в бегство при встречах с неожиданностью, не паниковал в трудной ситуации. Но он никогда не шел первым там, где дорога не была разведанной. Он всегда ступал след в след впереди идущим. Понимаете?

И он не мог заставить себя поступать иначе. Видел в себе этот недостаток, пытался его побороть — и не мог. Не берусь объяснить почему: человеческая психика все еще темный лес. Может быть, необычность обстановки, возможно, внушение «будьте осторожны, будьте осторожны...». Да знаете ли вы, как трудно было идти по Марсу впереди всех?! А вдруг разверзнется почва, вдруг произойдет что-то такое, отчего ты исчезнешь? И такие дурацкие мысли лезли в голову. Марс ведь, не Земля...

Да... Никто не упрекал Ванина, кроме него самого. А потом и мы стали посмеиваться над его сверхосторожностью. Это уже когда Марс перестал нам казаться таинственным, когда мы пообвыкли и поняли сердцем, а не умом, что марсианская природа ничуть не каверзней земной, пожалуй, даже наоборот. А к Ванину последнему пришло это понимание. И наши шуточки ранили его.

Винить ли себя в них? Задним числом оно, конечно, можно. Ну, а так, положив руку на сердце? Мы люди веселые. Без чувства юмора в нашем деле нельзя: сгоришь от перенапряжения. А шутка, в этом убеждает меня весь мой опыт, как предохранительный клапан. Посмеешься — и сразу легче.

Перебираю сейчас все наши остроты: нет, ничего обидного в них не было. Когда точно такие же по тону мы адресовали друг другу, то хохотали все — и «обидевшие» и «оби-

женные». И Ванин смеялся, когда ему доставалось. Очень натурально смеялся, только теперь я понимаю, что не всегда его смех шел от сердца... Где-то в подсознании, верно, звучало: «трус».

В те самые дни, когда мы уже освободились от робости, а Ванин еще нет, и произошло открытие марсианского прибора. И открыл его, как ни странно, Ванин.

Вот как это было.

Мы приближались к этим вот красным скалам со стороны песков. Стекланный шорох, предваряющий прибор, слышен только вблизи от них. Но подошли мы к ним, когда он уже смолк, поэтому ничто не предупредило нас.

Ванин по своему обыкновению шел сзади, ступая след в след (обычно он старался держаться середины; это еще тогда, когда мы двигались только цепочкой: теперь же мы шли тесной гурьбой и Ванину поневоле приходилось держаться позади).

Мы уже выбрались на берег, Ванину оставалось несколько шагов. И тут песок колыхнулся. От неожиданности Ванин упал. Хотел встать — ноги утонули в песке. Он сдержался, не закричал, но мы видели, как побелело его лицо. Пока мы лихорадочно разматывали трос, пока бросали, Ванина прибор окунул несколько раз в песок, и он понял, что ничего страшного нет. Песок в черте прибора никак не назовешь выбучим. Встать можно почти везде, встать и нащупать твердое дно. Причина, вероятно, та, что у скал очень мелко, и песок в глупине не может стать жидким.

Ванин быстро сообразил, что к чему (лишнее свидетельство, что трусом в обычном понимании он вовсе не был). Он не дал себя вытащить, а вылез сам, держась за трос просто так, на всякий случай.

Когда и мы поняли, что ничего трагичного в этой ситуации не было, мы не могли сдержать смеха при воспоминании

о нелепых телодвижениях Ванина, его растерянной физиономии. Как бы вы восприняли этот смех? Вероятно, сами в конце концов принялись бы подшучивать над собой. Ванин же «полез в бутылку». Ему показалось, что мы нашли его поведение трусливым. К этому не было решительно никаких оснований, любой из нас, уверен, испугался бы, когда почва вдруг уходит из-под ног. Но Ванин, как я уже говорил, болезненно переживал свою, как он думал, «неполноценность». И тут он разобиделся всерьез. Он счел наши шутки величайшей несправедливостью. Во-первых, в этой ситуации он вел себя мужественно. Во-вторых, прибор — его открытие. Неоспоримо, его! (На долю того, кто держится середины, обычно выпадает меньше неприятностей, зато и успех приходит реже.) А тут — смех...

И Ванин с горячностью стал доказывать недоказуемое. Что он ни капельки не испугался; что не вставал только из-за желания получше изучить явление.

— Кроме того — вы этого не понимаете, — купаться в приборе очень приятно! — заявил он.

Ему не поверили.

Тогда, прежде чем мы смогли его удержать (никто не ожидал!), он бросился в прибор, лег под волну, изобразив на лице величайшее блаженство.

— Мальчишка! — справедливо затопал ногами капитан. — Немедленно назад!

Он вылез, широко улыбаясь: доказал!

Мы повозмущались его поступком, но заинтересовались. А что если попробовать?

Со страховкой, с тысячью предосторожностей двое из нас влезли в прибор. Знаете, это было приятно! Кажется, что сам лежишь неподвижно, а колышутся скалы, горизонт, небо с редкими звездами в зените. Мерные, баюкающие колебания и одновременно — ощущение плавного полета, неяс-

но куда: вверх ли, вниз. Ни с чем не сравнимое впечатление!

А потом на тебя неизбежно наплывает вал, ты погружаешься, и это выглядит страшно, и ты начинаешь барахтаться, чтобы удержаться, и в этой борьбе есть азарт, хотя заранее известно, что ничего плохого не произойдет.

Надо испытать, что такое марсианский прибор. Его трудно описать по той простой причине, что на Земле ничего похожего нет. Нужно самому почувствовать этот полет в никуда, это медленное погружение в песок, чтобы понять притягательную силу прибора.

Вот так, с его открытием Ванин стал героем. Но ему было мало нашей признательности! Он хотел вновь и вновь утвердить себя, опровергнуть то, что было так преувеличено его воображением. На Марс прибывали новые люди, их возили к прибору, и показывал прибор, разумеется, Ванин — его первооткрыватель, его исследователь. Собственно, тем немногим, что мы знаем о природе прибора, мы полностью обязаны Ванину. Но его заботило гораздо больше другое: впечатление.

О, это выглядело великолепно! Вообразите себе группу новичков, еще растерянных, неуверенных в себе, ожидающих чудес. И рядом с ними Ванина — опытного, спокойного старожилы, которому все известно и все нипочем. Вот он, сопровождаемый восторженными взглядами, спускается с берега навстречу грозному в своей загадочности валу, ложится под него, плывет. Дальше исполнялся коронный номер: Ванин давал себя засыпать. Редко кто мог удержаться от невольного вскрика, когда песок целиком скрывал человека, он исчезал, и волны катились над могилой проглоченной жертвы, холодные, неторопливые, равнодушные. Тишина, безветрие, беззвучное движение песка, купол фиолетового неба над угрюмой равниной, проходят минуты, а Ванина нет и нет: исчез, утонул.

Начиналась паника. Мы, если кто-нибудь из нас присутствовал, старались не портить эффекта, принимая озабоченный вид. Тем поразительней был момент, когда Ванин вдруг встал из-под песка!

Это тоже был его фокус. Именно он обнаружил, что даже двухметровый покров песка не препятствует вставанию из «могилы» человека в скафандре, снабженном гидроусилителями. Просто меньшая сила тяжести, чем на Земле... Кроме того, песок и не мог утащить человека глубоко; Ванин тщательно проверил это и убедился, что находиться под песком можно часами, пока не иссякнет кислород в баллоне. Но новичкам-то все это было невдомек!

Втайне мы даже гордились «эффектом Ванина» и с нетерпением ждали очередного представления. Правда, капитан ворчал и даже советовал Ванину прекратить глупости. Делал он это, однако, не потому, что ожидал чего-то недоброго, а из любви к порядку. Ванин, конечно, и в ус не дул: это был его прибой, показательные купания были его славой, и он не собирался расставаться с лаврами. Так заслуженный ученый гордится порой не столько своими великолепными экспериментами, сколько умением красиво делать стойку на голове. Пойми человеческую натуру! Впрочем, и сам капитан не отказывал себе в удовольствии искупаться...

Вообще мы как-то позабыли одну простую истину. У человека, который знает, что он плавает плохо, невелик шанс утонуть, ибо этот человек осторожен. Невелик риск и для хорошего пловца. Чаще всего гибнут — и глупо гибнут — люди, которым кажется, что они уже научились хорошо плавать, тогда как на самом деле это не так.

И вот со временем мы очутились аккурат в этой самой злой полосе. До сих пор все шло удачно, мы осмелели. Но Марс еще не был покорен, нам это только казалось. Не то чтобы мы совсем забыли об этой истине. Но жить

в вечном ожидании удара и соответственно вести себя, когда все хорошо, все спокойно, невысказано. Можете проверить это на себе, когда представится возможность.

День отрезвления, как всегда, пришел неожиданно. На Марс прилетела новая группа. Среди новичков — две девушки. Их повезли смотреть прибой. Ванин радостно потирал руки. Чего он только не вытворял! Он превзошел самого себя. Девушки охали и ахали, в их глазах сиял восторг, который — Ванин не сомневался — должен был после коронного номера перейти в обожание.

Вы догадываетесь, конечно, что произошло потом. Ванин дал себя засыпать. Десять минут прошло, полчаса... Он не появлялся! Понемногу и мы начали волноваться. Но никто ничего не предпринимал. Глупо? Не очень. Прежде всего Ванин проделывал погружение десятки раз; погружались и мы. Воздуха у него было на несколько часов. На берегу девушки... Конечно же, он будет на этот раз тянуть время дольше обычного. Какими дураками мы будем выглядеть, если полезем его вытаскивать, а он с хохотом выскочит, как черт из коробочки?

Так и шло время. Проклятая боязнь стыда! В конце концов мы полезли в прибой узнать, в чем тут дело, а оставшимся объявили, что мы тоже захотели искупаться. Разумеется, поставив себя в такое нелепое положение, мы могли искать Ванина в волнах только украдкой. Излишне говорить, что мы ничего не обнаружили.

Вот тогда мы уже откинули ложную гордость. Вам пришлось копать болотный ил? Тогда вы немного представляете, каково было нам.

Мы нашли Ванина лишь после того, как прибой кончился и песок снова обрел плотность.

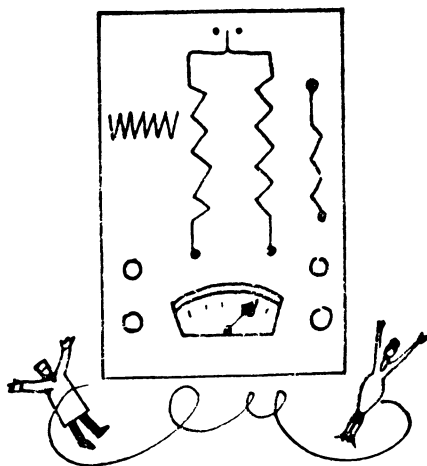
Ванин к тому времени уже задохнулся. Его затащило под

скалу, и он не мог выбраться, потому что этому препятствовало движение валов.

Нелепая случайность, от которой мог погибнуть точно также любой из нас? Нелепая, согласен. Но в том, что первой жертвой Марса был Ванин, я вижу некоторую закономерность. На дне прибойя случайность подстерегала каждого из нас, но шансов попасться в ловушку у Ванина было несравненно больше: он чаще и смелее нас всех, вместе взятых, лез в прибой. Лез ради самоутверждения. Лез потому, что новички видели в этом отвагу. То была фальшивая смелость, ибо она основывалась на убеждении, что опасности нет никакой. А смелость и обман — взаимоисключающие вещи, вот почему все и кончилось так нелепо и так глупо.

Не буду спорить, если мое объяснение случившегося покажется неверным. Я изложил факты, а часто бывает, что цепь событий, толкнувшая человека на какой-нибудь поступок, может быть истолкована совсем по-другому.

Дело не в этом. Я смотрю на прибой, на череду тяжело-весных волн, в которых ничего не отражается, и думаю. Сейчас никто уже не купается в прибое. Но будут купаться, когда Марс станет обжитым, — это неизбежно. Все придет в равновесие, все будет узнано, на любом клочке этой планеты четко обозначится граница между безопасным и опасным, между смелостью и трусостью, между ухарством и отвагой. Так будет. Но неужели и впредь для этого будет требоваться Ванин?

ПОЯВЛЕНИЕ ЖИРАФЫ

Заслонка пошла вниз, на лабораторию глянуло розовое око муфельной печи. Свод и стенки камеры светились; ворвавшиеся пылинки высекали из них искры.

Валя бережно подхватил щипцами фарфоровый тигель, внес его в печь и осторожно утвердил в ячейке. Среди жаркого сияния накалившихся стен снежная белизна хлопьев, лежащих в тигле, казалась противоестественной.

— Все стряпаете?

Валя обернулся. Сергей стоял, покачиваясь на носках, подтянутый, весь — от сияющих глянец ботинок до победной стрелочки галстука — аккуратный. Валя невольно бросил взгляд на свой халат — прожженный, с оторванной пуговицей, вполне заслуженный халат молодого химика. И в душе пожелал, чтобы Сергей побыстрее убирался. До прихода Светки желательно.

Он что-то пробурчал в ответ.

— Мощная аппаратура, — все также иронически-насмешливо протянул Сергей, поглаживая бок муфельной печи. — Вполне современная конструкция из металла, шамотного кирпича и ручки-манипулятора.

Валя поспешно щелкнул заслонкой. Розовое око погасло.

— Между прочим, мы синтезировали новое соединение.

— Да-а?

Валя слишком поздно сообразил, что так отвечать не следовало. Сергей бесил его своей небрежно-самоуверенной манерой разговора, которая так сочеталась с обаятельнейшей улыбкой, что любые попытки отбрить насмешника выглядели грубо и неловко. Валя это понимал и малодушно стушевывался перед этим напором иронии и самовлюбленности с тех самых пор, когда Сергей нежно пропел ему в коридоре: «Все химики ноль, только физики соль», и в ответ на его взбешенную реплику лишь удивленно повел бровями. «Вот, мол, чудак, шуток не понимает...» Окружающие покатались с хохоту. Да, тот, кто злится и теряет самообладание, всегда не прав.

— Гений! Бойль-Мариотт!

Сергей схватил Валину руку и потряс ее. Затем поправил стрелочку галстука и, прищурясь, оглядел лабораторию. Что говорить, вид неказистый. Потемневшее стекло змеевиков, кишки резиновых трубок, под тягой булькает мутная

вонючая жидкость, на столах хаос и невытертые лужицы. «Ну, Светка, — пообещал Валя, — ох, и выдам же я тебе за грязь!»

— Так, новое вещество, значит, синтезировали, — кротко сказал Сергей. — Вы, химики, плодovиты, как мыши. Говорят, если теперь дипломант не представит какого-нибудь нового соединения, то комиссия смотрит на него как на недо-человека. Правда или треп?

— Треп.

— Я так и думал. И чем замечательно твое открытие?

— Это не открытие...

— Не скромничай, не скромничай. Знаем мы вас, тихонь. Сидите кашеварите, вонь разводите, а потом бух, трах — шум в газетах! «Молодой талантливый ученый Валентин Мороз получил новый препарат, одна крупинка которого убивает всех клопов в радиусе ста километров!»

Валю передернуло.

— Можно подумать, будто ты сам что-то свершил...

Сергей перестал улыбаться. Изящно смахнул со стола мокрые комочки фильтровальной бумаги, отодвинул газовую горелку и сел, скрестив ноги.

— Нет, старина, ничего я пока не свершил. Ни-че-го!

— Приятно слышать самокритику...

— Эх, Валюша, Валюша, я серьезно... Тебе не осточертела эта жизнь? Сидишь копаешься, словно крот... А небось и тебя манило летать орлом. Знаешь, как в сказке об Иванушке-дурачке: лежал Иванушка на печи, то бишь на муфеле, и вдруг узрел он чудо чудное, диво дивное...

— Что ты хочешь этим сказать?

— Да так, ничего. Заедает серость буден, вот и захотелось отвести душу...

— Отвел?

— Разве с тобой отведешь? Ты еж-трудяга. Зарылся

в мокрые фильтровальные листья — и ш-шу... А попробуй тебя вытащить, так сразу об иглы уколешься. Шушара ты. Серая такая шушара, знаешь?

— А, иди ты...

— Ну вот и обиделся. Первый признак шушары. Ведь не ждешь уже чуда чудного, дива дивного, а?

Валя не сразу нашелся, что ответить. Скажешь что-нибудь всерьез — засмеет. Ответишь на треп трепом — и того хуже: таким прикинется серьезным, деловитым, что сам себе пустельгой покажешься.

— Делать тебе нечего, Сергей, вот что.

— Верно! Потому как осваиваем новое помещение. Прямо над вами. Вот мозги и простаивают. И лезут в них всякие черные мысли. Такие вот, например. Работаешь ты, парень, в своем химическом захолустье, корпишь над пробирками, что-то получаешь, о чем в журнале несколько строк тиснут и о чем вскорости все забудут. А где-то в других лабораториях сидят другие парни и корпят над тем же самым. Так ведь? Так! И видят все одно и то же. Но рано или поздно кто-то из вас сделает Открытие. С большой буквы. Один! А остальные будут стонать и плакать: «Ах, мы бедные, ведь и мы наблюдали то же самое, как же это так вышло...» Чуешь?

— Лучше о себе побеспокойся.

— Не веришь? Зря. Будет такая минута, будет, когда рядом с тобой окажется чудо чудное, диво дивное. А ты, ибо ты шушара, или пройдешь мимо, не заметив, или не поверишь. Знаешь, как тот посетитель зоопарка, который увидел жирафу и сказал: «Быть такого зверя не может!»

— К себе ты это не относишь? Ну, конечно, нет. Ты гений. Все физики уже с первого курса гении.

— Значит, согласен?

— Да с чем?!

— О господи, объясняешь ему, объясняешь... Вот ты синтезировал новое вещество. Ждешь ли ты от него чего-нибудь эдакого необыкновенного?

— Показывай свою химическую неграмотность, показывай. Мы отчетливо представляем себе свойства нового соединения еще до того, как приступаем к синтезу. Ясно?

— Куда уж ясней... — Сергей вздохнул. — По философии, конечно, пятерка была?

— Пятерка...

— Оно и видно.

Валя даже от самого себя полускрывал истинную причину раздражения, которое вызывал этот разговор. Чего греха таить, он, как и многие, сомневается в своих силах. Это так понятно, естественно, так обычно! Но что за удовольствие с ужимочками, усмешечками беречь тайные мысли! Добро бы сам Сергей что-нибудь путное сделал...

В Вале медленно закипала злость.

— Сам-то ты уж, конечно, не удивишься жирафе. Ну да, вы все теоретики. Вы предсказываете ее появление за много лет вперед. А потом удивляетесь, почему она оказывается не такой.

— Ты, Валя, глянул в самый корень проблемы. Могучий ум! В том-то и дело, что жирафа всегда оказывается не такой. Кстати, где Светка?

«Ага! — с мстительной радостью подумал Валя. — Вот чем заканчиваются все твои умные разговорчики!»

— Зачем она тебе?

— Затем же, зачем и тебе.

Валя подался вперед. «Сейчас ты у меня вылетишь отсюда... Пижон, павлин, пошляк... Шушар он, видите ли, не любит...»

Хлопнула дверь, в лабораторию, напевая и пританцовывая на каблучках, влетела Светка. Сергея как ветром сдунуло со

стола. Он полуобнял девушку за плечи, что-то зашептал ей на ухо. И она покорно замерла, потупив взгляд и перебирая складки платья.

— Света! — заорал Валя. — Почему не прибрано на столах? Почему здесь лужи, и здесь, и здесь?

Он тыкал пальцем и кричал, и ему было противно слушать собственный голос, но остановиться он не мог.

Светка высвободилась из объятий Сергея, кивнула ему и лишь потом взглянула на Валю.

— Чего ты кричишь? Ты же знаешь, что меня услал Михаил Герасимович...

— Светка, переходи-ка лучше к нам, — сказал Сергей, — мы не зануды.

Валя было шагнул к нему, но Сергей, как ни в чем не бывало, озабоченно спросил:

— Слушайте, который час?

— У меня нет с собой часов... — сказала Светка.

Сергей схватил Валю за руку, по-хозяйски отвернул обшлаг халата, взглянул на циферблат.

— Противоударные, антимагнитные, водонепроницаемые... Блеск часы. Ну, а мои ломаются, стоит лишь чихнуть погромче. Пока, ребята, засиделся я. Ш-шу...

И он исчез. Светка взяла тряпку и вытерла столы. Получилось это у нее быстро, ловко, играючи. Валя отвернулся.

— Легкий парень Сергей, но веселый, — сказала Светка.

Вале от этого утешения стало еще поганей. Он копался под тягой, безтолку переставляя колбы, чтобы Света не видела выражения его лица.

Но когда он обернулся, ее уже не было. Бледное осеннее солнце пробилось сквозь тучи и нехотя осветило лабораторию. Жидко заискрилось стекло змеевиков, на стены лег пыльный отсвет.

Так как веществу надлежало прокаливаться еще минут де-

сать, делать пока было нечего. В лаборатории стояла тишина как в сонном царстве. И Валя ощутил странную пустоту и потерянность. Он будто увидел себя со стороны — одинокого, невзрачного, и ему показалось, что так будет еще многие, многие годы, что так будет всегда, — ровная неторопливая жизнь среди колб и бюреток. И что так же мерно, без потрясений и взлетов он будет стареть, набираться опыта, обзаводиться степенями и почетными трудами, которые, разумеется, будут важны и нужны, но которые не обязательно принесут ему радость. Неизвестно, откуда и почему пришла эта убежденность, но она пришла и от нее некуда было деться.

Внезапно что-то его насторожило. Какой-то звук. Он обернулся.

Массивное тело печи легонько колыхалось на своем постаменте. Валя моргнул. Печь приподнялась и повисла в воздухе.

Валя уцепился за край стола. В тягостном недоумении он следил за тем, как печь медленно поплыла вверх, как натянулся шнур, как выскользнула из розетки вилка, как она маятником закачалась в воздухе. Печь коснулась потолка и замерла.

И тут Валя испугался. На высоте четырех метров, под потолком, ни на что, кроме воздуха, не опираясь, висели добрые полторы сотни килограммов!

Зачем-то он потащил стул, потом стал шарить в карманах, пока в пальцах что-то не хрустнуло, и он несколько секунд с удивлением разглядывал осколки стеклянного наконечника для промывалки. Как наконечник мог попасть в карман?

И только тут до него дошел невероятный смысл происходящего.

Он метнулся к двери, потом к месту, где только что стояла муфельная печь, словно желая убедиться, что ее там дей-

ствительно нет. Потом опять к двери, и здесь нос к носу столкнулся с входящей Светкой.

— Опять кричишь? — сказала она.

— Я?... Кричу?

— Еще как! Да что с тобой?

Валя схватил ее за локоть и потащил, нечленораздельно бормоча. Света испуганно упиралась.

Потом она ойкнула и присела. Она тоже увидела это.

Как ни странно, это привело Валью в чувство.

— Что ты, что ты... Вот пустяки...

— Боюсь...

— Не надо, Свет, не надо... Беги к Михаилу Герасимовичу! Только тихо.

Почему профессора надо было звать тихо, Валя и сам не знал. Света еще раз пискнула и убежала пригибаясь.

Печь нерушимо висела под потолком, будто приклеенная. В окна по-прежнему тускло светило солнце. И оттого невероятное казалось совсем невероятным. «Не может этого быть, не может», — как заклинание шептал Валя, втайне еще надеясь, что произошла какая-то нелепица и сейчас все вернется на свои места, как это бывает во сне.

Но все и так было на своих местах. Кроме муфельной печи и Валиных мыслей.

Вошел Михаил Герасимович, на ходу, как всегда в затруднительных случаях, извлекая очки из нагрудного кармана. Он выглядел учителем, который входит в класс, заранее зная, что там его ждет какая-то очередная проказа. Из-за его плеча выглядывала Светка.

— Так, — сказал он. — Что у вас тут случилось, Валентин Захарович?

Валя молча показал на потолок.

— Что-о? Да кто вам разрешил...

И он осекся.

— Она сама... — пискнула Света.

Очки запрыгали в руках профессора. Хорошо отглаженный костюм как-то сразу обвис на нем, словно из профессора выпустили воздух.

— Объясните, что произошло... — почти умоляюще прошептал он.

— Она сама... Я поставил туда тигель с нашим НК, только... Ну и... Вот поднялась...

— Точное время начала явления? Скорость подъема? Время подъема?

Теперь голос профессора гремел.

— Я... я... не знаю... Растерялся...

Михаил Герасимович посмотрел на Валю так, словно видел его впервые.

— Поставьте стул на стол! — скомандовал он. — А, уже стоит... Надо опустить муфель. Да нет же, не голыми руками! Достаньте динамометр, приладьте... Что вы, не знаете! Нет, опоздали...

Голос профессора опять спал до шепота, ибо муфель ни с того, ни с сего отделился от потолка и стал плавно опускаться.

— Секундомер!!! — зарычал профессор.

Валя повиновался, как автомат. Секундная стрелка торопливо склевывала деления циферблата, но Валя никак не мог сообразить, сколько она показывала вначале.

— Да подхвати же... Черт...

Печь уже висела над постаментом. Валя схватился за ее край, и она аккуратно встала на место. Тут Валя услышал чье-то прерывистое дыхание. И не сразу догадался, что это дыхание профессора.

— Михаил Герасимович, что это такое было? — как ни в чем не бывало, прошебетала Светка.

— Это? Ну, конечно... С одной стороны... Спокойно, товарищи, никому пока...

И словно ища поддержки, он обернулся к Вале.

— Могут засмеять... Или нет? Как вы думаете?

Однако Валя начисто лишился способности о чем-либо думать.

— Так вот, значит... — профессор неуверенно взялся за ручку задвижки. — Говорите, там ничего нет... такого?

— Там НК... То новое соединение...

— Ага! Но это невозможно! Вообще антигравитация... Все чушь... Нет, надо посмотреть... Да, где же мои очки?

Заслонка пошла вниз. Теперь на лабораторию глянуло уже черное око. Стенки успели поостыть, пылинки на них больше не вспыхивали.

— Что вы мне голову морочите! Никакого тигля здесь нет!

Лицо профессора побагровело от волнения.

Валя с замиранием сердца тоже глянул внутрь печи. Тигля на месте не было.

— Вот он, — глухо сказал Валя.

Тигель покоился под сводом печи. Он прилип к нему точно так же, как перед этим муфель прилип к потолку.

Профессор посмотрел на Валю и Свету, словно сомневаясь уже в их реальности.

— А-а... как вело себя НК при других прокаливаниях? — наконец решился он спросить.

— Обычно... Как еще оно может себя вести?

— Я сам знаю, что не может! Ладно, разберемся... Достаньте тигель. Только осторожно, осторожно...

Валя подхватил тигель щипцами. От свода он отделился легко. Но странно было чувствовать его полную невесомость. Рука вздрогнула. Платиновые наконечники щипцов соскользнули...

— Ах!!!

Тигель не упал. Он плавно, словно в задумчивости, повис, потом стал медленно подниматься.

— Держите! — закричал профессор.

Валя поймал тигель, обжегся о еще горячий фарфор, но боли почти не ощутил.

— Щипцами надо, кто вас учил!

Профессор ловко перехватил тигель щипцами. На дне его уже не было белоснежных хлопьев. Они спеклись в бурую невзрачную массу.

— Самый обыкновенный НК... — растерянно сказал профессор.

— Да, — сказал Валя.

— Чудовищно... Ну-ка, посмотрим... — И он внес тигель обратно в муфель и ослабил хватку щипцов. На этот раз тигель не достиг свода. Он просто повис в воздухе.

— Как воздушный шарик... — сказала Света.

— Сфотографируйте явление, — к профессору возвращалось самообладание. — А я сейчас пойду приглашу Ивана Владиславовича и Аркадия Степановича. И не давайте муфелю остыть!

Он быстро пошел по проходу, неуклюже задевая углы столов.

— Да что же это такое... — бормотал он, и неясно, к чему это относилось — к предательскому поведению мебели или к проклятому НК.

Дверь захлопнулась.

Валя сел. Он невероятно устал. Обожженные пальцы болели все сильнее. И он ничего не понимал. Совсем ничего. Его мучило от собственных мыслей. «Хоть бы скорей вернулся Михаил Герасимович...» — тоскливо подумал он. Войдут Иван Владиславович и Аркадий Степанович, все сразу станет легко и просто.

Муфель бесстрастно глядел на него своим черным оком. Валя вспомнил напоминание профессора, через силу встал, закрыл задвижку и включил обогрев.

И тут же испугался чужь не до обморока. «Что, если этого делать не надо? Нельзя? Выключить? А вдруг еще хуже? Я могу погубить явление...»

Голова шла кругом, он взывал к стенам, к человечеству. Но не было в лаборатории — что там, во всем мире! — ни ответа, ни опоры. Он уже был готов просить совета, хоть какого-нибудь, хоть глупого, у Светки, чье личико теперь выражало одно только любопытство. Лишь бы только разделить ответственность...

И тут он услышал в коридоре знакомый голос. Валя вско-чил. «Сережка! Вот хорошо, он физик...»

— Сережа! — позвал он. — Сережа!

Тот сразу влетел, будто только и ждал приглашения.

— Ну как, алхимики? — его голос излучал лукавство. — Что-то лица у вас какие-то придавленные. Муфель летал, да? Это пустяки, я в одной редакции статью читал, неопубликованную, конечно, так в ней описывался факт полета гробов в одном семейном склепе...

— Так тебе рассказали...

— Хм! Нет, брат, никто мне ничего не рассказывал. Не пучь так глаза — выстрелят... Неужели вы ни о чем не догадались? Ну, знаете... Ха-ха-ха...

Он залился смехом, и чем недоуменной выглядели Валя и Света, тем сильнее забирал его хохот. В восторге он шлепал себя по коленям, показывал на ребят пальцем, сгибался в три погибели и смеялся, смеялся — искренне, до слез.

— Да это же... Да муфель... — смех мешал ему говорить. — Ведь я его поднял! Из своей лаборатории! Электромагнитом... Ха-ха! Спроста, что ли, я завел тогда разговор...

Ответом было молчание, такое выразительное молчание, что Сергей разом оборвал смех.

— Что, склянку какую-нибудь раздавил? Простите великодушно: погрешность расчета... Я ведь даже насчет часов проверил, чтобы не повредить... А здорово выглядела «жирафа»? Сознайтесь! Да что вы на меня так смотрите?

Сергей терялся все более и более. Он не понимал, что происходит. Его слова не находили отзвука у этих двоих, верней, отзвук был, но совсем не такой, какого он ожидал. Его разглядывали — в упор, пристально, и взгляд их был странен.

Потом Валя поманил его пальцем.

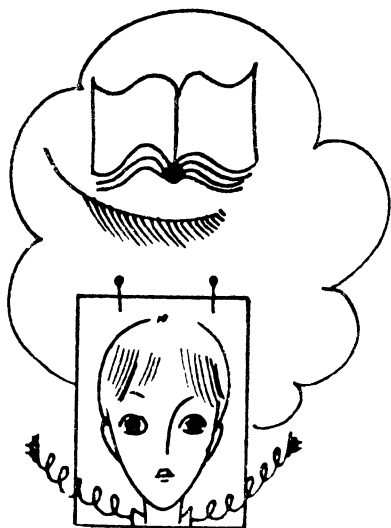
— Подойди. Ближе, ближе.

Сергей смешался. Покорно, словно замороженный взглядами, подошел. Последний шаг был исполнен смятения.

— Что вы, ребята... Ну, пошутил...

— Возьмись, пожалуйста, за эту ручку, — ласково проговорил Валя. — Не бойся, не бойся... Теперь загляни в муфель.

И Валя увидел, как отшатнулся Сергей от черного ока муфеля: в глубине его все еще парил фарфоровый тигель.

ОШИБКА НЕВОЗМОЖНА...

Окна смотрели в бесконечность неба, откуда медленно и густо выплывали облака, наполняя зал мягким снежным светом, — рассеянным отражением бело-голубых далей. Там ежеминутно творились облачные города, расплывчатые и мгновенные, как фантазия.

— Следующий! — крикнул доктор Решетов.

Фотоэлементы беззвучно распахнули дверь, и в черном проеме появился юноша, почти мальчик, его бледное от волнения лицо.

— Садитесь! — приказал доктор.

Юноша сел в треноподобное кресло, по сторонам которого свисали серебристые плети контактов.

— Так кем вы хотите стать?

Решетов произнес традиционную фразу так же и тем же тоном добродушного одобрения, каким он произносил ее уже тысячи раз.

Ответом был взмах ресниц, густых темных ресниц, смущенный взгляд синих глаз, трогательный румянец щек, кожу которых еще ничто не успело огрубить. Тонкие пальцы юноши терзали подлокотник.

— Поэтом...

— Отлично! — чересчур шумно обрадовался Решетов. — Вас зовут...

— Сережа... Сережа Югов. Сергей Александрович Югов, — тотчас поправился он.

— Почти Александр Сергеевич Пушкин, — неудачно составил доктор. Встретив взгляд юноши, осекся. — Пожалуйста, карточку, — угрюмо кивнул он ассистенту.

Тот подошел к высокой мозаичной стене, присел в углу за пульт и набрал комбинацию цифр. Послышалось щелканье реле, потом словно вздох пронесся по стене; открылась узкая щель, и в руки ассистента порхнул желтый листок негибкой пластмассы, испещренный значками генетического кода, снятого еще в первые дни жизни Югова.

Взгляд юноши наполнился тревогой, потемнел — так темнеет око лесного озера, пугливо спрятанного в чащобе, когда зенит застилает грозовая туча. Решетову захотелось похлопать мальчика по плечу, он ему нравился.

Но доктор сдержался. Взял листок, поднес его ближе

к глазам. При этой операции его редко смущал взгляд мальчиков и девочек, усаженных в кресло, — привык. Но не сейчас. Что-то сдуло покров будничности с того, что он делал.

Ассистент в белом халате — вежливое и вполне земное подобие судьбы — быстро и аккуратно укрепил контакты на запястьях, шее и затылке Югова. Тот вздрогнул — может быть, от холода металла, может быть, от волнения.

Где-то в недрах стены послышалось гудение. Электронные недра машины переваривали информацию, текущую по контактам из самых глубин человеческого «я». Юноша — он весь сжался — смотрел на стену в упор, с вызовом. Потом отвел взгляд.

Решетов встал спиной, барабанил пальцами о подоконник. Он был уверен, что юноша смотрит ему в затылок.

Но на этот раз доктор ошибался. Сергей смотрел мимо него — на облака. На их торжественную, неслышимую поступь, которая всегда вызывала в его душе неясное томление, настойчивое и желанное, схожее со смутным предчувствием счастья, которое ждет его в необозримом и туманном будущем.

Зажглась контрольная лампочка, циклоп за стеной подмигнул красным глазом: послышался мелодичный звон. Решетов, не оборачиваясь, протянул руку, и ему на ладонь лег прохладный глянцевый листок. Он взял его, сравнил со старым.

«В их возрасте каждый третий мечтает быть поэтом, — подумал он. — Каждый третий. Но отказ обычно бывает легким».

Но спокойствия эта мысль не принесла. Доктор внезапно почувствовал усталость. Нет, это ему только казалось, что он привык. Слишком велика ответственность, чтобы не беспокоиться о последствиях. Тысячи раз переживать за других — тяжело, тяжело.

Ему захотелось оттянуть мгновение ответа, но он понимал, что этого делать нельзя, что нет хуже неопределенности.

— Вот что, мой друг, — сказал он наконец. — Поэта, к сожалению, из вас не получится.

Он пристально посмотрел на юношу.

— Вот ваша карточка, возьмите. Ваши способности выделены там красным.

Он положил ему на колени холодно поблескивающий листок пластмассы. На юношу глянул узор значков — черных значков и красных значков. Трассирующие пунктиры кода. Пулеметная очередь из будущего.

Ничто не изменилось в лице Сергея Югова. Но оно словно сделалось старше. «Ну вот, — с облегчением и одновременно с безотчетным разочарованием вздохнул доктор, — операция закончена. Сейчас он, как и многие до него, сунет листок в карман. Небрежно, снисходительно глянет на обломки юношеских мечтаний. И уже взрослым человеком встанет с кресла. Чего тут больше — хорошего или плохого?»

Доктор давно уже старался избегать этого вопроса, но он приходил вновь и вновь. Почему? Разве неясно, что определенность лучше неопределенности, знание лучше неведения, а правда — самообмана? Да, ясно. Он и шел на этот эксперимент, воодушевленный благородством задачи, он видел себя рыцарем добра, которому наука дала на испытание копье, могущее сокрушить многие беды... Откуда же сомнения, которых раньше не было?

Доктор нахмурился. Лица. Их не выгонишь из памяти. Тысячи лиц тех, кто садился в это кресло, чтобы на себе испытать целительный удар копья. Очень разные лица. И чем-то становящиеся похожими друг на друга после традиционных слов «Ваше призвание...». Иные ребята вначале даже

пускают слезу: «Нет, нет, скажите, что вы ошиблись...» Другие выслушивают рекомендацию спокойно. Третьи вежливо говорят «спасибо» и уходят насвистывая. Но соглашаются в конце концов почти все. Пожалуй, слишком легко соглашаются. Не потому ли, что многие в душе мечтают снять с себя бремя ответственности за свою судьбу? А лучшую возможность трудно представить... И они с легким сердцем уходят отсюда навстречу тому призванию, которое открыла для них наука. Призванию, которое сулит наибольшие успехи в жизни для них самих и наибольшую пользу для общества. Полная гармония. Не нужно блуждать в поисках самого себя. Плата же невелика: иллюзии (а может быть, мечты?) детства.

А Югов не видел в эту минуту ни доктора, ни самой комнаты. Он шел среди манящих звуков, тихой капли берез, просквоженных солнцем, мелодий, которые они ему навевали и которые просились наружу, как порыв, как песнь, когда хочется петь. Над головой плыли облака, причудливые, зыбкие, зовущие взгляд за собой — вдаль, в бесконечность. Но уже грохотал железный каток, готовящийся подмять все это. Уже сузились горизонты будущего, в них пролегли рельсы, черные, как строчки генетической карты, и эти рельсы шли мимо, мимо звуков, мелодий и строф.

— Нет, нет! — закричал он, вскакивая с кресла. — Вы ошиблись! Скажите, что вы ошиблись...

Он дрожал, синева глаз померкла. Ассистент кинулся к сифону с водой.

Решетов вскинул голову от удивления. Оно было вызвано не самими словами — он ожидал чего-нибудь подобного, — а тем, как они были сказаны. В них слышалась неподдельная боль.

— Успокойся, мой мальчик. — Решетов ласково взял его за локоть. — У тебя великолепный талант, щедрый, большой.

Но не в поэзии, не в искусстве. Посмотри, какой великолепный набор профессий ожидает тебя...

Он ногтем подчеркнул красные значки на листке. Юноша послушно проследил взглядом. Да, великолепные способности, отличные профессии, спору нет.

— Но я не хочу их! — вырвалось у него. — Я хочу своего!

Лицо Решетова сделалось строгим.

— Ты пришел сюда сам. Чтобы узнать правду о себе, не так ли?

— Да, я верю науке! Но себе я тоже верю!

— Я тоже верю науке, мой мальчик. И потому не советую пренебрегать ее рекомендациями. Конечно, никто не неволит тебя. Но вспомни: свобода есть осознанная необходимость. Вот мы и помогаем тебе, другим, а если эксперимент удастся — всем найти себя и свое место в мире. Никто не может быть талантлив во всем, увы, это исключено природой. Но у каждого человека — повторяю, у каждого! — обязательно есть две-три творческие способности к чему-либо выше средних. Каждый талантлив по-своему, понимаешь?

— К чему все это? — тихонько сказал юноша.

— А к тому, что все это было известно давно. Но каким именно талантом обладает тот или иной человек, наверняка сказать никто не мог. И юность вслепую искала свое призвание. Ей помогали учителя, но тоже вслепую! Иногда человек находил свое, а иногда нет даже при самых благоприятных условиях. И становился неудачником. И не было ему счастья, и он не мог понять почему. Счастливый человек не бывает злым, а такие люди очень часто становились циниками, подлецами, пьяницами и делали несчастными других. То, что мы делаем сейчас, это выстрадано, пойми. Если этот эксперимент кончится хорошо, каждый человек по достижении зре-

лости будет узнавать от нас, в чем его призвание. И он уже будет застрахован от всех этих мук прошлого — разве это не великолепно? Ты участвуешь в великом опыте, который должен резко увеличить меру счастья людей, отнесись к нему со всей ответственностью.

— Знаю! — юноша отстранился. — Знаю, на что и ради чего шел!

Теперь его глаза были сухи. Он стоял лицом к окну, и в его глазах плыли крохотные отражения облаков, причудливые, как фантазия, яркие, как огоньки. Глаза юноши вмещали в себя небо, всю бесконечность его далее и весь его простор.

— Да, — устало сказал Решетов. Его обволакивающий голос опытного психолога зазвучал глухо. — Да, ты можешь стать поэтом. Ценой неимоверного труда, самовоспитания ты можешь стать... средним поэтом. Хорошим — никогда! По крайней мере до тех пор, пока мы не научимся перестраивать аппарат наследственности в соответствии с мечтами и пожеланиями каждого. Но это будет не скоро.

Юноша взял со стола свою карточку. Покрутил ее в руках, потом смял и швырнул в окно. Листок упрямо распрямился, ток воздуха подхватил его и понес в сияющую синеву.

— А все-таки я буду хорошим поэтом! — крикнул юноша, исчезая за дверью.

— Дубликат будет ждать тебя здесь! — прокричал ему вслед Решетов.

И комнату наполнила тишина, бело-голубая тишина неба.

— Иногда мне кажется, что это слишком жестоко — лишать юность уверенности в том, что она может все, — сказал ассистент, не глядя на Решетова.

— Любая операция причиняет боль, — отозвался доктор, в задумчивости расхаживая по комнате. — Но ведь она

быстротечна, эта боль. Зато спасительна: она ограждает от худших бед — от разочарования, от неверия в себя. Нет, мы поступаем гуманно, очень гуманно.

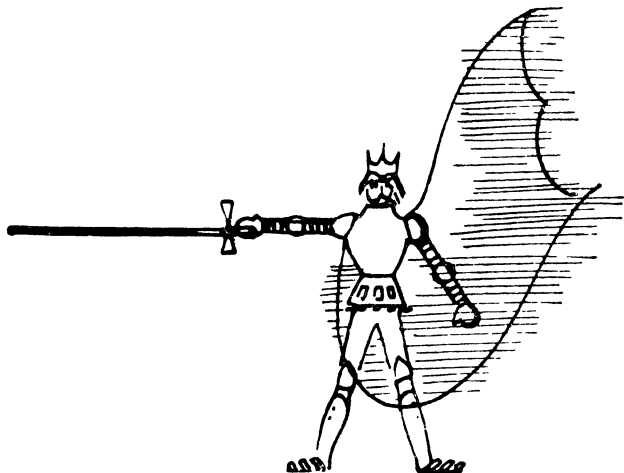
— А некоторые все же кричат вот так... Они надеются, что мы ошиблись.

— Ошибка невозможна, ошибка невозможна, — повторил несколько раз доктор.

Но думал он о другом. Не о Югове. Он думал о тех, кто безоглядно доверяет им, настолько доверяет, что уж не терзает себя никакими сомнениями, а берет призвание готовеньким, невыстраданным и уходит отсюда, насвистывая, самоуверенным шагом, словно по разостланному ковру, навстречу predetermined будущему. Маршрут указан, и человек, быть может, еще не успев почувствовать любви, уже вступает в брак с профессией. А ведь талант еще не все, ох, далеко не все, мало его найти, надо его и воспитать. Уж не дарим ли мы им вместе с карточкой иллюзию легкости? Иллюзию, что и впредь от них не потребуется усилий, раз бремя ответственности за их судьбу принял на себя кто-то другой.

«Ладно, опыт только начат, будущее покажет», — наконец успокоил себя доктор фразой, которой все сомневающиеся успокаивали себя испокон века.

— Следующий, — крикнул он.

ПРИЛЕЖНЫЙ МАЛЬЧИК И НЕВИДИМКА

«Хочу отлично кончить школу, потом институт, затем делать открытия».

Не помню, в каком классе, в каком из сочинений на вечную тему «Кем я хочу быть» Илюша Груздев написал это. Может быть, ему было тогда четырнадцать лет, а возможно,

и семнадцать. Ясно вижу другое: мальчика в серой курточке с отложным воротничком и красным от старания затылком, склоненного над аккуратной тетрадью, в которой он аккуратным почерком пишет о своем желании делать открытия и аккуратно промокает последнее слово.

Похвальбой здесь и не пахло. Груздев никогда не хвалился, никогда не витал в облаках, — он точно и прилежно следовал выработанной им программе жизни. Раз он написал «хочу отлично окончить...», он и окончил школу на круглые пятерки.

В институте он был для нас живым укором. Кто-то убегал с лекций на концерт — Илюша сидел от звонка до звонка, круглым и четким почерком записывал лекцию слово в слово. Кто-то влюблялся, и наука переставала для него существовать, — Груздев дотемна сидел в лаборатории, переливая содержимое колб в пробирки и обратно. Кто-то хрипел в спорах о жизни, искусстве — его же озарял зеленый свет лампы в читальне. Словно какой-то уверенный и бесстрашный автопилот вел Илюшу сквозь все соблазны и помехи от одного пункта его программы к другому. «Видите ли, — сказал он, когда однажды мы его всерьез прижали, — игла только потому легко проходит сквозь твердый материал, что она тонка...» Сказал он это твердо, убежденно и тотчас склонился над книгой.

В сердцах, за глаза мы называли его именем того самого чеховского ученого из рассказа «Скучная история», который прилежен, но пороха не выдумает. Позднее я понял, что это не так. Груздев был героем иных горизонтов. Хитрый Ньютон во время бона пустил гулять по свету историйку, что яблоки (то бишь открытия) висят невысоко и сами валятся на голову. Конечно, Ньютон издевался. Яблоки (то есть открытия) висят так высоко, что до них запросто не дотянешься. Кто-то гениальный умеет сбивать их ловко заброшен-

ным в поднебесье камнем эксперимента или теории. Для этого, кроме гибкой руки, нужен, очевидно, необычный глазомер.

Но есть и другой путь. Старательно, изо дня в день, без взлетов, зато упорно, громоздить камень за камнем пирамиду, чтобы затем встать на ее вершину и сорвать редкостный плод. Чеховский герой умел воздвигать пирамиду. Делал он это с прилежанием муравья, но и с сообразительностью муравья. Пирамида громоздилась наобум, вершина ее была нацелена в «белый свет, как в копеечку». Но даже если бы ее острие случайно и коснулось плодоносящей ветви, чеховскому ученому и в голову бы не пришло протянуть руку. Его могла бы привести в сознание только внушительная шишка, но в отличие от яблок открытия сами на голову не валятся.

Груздев и рад был бы лихо сшибать в научных поднебесьях грозди открытий, для того он и ограничивал себя, но чего-то ему не хватало. Лишь через много лет я понял чего. Его рука двигалась лишь в одной плоскости и своевольно отказывалась обрести гибкость руки гения. Да и глазомер подвирал: точнее, походил на сильный бинокль, которым мы пытаемся возместить природный недостаток зрения, но который, позволяя четче видеть, сужает поле зрения.

А Груздев так тщательно и долго мастерил себе бинокль, что уж и не мог его отнять от глаз. А метко прицелиться, упершись взглядом в бинокль, — предприятие неимоверной трудности.

Естественно, Груздев стал строителем пирамиды. Но он все же знал, как ее возводить, и куда вести кладку, и где надо подпрыгнуть...

Шли годы, а он все строил и строил. Спал, ел — и строил. Ведь сделать открытие, хотя бы одно, было конечным

пунктом его жизненной программы, его целью, мечтой и страстью. Им восхищались: верней не им, а его трудолюбием, само- и всегозабвением. Ему присудили кандидата, затем доктора наук — кладкой его пирамиды уже столько воспользовались, как трамплином фактов, что было просто неприлично обделить Груздева учеными званиями.

Я его терял на долгие годы из виду, а встречая, находил все тем же старательным мальчиком с краснеющей от прилежания шеей и аккуратным почерком, которым записывалось все относящееся к делу и только относящееся к делу. Он и старел будто по программе — в тридцать появились морщинки и залысины, в сорок он страдал геморроем, в пятьдесят его одолела гипертония, а над лысинкой петушиными гребнями курились жидкие седины. Но открытий за ним все еще не значилось. Я уже было решил, что его программа так и останется невыполненной, но я, оказывается, был плохого мнения о достоинствах прилежания и самоограничения.

Однажды он появился у меня. Лицо его сияло скромным торжеством, совсем как в школьные дни, когда он получил несколько пятерок подряд.

— Поздравь меня, — сказал он. — Я сделал открытие.

— Поздравляю. А что за открытие?

— Наконец-то после тридцати лет поиска я нашел способ, как сделать человека невидимым.

— Да ну?!

— Уже проверено на опыте.

Первой моей мыслью, сознаюсь, было: «Немыслимо, чтобы Груздев...» Как вдруг меня осенило. Все же очень просто: он, наконец, закончил возведение своей пирамиды. И сошел то, к чему прилежно тянулся всю жизнь.

И я преклонился перед ним.

— Мне нужна твоя помощь, — торжественно сказал он. —

Я передал все материалы в Комитет открытий, и меня сегодня вызвали туда. Я, знаешь, никогда не сталкивался...

Он смущенно пошевелил пальцами. Я понял, что он имеет в виду. Он никогда не сталкивался с тем, что выходит за пределы чистой науки, дабы не отвлекаться. В восторге, что могу быть полезен, я вместо ответа бросился его обнимать. Он неумело, но с достоинством принял мои излияния.

Эксперт Комитета открытий меньше всего выглядел чиновным сухарем. Лобастый, живой, его глаза из-под выпуклых очков взирали на мир с неукротимым любопытством.

— Мы рассмотрели вашу заявку, — сказал он Груздеву. — Необыкновенное количество фактического материала! Бездна работы! Еще никто не прилагал столько усилий, чтобы сделать открытие. Вам памятник надо поставить.

Груздев застенчиво сиял.

— Просто я шел всю жизнь к этому. Только к этому...

— М-да... — Лицо эксперта выразило сострадание. — Но дело вот в чем... Мы вызвали вас, чтобы вы нам помогли. Открытие должно нести пользу людям, таков закон. Вот мне и хотелось бы узнать, какую пользу может принести ваше открытие...

— Как! — изумился Груздев. — Незримый, всепроникающий, неуловимый человек — это... это... Об этом мечтали, к этому стремились... Фантасты писали...

— А зачем человеку невидимость? У Уэллса — чтобы безнаказанно воровать деньги. Но, простите, в нашем коммунистическом обществе, где денег нет...

— М-м... Да, вы правы, но... Военное применение, скажем...

— На земле давно вечный мир!

У Груздева привычно покраснела шея.

— Ведь и верно, войн уже нет, как же я забыл... Но ведь могут быть и мирные применения!

— Какие?

— Это... как его... На пляже если переодеваться... Неудобно, вот тут невидимость...

Эксперт поморщился.

На Груздева было жалко смотреть — вот-вот заплачет. Таким я его видел лишь однажды, когда он — не то в седьмом, не то в десятом классе — вдруг получил двойку.

— Может быть, человека удастся делать невидимым постепенно? — с надеждой спросил эксперт. — Чтобы, скажем, сначала исчезли мускулы... Это могло бы иметь значение в медицине.

Груздев помотал головой.

— Совсем же другой принцип... Человек либо видим, либо невидим.

Эксперт сокрушенно вздохнул.

— Да, задали вы задачку... Но давайте думать! Не может быть, чтобы такое выдающееся открытие было бы совсем бесполезно.

И мы думали. Мы напряженно, до пота думали, ибо теперь от нас зависела судьба Груздева.

— Эх, хоть бы шпионы еще были, — даже пожалел я. — Какой бы находкой было для них это открытие...

— Шпионов, слава богу, тоже давно нет, — жестко отрезал эксперт.

Я попытался представить себя невидимым — может быть, так лучше найду выход? Вот я встаю невидимый, сажусь завтракать, и чашка кофе, наобум протянутая женой, ударяется мне в плечо... Брр! На улице... Ну, уж нет, я не хочу, чтобы меня толкали. В лаборатории? Там, споткнувшись о мое прозрачное тело, меня могут облить чем-нибудь похуже горячего кофе. Концентрированной кислотой, например. В лесу на прогулке? Ну и что, какие преимущества мне это дает? В театре? В театре мне случайно сядут на колени. Хотя...

— Нашел! — подскочил я с места. — Для театра! Когда по ходу действия на сцене появляется какая-нибудь тень отца Гамлета!

— Но ведь таких пьес немного, — усомнился эксперт.

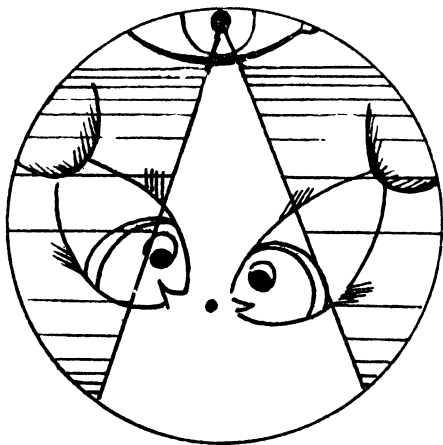
— Ну и что? Ну и что? Все польза.

— И в самом деле польза, — обрадованно заулыбался эксперт. — Вполне достаточная, чтобы оформить невидимку как изобретение новой детали театрального реквизита.

Я повернулся к Груздеву, чтобы спросить, как он относится к предложению. Но увидел пустое кресло. Невидимая рука отворила дверь кабинета, проскрипела половица, и дверь аккуратно притворилась за невидимым Груздевым.

— Пожалуй, это тоже можно записать как применение, — подумав, сказал эксперт. — Вместо того чтобы проваливаться на месте фигурально, человек может теперь осуществить это на самом деле.

Больше я Груздева не видел. Одни говорят, что он долго ходил среди нас невидимым, чтобы в таком состоянии легче сыскать применение своему запоздалому открытию, и его в конце концов сшиб автомобиль. Другие утверждают, что Груздев налаживает в театре сцены, где появляются привидения.

СТРАННАЯ

Клевало, и я не заметил, как натянуло дождь. Только вдруг по тугой воде запрыгали стеклянные капельки, и река тихо зазвенела.

Оспины на воде быстро множились, и я убежал под защиту драного навеса риги. Там было сухо и со свету темно; в прелой соломе шуршали мыши. Мне не сразу бросилась в глаза фигурка, прильнувшая к столбу, и лишь спустя минуту я разглядел девочку лет двенадцати. Все в ней было заостренным, тоненьким и нескладным: наивный носик, косичка льняных волос, худенькие плечи под ситцевым платьем, го-

лые поцарапанные коленки. Но ее серые глаза смотрели широко, серьезно и пристально. Похожий взгляд бывает у ночных птиц.

— Ну, теперь надолго, — сказал я, чтобы хоть что-нибудь сказать.

— Нет, по воде не плывут пузыри.

Голос был ломким и убежденным. Почти поучающим. В мою сторону она даже не посмотрела.

Я улыбнулся так, как улыбаются только взрослые: дружелюбно и снисходительно.

— Откуда ты знаешь?

— Знаю — и все. Так всегда бывает.

«Хм, — подумал я. — Связь, пожалуй, действительно есть. Чем выше давление воздуха, тем, верно, трудней образовываться пузырькам. Ну, поглядим».

— А завтра будет дождь так дождь. Надолго, — сказала девочка.

— Сводка обещает хорошую погоду.

— А будет плохая.

Я пожал плечами.

Девочка, наконец, соблаговолила взглянуть на меня. Не доверчиво, искоса.

— Потому что там радуга.

— Какая радуга?

— Красивая. Она горит, горит...

— Да где?!

Она кивнула куда-то на север.

— Значит, и вы ее не видите. Никто ее не видит. А она такая хорошая.

Я несколько опешил. Чтобы скрыть смущение, еще раз оглядел горизонт. Серая пелена дождя повсюду.

— Что-то ты выдумываешь...

Она шмыгнула носом.

— Так все говорят... И никто не видит. А я честная...
Я как-то не нашелся, что ответить.

— Я и папке так говорила, — продолжала она тусклым, равнодушным голосом. — Он меня вначале ремнем стегал, чтобы я не выдумывала. Больно... А я ничего не выдумываю.

— Да, но ведь радуги никакой нет...

— Есть.

— В каком ты классе? — попробовал я перевести разговор.

— В четвертом.

Мне капнуло за шиворот, я передвинулся на сухое место и теперь стоял совсем рядом с девочкой.

— Как, интересно, у вас в школе?

— Дразнятся.

— Почему?

— Не скажу.

Мы помолчали. Перед нами маячила завеса из сбегających капель. Она не мешала, однако, заметить, что вдали светлело. Там синева явственно протапливала тучи.

«Девчонка права, дождь скоро кончится, — сообразил я. — Интересно, не унесло мои удочки?»

С высоты моего роста мне был виден пробор светлых волос и выпуклый лобик этого странного подростка, который упрямо, невзирая на насмешки и даже побои, отстаивает свое право видеть то, чего нет.

— Ты, вероятно, любишь сказки? — сказал я.

— Нет. Там все выдуманно.

— А что ты тут делаешь? — сменил я тему.

— Гуляю. Это интересно.

— Почему?

Она посмотрела на носки своих драных тапочек и ничего не ответила.

— Ну, я пойду, — сказала она решительно. — А у вас клюет.

— Подожди, дождь еще не перестал.

И, словно нарочно, чтобы опровергнуть меня, капель замерла. На свободу вырвался луч солнца, и все мокро засверкало в его теплом и светлом кругу.

Девочка вошла в него, не торопясь и не оглядываясь. И честное слово, мне показалось, что она — центр этого теплого и светлого круга и что луч послушно следует за ней. Но, разумеется, это было игрой воображения.

Поплавок, когда я подошел к берегу, и вправду притапливало. После недолгой борьбы я вытащил замшелого от старости 'окуня, который отчаянно парусил спинной плавник, бил хвостом и вообще протестовал против изъятия из родной стихии. Его круглые, с золотистым ободком глаза слепо взирали на зелень и солнце.

Но добыча уже занимала меня куда меньше, чем встреча с девочкой. Вернувшись, я стал расспрашивать о ней свою хозяйку — старуху в темном платье, вечно и бесшумно, как летучая мышь, снующую среди горшков, ухватов, крынок и прочих домашних дел.

— Так ить, милый, ты должно Паховому Нюрку повстречал... — нараспев сказала она. — Хорошая девка... — Она вздохнула, и морщины на ее лице приняли скорбное выражение. — Хорошая, да чудная малость.

— Чем же, мамаша, чудная?

— Так ить не скажу, а чудная...

— Придурковатая, что ли?

— Не-ет... А только заговаривается странно. Пахом уж и к доктору ее в Теляково водил, да ничего доктор-то не нашел. «Питать, — говорит, — ее надо...»

Большого я не добился.

Вечер выдался тихим и настороженным. Нервно мерцали

звезды, вдали, в сухом черном тумане, вспыхивали голубые молнии, и долгое время спустя там глухо и грозно погромыхивало.

Не боясь вкрадчивых угроз грома, мимо меня прошли девушки. Их светлые платья невесомо проплывали над смутной лентой дороги туда, где уже похрипывала гармонь и подмигивали лучики фонариков. За девушками вразброд промаячили тоненькие фигурки малолеток, которых еще не принимали в круг гуляний, но которых он уже зазывно манил.

Я квартировал в амбаре напротив избы. Не спалось. Как всегда при резкой смене погоды в деревне, нервы чутко внимали далеким и неведомым толчкам, происходившим в природе. Уши напряженно слушали тишину. И потому, что кругом был мрак, и потому, что природой владело беспокойство, сознание, казалось, плыло в темной бесконечности, откликаясь на зов непонятных, звериных символов.

«А ведь девчонка была права... — подумал я, погружаясь в чуткий полусон. — Погода портится...»

— ...Расскажи, расскажи, не бойся!

Голос вытолкнул меня из дремы, и я, как ослепленный окунь, сначала не мог сообразить, где я и что вокруг. Потом мысль обозначила положение кровати относительно стен амбара, амбара — относительно всей деревни, и так далее, пока, наконец, все не стало окончательно на свои места, если не во времени, так в пространстве. Тогда я понял, что разговаривают за стеной на скамейке, можно сказать под самым моим ухом.

— Не хочу... — услышал я ответ и насторожился, потому что это был голос Нюры — той самой девочки, которую я встретил днем.

— Ой, потеха сейчас будет! — хихикнул женский голос.

— Да не ломайся, не ломайся, — уговаривал первый голос. Я узнал его: он принадлежал губастому Федьке.

— Не хочу, опять смеяться будете. Пустит!

— Сама ходишь за нами, как привязанная, а как нам скучно, так пусти... — зло сказала женщина.

Я догадался, кому принадлежит и этот голос: краснощекой красавице Маше.

— Да что я вам, игрушка... — прошептала Нюра.

— Давай, давай, — подбадривал ее Федька. — Ну, что ты там видела, у Гремячего колодца? Слышь, Маша, мы там взяли для смеха ее купить, а она — ну нам заливать: «Ой, ребятки, подождите, а я что вижу...»

— Купнули? — деловито осведомился новый голос. Его я не знал.

— Ага...

— Дураки. Там холодная вода, простыть могла.

— Так мы в пруду...

— Тогда ничего. Валяй, Нюша, рассказывай. Я, Маша, люблю ее слушать, — интересно, почище, чем радио.

— Нашли кого слушать — дурочку, — с женской непоследовательностью отозвалась Маша.

Мне вчуже стало горько за Нюру, а за ребят стыдно. Я вскочил, чтобы одеться, выйти и положить конец этому глумлению.

И тут я услышал Нюрин ответ.

— Что ж, что я дурочка, зато вижу то, что не видишь ты.

Ребята гоготнули. А я остолбенел от своего открытия: в голосе девочки не было обиды! Ее не ранило слово «дурочка», настолько оно было, видимо, для нее привычным. Конечно, ведь ей об этом твердили всю ее короткую жизнь... Удивительно, как Нюра еще не до конца признала за окружающими право относиться к ней не так, как к другим! Это-то и сбивало меня с толку. Меня возмущало отношение к ней, ее робкий протест, и я даже не подумал, что для остальных это норма. И для нее в том числе.

Я не замедлил получить подтверждение.

— Начинай, Нюрка, — последовал приказ. — Расска-
жешь — яблочка дам.

Это говорил Федька.

— А смеяться не будете?

Кто-то прыснул.

— Не будем.

— Честное слово?

— Честное-пречестное, со двора унесенное, Нюрочке по-
даренное.

Ей хватило и такой малости... Серьезным, «бабьим» голо-
сом она принялась рассказывать о каких-то пятнах, «черных,
как кляксы», которых под землей много. О причудливых
ходах и гротах, открытых ее взгляду, о том невероятном,
чем была переполнена ее фантазия и чем она жаждала по-
делиться. Вымысел был убедительным, и ей явно льстило, что
ее слушают старшие, почти не перебивая и на секунду даже
веря ей, как верят красивой сказке.

— А кладов ты не видела? — внезапно вмешался тот,
незнакомый мне голос.

— Нет, дядя Петь, не видела.

— Зря. Про клады интересней. Как надумаешь — приди
ко мне, послушаю.

— Хорошо.

— Дядя Петя, верно, что она вам нашла место для колод-
ца? — спросил Федя.

— Брешут.

— Я видела... — начала было Нюра, но дядя Петя тотчас
оборвал ее.

— Иди отсюда! Поздно тебе болтаться на улице!

— Я еще немножко посижу...

— Что я тебе сказал, ну?

Скамейка слегка скрипнула. Без Нюры заговорили уже

о другом, мне неинтересном. Вскоре гром близко охнул и все поднялись: видимо, стал накрапывать дождь. Я остался наедине со своими мыслями.

Чем дольше я размышлял о Нюре, тем больше терялся. Мне были знакомы деревенские дурачки с их идиотским смехом и мокрыми отвешенными губами. Нюра на них совершенно не походила. Для меня было очевидным, что она умеет тонко наблюдать природу и что ее фантазии, безусловно, логичны. Более того, несмотря на свою кажущуюся нелепость, кое в чем они были прозорливы. Это смущало. Ту же двойственность, видимо, испытывали и остальные. Дядя Петя — тот слушал ее выдумки с явным вниманием, и его заинтересованность носила сугубо деловой характер.

Так, может, все это правда? Я быстро обозрел всю эту историю с высоты своего высшего образования и решительно опроверг свое предположение, как не имеющее никакого научного обоснования. Ведь человеку не дано видеть сквозь землю, а если он наблюдает радугу, которую никто не замечает, то такая радуга, конечно, вымысел.

Но что же тогда? Тут опыт и аналогии мгновенно подсказали мне тот классификационный ящик, в который я мог спокойно поместить странную девочку. На ящике стояла этикетка: особенности детской психики. В данном случае — мир гипертрофированной фантазии, покоящийся на необычной зоркости чувств. Отсюда его двойственность.

Но до чего же это редкостный дар — такая изощренность чувств и такая фантазия! Не удивительно, что в глухой деревушке, которая судит обо всем, как правило, согласно обычаям и пониманию своего мирка, он встречает настороженное и насмешливое пренебрежение. И эта трогательная забота отца (с помощью ремня) заставить девочку быть «как все»...

Гроза, наконец, развернулась вовсю. Она обрушила на де-

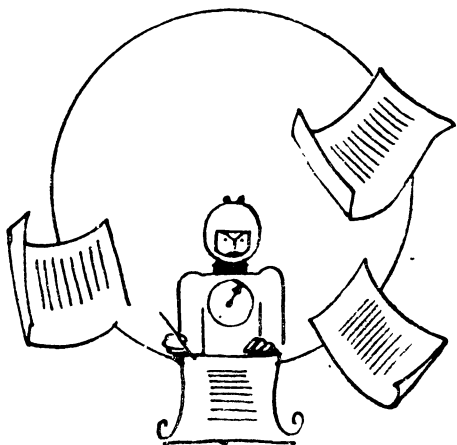
ревню такие потоки фосфорического света, такие громы и вихри, что даже я в своем бревенчатом уголке ощутил слабость и относительность привычного порядка вещей перед размахом сил природы. Мне были видны в окошко прижавшиеся к скату избышки, ослепленные молниями, иссеченные дождевыми потоками. Домики выглядели такой крохотной малостью перед развернутым сиянием грозových бездн!

Я уснул не скоро, дав себе слово поближе приглядеться к девочке и осторожно, тактично поменять отношение к ней окружающих.

Но судьба не часто благоприятствует хорошим намерениям. Следующий день лил дождь, и следующий за ним — тоже. А когда он стих, забрызганный грязью почтарь привез телеграмму, призывающую меня в город. Я уехал, и эпизод с девочкой остался для меня недочитанной страницей из интересной книги, которую больше нельзя достать. Сколько таких страниц бывает у каждого!

Вспомнилось мне все лишь много лет спустя, когда стали появляться статьи о неведомых ранее способностях человека видеть то, чего по прежним понятиям он видеть не должен: магнитного поля, космических лучей, радиоволн и кто знает, чего еще... Когда для науки стало ясно, что дар прикосновения к скрытым стихиям природы существует.

И теперь, когда я вспоминаю ту встречу, я сожалею о многом.

НАД СОЛНЦЕМ

ПИСЬМО ПЕРВОЕ, ОНО БЫЛО ПОЛУЧЕНО

Радист долго жаловался на магнитные бури, загруженность эфира, но я убедил его дать несколько минут для разговора с тобой. Для этого мне пришлось битый час рассказывать ему о московских новостях.

Все в порядке, мы на Меркурии. Самое непривычное здесь знаешь что? Солнце!

Оно грандиозно. Оно заставляет светиться сам воздух.

Его испепеляющую силу чувствуешь даже сквозь светофильтры кругового обзора меркурианской станции.

Нигде нет отдыха глазу. Меркурий — слепящая белая равнина с близким и крутым горизонтом, падающим к Солнцу. Вдаль уходят правильные ряды игольчатых кристаллов. Остриями они тоже повернуты к Солнцу. Оно здесь центр всего. Свет хлещет по камням, оттого породы сделались прозрачными и вытянулись к небу зеркальными сосульками. Это самозащита. Вещество стремится отразить излишек энергии или же утопить его в своей стеклянной глубине. Космический очаг слишком жарок даже для камней.

Каково же тут людям?!

Час назад мы сидели у кругового обзора и совещались об отлете. Пластиковый купол пропускал менее десятой доли льющегося на Меркурий света. Но и этот ослабленный свет необычен. Волосы у всех нас пепельные, почти седые. Коричневая кожа лиц цветом напоминает засохшую глину. Глаза... в них нет зрачков!

Алунитов (начальник здешней станции) перехватил тогда мой взгляд. Он поднялся со стула, отчего костлявое тело его распрямилось с грацией раскрываемого перочинного ножа, и сказал:

— Здесь вам, — он дружески похлопал меня по плечу, — не Марс и не Венера, тем более не Земля. Рядом — Солнце. Не все его действия поддаются математической оценке. Здесь порой творится такое... Да смотрите сами.

Я оглянулся. Каменный лес качался, то исчезая в ртутном тумане, то возникая вновь. Иглы кристаллов как бы сминались под невидимым ветром и вдруг повисали в воздухе. Горизонт полз и горбился, точно гусеница.

Антонов, наш астрофизик, схватился за диктофон.

— Это... Ведь это искривление пространства!

Алунитов засмеялся.

— Эхо! Всего лишь эхо! Шуточки с пространством Солнце проделывает близ своей поверхности. Меркурия достигает слабая рябь. Но это-то чепуха. Все давно рассчитано и понято. Не забывайте о другом, капитан...

Он строго посмотрел на меня.

— ...Я знаю, вы не новичок. Ваша посадка на Сатурн — есть чему позавидовать. Но вы никогда не летали над Солнцем. Тут совсем особое дело. Солнце, его излучение, я не знаю что, и никто не знает, действует на человека сквозь все обшивки, защитные поля и так далее. Человеку трудно выдержать соседство с Солнцем.

— Оставьте, Алунинов! — прервал его Сбоев. — Будто мы все ничего не знаем о «солнечной болезни». Знаем, что, кроме воли, от нее нет других лекарств. Ну и что? Мы знаем другое, и в этом мы расходимся с авторами космических романов. «Ах, невероятные трудности космоса! Ах, сверхчеловеческое мужество!» — восклицают они. А высший предел выносливости, силы, стойкости давно достигнут человеком на Земле. Нет в этом отношении никакой разницы между штурмом Джомолунгмы и путешествием сквозь джунгли Венеры. В обоих случаях нужна равная мера сил. У человечества была хорошая школа мужества на Земле, и космос здесь ничего не прибавил. Так-то!

— Насчет физических трудностей вы правы, — не сразу ответил Алунинов. — Что же касается психики, то Солнце вас переубедит. Вероятно... Не будем спорить. Лучше скажите, куда вы девали котенка, которого обещали привезти нам?

Антонов вышел и вернулся минут через пять с пушистым комочком в ладонях. Алунинов необычайно оживился. Он захлопотал, заторопился, достал откуда-то плошку с порошковым молоком. Нет, на это стоило посмотреть! Розовой лопаточкой язычка котенок жадно ловил капли молока. Над ним со счастливой улыбкой склонился Алунинов, кто-то еще из

сотрудников станции. А раскаленный мир за куполом колыбался тем временем, как мираж... Я понял, почему обитатели станции молили нас о котенке: в их меркурианских буднях так не хватает земного!

Что-то нас ждет? Мы стучимся в дверь великолепного и неисследованного мира. Алунитов почему-то упорно хочет подчеркнуть риск полета именно к Солнцу. В свое время ему предлагали участвовать в экспедиции (вместо меня) — он отказался. Он не трус: лет десять назад он первым пробил-ся сквозь облачные бури Венеры. Но когда Алунитов смотрит на Солнце, я читаю в его глазах смирение. Может быть, так на него подействовало длительное созерцание меркуриан-ских равнин? Кто знает...

На Солнце очередная вспышка, связь нарушается. И не ревнуй меня к экспедиции, как это ты делала дома. Я же люблю тебя...

ПИСЬМО ВТОРОЕ, ЗАТЕРЯВШЕЕСЯ В КОСМОСЕ

Вика, здравствуй!

Меркурий уже далеко. Летим к Солнцу, чтобы у верхней границы хромосферы лечь в орбитальный полет. После невероятных пейзажей покинутой планеты ощущение такое, будто каюты корабля — с детства привычный дом.

Нейтринная обшивка глушит шум мощных двигателей. Они тихонько шелестят за стенкой, словно мокрые деревья на ветру.

Теперь я совсем-совсем далек от тебя.

Но у себя в каюте я беру твою фотографию, поворачиваю пластинку под углом к свету, чтобы создался объем, и беседую с тобой — живой, телесной, близкой. Ты стоишь на столе, упираясь ногами в рамку снимка, — загорелая, озор-

ная, в тонком купальнике. Капли соленой морской воды дрожат на твоих плечах и груди. Твои синие глаза щурятся лукаво и ласково.

Сегодня я снова вижу в них недоумение и вопрос: зачем?

В самом деле, зачем? У меня на Земле было все. Все, что нужно для счастья. Дружья на всех континентах, работа, которую я любил. И ты... И нам с тобой принадлежал огромный благодатный мир — березовые перелески Владимирщины, ласковый песок гавайских пляжей, музеи Италии, хрустящий под лыжами снег Антарктиды...

А я ушел туда, где нелегко, где всякое может случиться.

Все очень просто, хотя и очень сложно. Наш полет — следствие того великого закона, что для людей есть только два пути: путь вперед и путь назад.

Наши прадеды испытывали на себе новые вакцины. Под красными знаменами шли навстречу пулям. Даже коченея, не сворачивали с пути к полюсу. Мы поступаем так же, как поступали они. Хоть и обладаем всем, что было для них мечтой.

...Меня зовут, до свидания, любимая. В трех миллионах километров от Солнца мне как-то ясней, чем обычно, видится, как должен жить человек. А также и то, почему в нашем «земном раю» нет лазурных счастливиц, кругом довольных собою и своей жизнью. И почему любое трудное дело тотчас вербует миллионы добровольцев.

Ты не подумай, что я оправдываюсь. Просто при прощании мне показалось, что я вижу в твоих глазах этот невысказанный вопрос: «зачем?» Он тревожит меня, ведь мы должны понимать друг друга до конца. Но я уверен: в душе ты сама великолепно понимаешь: покой — не для нас. Может быть, счастье — в этом.

ПИСЬМО ТРЕТЬЕ, НЕОТПРАВЛЕННОЕ

Я опять возле тебя, моя единственная. Связи нет и долго теперь не будет, но все равно я вынимаю записывающий кристалл и говорю тебе, что мы... что все идет успешно.

Настолько успешно, что штурман недоволен. Сейчас посвящу тебя в сложности взаимоотношений Сбоева с «его электронным величеством».

Представь себе комнату в виде сферического многогранника, стены которой выложены пластинками полупроводниковой пластмассы. Пластинки похожи на соты. В крошечных ячейках тлеют разноцветные искры. Вверху — купол цвета топленого молока, кое-где экраны. Это и есть «мозг» ракеты.

Дежурный сидит внутри него. То, как «мозг думает», мы не видим. Свои выводы он докладывает нам в форме кривых, мелькающих на экранах. Все очень просто, никакой каллиграфии, и все очень сложно.

«Мозг» с непостижимой для человека быстротой и точностью управляет бегом астроплана сквозь электромагнитные и гравитационные вихри, рождаемые звездой; регулирует напряжение энергии; ведет сбор научной информации; обеспечивает круговорот воды, воздуха и пищи; повелевает еще тысячами других дел.

Наши дежурства у пульта, если разобраться, занятие крайне однообразное. Корабль автоматизирован так, как не был автоматизирован еще ни один планетолет.

Конструкторы на Земле проявили чудеса изобретательности. Траектория полета, скорость, моменты ускорений, торможение — все тщательно выверено еще на Земле, сообщено «мозгу», и он пунктуально выполняет приказ, соотносясь с внешними условиями. Корабль катится словно по бархатным рельсам. Мы ждем толчков на ухабах, а ухабов нет, а хотя

мы знаем, что они должны быть, и как мы ни доверяем автоматам, на незнакомой дороге приятней чувствовать руль в своих руках.

Впрочем, я напрасно говорю «мы, мы». Ухабы ради ухабов, что может быть глупее? Раньше в путешествиях меня больше всего интересовали приключения, теперь — то новое, что встречается по дороге. Ты, надеюсь, простишь меня, если я не привезу рассказа о головокружительных ситуациях. В то, что их совсем не будет, мне, однако, что-то не совсем верится...

Иного мнения об «электронном мозге» Валя Сбоев. Он штурман. Он должен вести корабль. А здесь он... безработный. По-человечески можно понять его досаду. Он ветеран космоса, ему приходилось летать на старых кораблях, где машина помогала штурману, а не подменяла его. Свыкнуться с новым положением Сбоеву нелегко.

Вчера я дежурил с ним. Экран гравиллокатора был, как всегда, включен. Вогнутый диск звезды занимает уже две трети неба. Даже на экране Солнце гневно и грозно. Кипит голубовато-красная материя. Она похожа на пену. Пузыри часто лопаются, брызжут огненными фонтанами. Раскаленные струи газов за несколько минут вырастают в гигантские грибы. Точь-в-точь мухоморы, только длина ножки такого «гриба» — несколько радиусов Земли.

Это впереди. Сзади, на фоне жемчужно-серого сияния, сплетаются розовые лапы протуберанцев. Будто ткут для нас паутину.

Какой разительный контраст со спокойствием приборов!

Не прошло и пятнадцати минут нашего дежурства, как Сбоев, внимательно следивший за курсографом, обнаружил, что корабль слегка отклонился от расчетной орбиты. И тут многоопытный Сбоев допустил ошибку, за каковую был немедленно наказан. Привыкнув, что обязанностью электронных

машин старой конструкции было наблюдение за точным выполнением программы полета, он решил, что внешние условия исказили показания датчиков, и обрадовался случаю исправить ошибку автоматов. Быстро рассчитав поправку, штурман ввел ее в приемное устройство. «Мозг» промигал Сбоеву неожиданный ответ: «Ваше приказание не будет выполнено».

Сбоев — человек выдержанный. Но кровь вольных казацких предков тоже кое-что значит. В эту минуту мне показалось, что он был готов запустить стулом в одно из полушарий «мозга».

Спустя секунду недоразумение, конечно, рассеялось. Штурман вспомнил, что наш «мозг» может объяснять свои поступки, и потребовал ответа. «Спереди по курсу опасные магнитные бури, иду в обход», — заявил «мозг».

Тогда штурман сел за пульт и стал что-то считать на табуляторе. Спустя некоторое время он бросил это занятие, вздохнув, пододвинул к себе стопку пластиковой бумаги и стал... писать... Да, да! Он не диктовал, а именно писал. Ручкой. Как обычно писали лет сто назад и как теперь уже почти никогда не пишут. Серdito черкал, комкая написанное.

Клочок бумаги слетел к моим ногам. Я поднял. Это были... стихи. О шепоте листьев, о соловьях...

За все дежурство Сбоев всего раз взглянул на экран. Поморщился и сказал:

— У нас на Дону девочки до сих пор зовут любимых: «Красное мое солнышко».

И неожиданно добавил: «Стареем...»

Это пока единственное происшествие, но оно меня обеспокоило. Дело в том, что Алунитов кое в чем прав. Космос предъявляет к человеку новые требования, в основном чисто психологического порядка. Вот «солнечная болезнь»... Случай

со Сбоевым — ее рук дело. Если отбросить мудреные термины, то вот что на сей счет говорит наука. Человек привык к земному Солнцу, к его ласковому теплу и к его экваториальному жару. Свет Солнца — нестемлемая часть нашей жизни. Но возле самого Солнца свет совсем другое! Все равно что погладить ребенка в миллион раз сильнее, чем нужно... Так и здесь, свет приобретает яростную, ни с чем не сравнимую мощь. И, что самое главное, он как-то действует на нервы сквозь все фильтры. Так, вероятно, действуют обнаженные провода высокого напряжения, пока к ним не привыкнешь. Даже если они находятся за стеклянным экраном, все равно трудно быть спокойным. Никто еще не знает, как передается на нас, детей тенистой Земли, влияние солнечного света. Но оно передается, это факт. Пока все в порядке, но как отзовутся нервы моих спутников на опасность? Не сдадут ли?

Вот почему мне пришлось крупно поговорить со Сбоевым. Кажется, он взял себя в руки.

И все же «солнечная болезнь» может доставить нам...

ПИСЬМО ЧЕТВЕРТОЕ, ТОЖЕ НЕОТПРАВЛЕННОЕ

Меня, Вика, прервало чрезвычайное обстоятельство: «мозг» на минуту потерял курс. За направлением он следит по звездам и по силовым линиям поля тяготения Солнца. Внезапно на Солнце произошел взрыв. Все закружилось в фиолетовой мгле. Видимо, исказилось и поле тяготения. «Мозг» — умница: он продолжал вести корабль, никак не пытаясь исправить траекторию. А потом ориентировка восстановилась. И все же это тревожный сигнал.

Я собрал экипаж. Предстояло решать судьбу экспедиции. Мы были готовы ко всему. При создании средств защиты

учитывался весь опыт космонавтики. Конструкторы обезопасили корабль и от метеоритов, и от нагрева солнечных лучей, и от магнитных бурь, и от скачков силы тяготения. Но потеря ориентировки была кратковременной. Приборы не записали достаточно данных, чтобы инженеры смогли бы разобраться и надежно перестроить систему ориентации. А без этих данных никто уже больше к Солнцу не полетит: слишком опасно лезть в неведомое, потерять ориентировку и свалиться на звезду. И вот ведь в чем трагедия: даже если полетят — раз будет благополучно, два, десять, а на одиннадцатом корабль может погибнуть.

Вот мы и решали, что нам делать.

Повернуть — и все опасности позади. Повернуть — и полеты над Солнцем надолго станут недостижимой мечтой. Повернуть — и наука замедлит свое развитие. И еще долго мы не будем знать, как же именно Солнце искривляет пространство.

А оно искривляет. Возле него близкое становится далеким, и наоборот. Непонятный нам покуда взрыв тайных свойств материи! Тяготение строит здесь мгновенные вакуумные тоннели, они соединяют точки пространства подобно тому, как твоё дуновение заставляет сомкнуться листы бумаги, если держать их близко и дуть меж ними. Нет, конечно, не совсем так, даже совсем не так... Но ты представь: не ползти с околосветовой скоростью годами от звезды до звезды, а мощным ударом проломить пространство и сразу выйти на простор — какова перспектива? Этому надо учиться у Солнца, долго, смиренно, дерзко, рискуя всем. Ведь оно умеет перестраивать пространство, умеет, а мы нет. И приходится принимать его условия игры.

Так что же, повернуть и отказаться от мысли вывести у природы одну из важнейших ее тайн?

Минуты бегут, мы спорим, каждый надеется, что слова

«повернем» или «полетим дальше» скажет не он. И все посматривают на меня: мол, ты капитан, ты и решай.

— Значит, возвращаемся? — спрашиваю.

Никто не говорит «да». Простого, короткого «да».

Никто не сказал: «Повернем». И мы летим дальше.

И — представь себе! — все повеселели. Даже врач шутит. А Сбоев стал показывать теневой театр. На гранях «мозга» в ярком отсвете солнца скачут, кувыркаются уморительные зайчата.

ПИСЬМО ПЯТОЕ, МОЖЕТ БЫТЬ, ПОСЛЕДНЕЕ

Похоже, Вика, это последний наш разговор. Солнце поймало нас. Ракета вдруг очутилась в участке искаженного пространства. Приборы захлебнулись от обилия новых сведений. Ни нам, ни «мозгу» теперь не определить, где же находится масса Солнца: вверху, внизу, слева, справа? Все смешалось, мы летим вслепую. Стоит астроплану снизиться на сотню-другую тысяч километров ниже расчетного поточка — з наших условиях дело десятка минут, — и мощности двигателя не хватит остановить падение.

Локаторы вышли из строя. Мы включили купол визуального обзора. Какая невероятная картина!

Пылающая мохнатая сфера, подернутая багровыми пеленами вокруг. Медленно ползущие белые пятна, отороченные волосками синего огня. Пламенный хаос и ад. Как замороженный, я делаю шаг к прозрачной стенке. Что со мной? Тело легче пылинки, в висках стучит кровь. Кажется, что сейчас упадешь в огонь.

— Гасите!

Это кричат мне. В глазах людей страх.

Какая сила у света! Прыгаю к панели управления. Моя прозрачная тень мелькает на потолке. Щелчок — и темнота, в которой робко набирают яркость лампочки.

Ощущение, как после сильного удара о землю. А ведь мы только смотрели. Смотрели сквозь фильтры на Солнце.

Хватит! Надо что-то предпринять: в таком состоянии мы не сможем найти выхода. У всех такое же самочувствие, как и у меня, если не хуже.

— А ну! — кричу и не узнаю собственного голоса. — Приказываю всем: голову вверх! Слышите: вверх! Для нас нет ничего невозможного, слышите! Включаю обзор. Всем смотреть, думать и искать выход!

И я опять включаю Солнце. Мы заглядываем в его недра. Оно сильно, но мы все же сильнее. Это я вижу по лицам. В них ни кровинки, но мы кладем друг другу руки на плечи, и нам становится легче. Кто сказал, что смотреть в Солнце страшно? Да, страшно, но можно.

— Достаточно, — говорю. — Есть выход. Дайте программу приборам: пусть ищут закономерности в прыжках силовых линий поля. Она должна быть. Найдем ее и дадим «мозгу» команду.

Приборы ведут битву без нас. Нет, неправда. Это наш приказ оживил зеленые волны электронных лучей, которые скрещиваются на экранах, как сабли воинов. Кто кого осилит: мы ли природу, она ли нас?

«Есть упоение в бою и в бездне мрачной на краю...» Поэту и не грезился, конечно, полет к звездам, черкесский резвый конь никак не походил на фотонную ракету. Но я жму твою руку, поэт, так что с хрустом ломается зажатое в твоих пальцах гусиное перо: ты писал о восторге борьбы, ты писал о нас!

Я верю, что привезу тебе и это письмо.

ПИСЬМО ШЕСТОЕ, НА ЭТОТ РАЗ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ПОСЛЕДНЕЕ

«В начале всего был хаос,— говорят мифы,— из хаоса произошли и земля и небо».

Была крупница истины в этих наивных мифах. Хаос, огненный хаос, где ни одна сила не дремлет, а все сплетены в клубок борений,— вот изначало материи. Из него произошло все: горы, растения, планеты, мы сами. И мы победили своего праотца.

Как? Мой рассказ, Вика, будет очень несвязным. Почему, суди сама.

Со стороны это выглядело так. Капитан (то есть я) стоял и смотрел на Солнце. Мы знали уже, что приборы не могут нам помочь: они не в состоянии разобраться. И внезапно капитан задал «мозгу» курс. Ускорение вдавило нас в кресла. Потом — нечто вроде обморока. Честно. Помню лишь, что я изо всех сил упирался ногами в пол, точно лишь усилий человека не хватало двигателям, чтобы вырвать корабль из объятий Солнца.

И в огненной пелене вдруг мелькнула чернота. Чернота космического неба, прохладная, спасительная.

Вот и все. Мало? Но для меня в эти минуты раззерзлись вселенные. Такие, что любой рассказ о них будет ложью.

А внешне... Да, говорят, что внешне так оно и выглядело: очень неэффектно, просто и... необъяснимо. В старину такое пышно именовалось «чудесным избавлением». А что же было не внешне? Пытаюсь вспомнить и не могу. Почему я задал кораблю именно тот, единственно верный курс? Совсем откровенно: не знаю.

Нас учили верить автоматам и его командиру — «электронному мозгу». Правильно учили. «Мозг» соображает быстрее человека. Но чему было верить тогда? Я поверил своей

интуиции, поверил в те тайные возможности человека, к которым в обычной обстановке мы склонны относиться с иронией и сомнением. А поверив, отдал команду. Дальнейшее ты знаешь. В ту минуту я не рассуждал и не колебался, я доверился себе, ибо другого выхода не было, хуже быть не могло.

Все же и это полуправда. Это я уже придумал потом. Знаешь, что странно? Что инстинкт сработал над Солнцем. Там, где все непривычно, дико и чудовищно. Где нет ничего знакомого. Если инстинкт это мгновенно реализованный опыт бесчисленных поколений предков, то при чем здесь он? Не могли же наши предки летать над Солнцем... Кажется, пытаюсь найти одно, мы попутно нашли другое. Пытаюсь вырвать тайну грозных сил Солнца, мы ощутили на себе веяние сил более мощных, веяние неизвестных сил человеческого разума. Говорю это без рисовки. Вот я сижу в кресле, обыкновенный, не очень талантливый человек, и вспоминаю, как я только что был... кем? Гением? Не то... Я честно не подозревал в себе ничего такого. И теперь я не только не могу повторить эту минуту озарения, но даже понять, откуда что пришло. Пришло и ушло, оставив меня прежним. А почему прежним? Я всегда хочу быть таким, как в тот момент! И каждый, думаю, захочет, ведь это скорей всего в каждом... Но где искать, в безднах какого Солнца ключ к этой вот тайне? Не знаю, не знаю...

Сбоев сказал об этом проще:

— Спасибо, капитан, что вы доверились себе и пошли на риск. Люди только тогда и побеждали, когда они верили себе, а не чужому дяде. Потому вера и движет горами.

Кажется, Сбоев не в силах забыть, как его посрамила машина. Не знал, что он злопамятен.

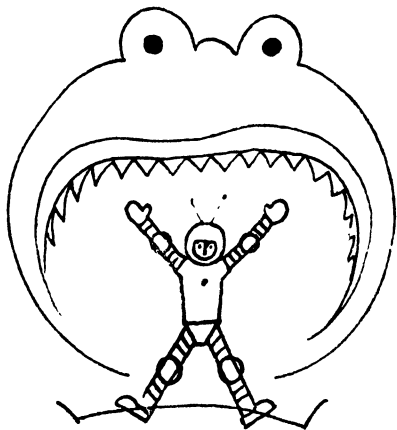
Меня хотели качать, я отбил. А потом мы прощались с Солнцем и грозили ему пальцем. Теперь мы знаем многие

его каверзы, и второй раз ему труднее будет застигнуть нас врасплох.

Мы летим домой. Пройдет несколько дней, и причалы Меркурия примут наш корабль. В детстве домом для меня была улица, где я родился, сад, куда меня водили гулять. Домом потом стала вся Земля. Теперь и Меркурий для меня тоже дом. От него рукой подать до Родины. Какие-то сотни миллионов километров знакомого и безопасного пути. Вероятно, наш с тобой, Вика, сын, возвращаясь откуда-нибудь с Магеланногового облака и влетая в нашу Галактику, тоже скажет:

— Ну, вот я и дома!

Стоит ради этого рисковать, правда, Вика?

ОПАСНОСТЬ СПОКОЙСТВИЯ

Разин лежал на спине, ладони под затылком, ноги он положил на ветку — тяжелые ботинки чернели в просвете ярко-красных кустов. Классическая поза отдыхающего туриста! Поодаль валялся рюкзак.

Мешала лишь какая-то неудобная складка скафандра. Но поворачиваться не хотелось. Так приятно было вглядываться в бесконечную даль неба, куда стекали, будто струйками крови, тонкие и прямые, почти без веток деревья.

В первый день эти деревья его поразили и потрясли. Но

через месяц он уже совсем привык, а через три месяца смотрел на пейзаж чужой планеты равнодушно. Такова уж сила привычки! Его напарник — Сережа Zubov прислушивался к тиканью часов.

— Пошли,— сказал он.

Разин поворчал, но поднялся. Работа есть работа... Они шли перелесками, лугами, останавливались, брали образцы трав.

— Нам хорошо, у геологов образцы потяжелей,— почти всякий раз говорил Zubov, бережно укладывая в отделения сумки невесомые травинки.

В первые дни это было спортом: кто принесет из маршрута больше неизвестных растений. Они упивались классификацией, изощрялись в выдумывании звучных латинских названий. Но вскоре надоело: на десяток находок меньше, на десяток больше — велика доблесть на планете, которую приходилось открывать всю с начала и до конца. В таких условиях легко вообразить себя Гумбольдтом, но ребята самокритично понимали, что действительно их заслуги невелики.

Дул слабый ветер, ласково, совсем как в Подмоскowie, плыли облака, из травы при каждом шаге брызгали насекомые и очень тянуло распахнуть ворот рубашки.

— Дачные условия,— ворчал Zubov.

Да, здесь было уютно и спокойно. Всегда.

Тенистый склон был устлан мокрой после недавнего дождя листвой, ботинки скользили. Вскоре склон сделался круче.

— Тряхну-ка стариной,— сказал Разин.

Он оттолкнулся, заскользил по склону в безудержном падении, держа курс на ствол ближайшего дерева. Подлетел к нему, раскрыл объятия и, резко затормозив, опять заскользил вниз от дерева к дереву.

Их снесло чуть левее от направления маршрута.

— Гляди, какая лужа! — сказал Зубов.

— Скорей болото, — поправил Разин.

Слева за деревьями в котловине лежало озерцо грязи. Она жирно и черно блестела. Кусты на берегу топорщили голые ветки.

— Может быть, целебная? — предположил Зубов.

— Обычная топь. Надо будет сказать геологам.

— Как же, заманишь их этим. У них объекты поинтересней.

Было очень тихо, ветер сюда не долетал.

— Озеро Спящей грязи — как, ничего название? — спросил Зубов.

— Подходит. Интересно, кто обглодал эти кусты?

— Небось анки. Они стригут чище наших лосей.

— Надо бы взять образец.

— Время, дорогой, время. Кроме того это типичное место водопоя. После больших дождей здесь наверняка много воды.

— Да, ты прав.

Разин достал фотоаппарат, прицелился. Как всегда с досадой подумал, что снимок не передаст главного: молчаливого спокойствия пейзажа. Чтобы лучше скадрировать, он поднялся немного выше.

— Ну, пошли, — сказал он, пряча камеру.

— Сейчас.

Зубов поднял с земли рюкзак, а заодно и камень (он стоял на каменистой косе возле берега). Повертел в руках голыш и, размахнувшись, с присвистом бросил его в грязь.

Они не сразу поняли, что произошло. Камень не поднял фонтанчика, не дал кругов, он ушел в глубину, будто проглоченный. И тотчас грязь колыхнулась, поднялась бугром и вдруг стремительно выбросила на берег бесформенный обрубок. Обрубок слепо метнулся влево, вправо, словно нашари-

вая что-то. К нему не прилипали ни камни, ни даже песчинки. Грязь тем временем выбросила второе щупальце: оно бесшумно рванулось вверх...

«Псевдоподие-ложноносжка!» — похолодев сообразил Разин.

Отросток коснулся Зубова.

— Беги!!! — закричал Разин.

Поздно: сканфандр прилип. Бесшумно, распухая нарастами, близился новый обрубок. Зубов рванулся: напрасно. Его тянуло в озеро. Каблуки вспахивали глубокие борозды. Грязь вспухла близ того места, где находился ботаник, выходила на берег. С противоположной стороны обнажалось гладкое дно.

Зубов упал, руками, коленями вцепился в плоскую каменную плиту. Металл шлема скрежетал по камню.

— А-а-а! — кричал Зубов, теряя силы.

Крик вывел Разина из столбняка. Машинально он схватился за пояс: пусто. Вот уже месяц, как они «забывали» пистолеты — кому охота тащить в маршруте лишнюю тяжесть? Но все равно, что могли сделать пули этому бесформенному существу (или веществу)?

Он скатился вниз, ударил каблуком по отростку. Каблук мгновенно прилип, будто его охватило клеем. Разин упал. Отросток ослабил хватку — теперь Зубов мог хотя бы держаться за камень, в кровь обдирая пальцы, — и выбросил в сторону Разина тупой, безглазый аппендикс. Мерно покачиваясь, лоснящийся, гладкий, он тянулся к шлему. Сзади тяжело близилась основная масса.

Разин бешено рванулся и освободил ногу. Вскочил, увернулся от змеиного броска другого щупальца. Задышавшись, побежал что есть силы вверх. Споткнулся о камень. И тут мелькнула надежда.

Он поспешно хватал камни, набивал ими рюкзак, забыв о криках товарища, об отростках, которые ползли за ним.

Наполнив рюкзак, он побежал что есть мочи на другой конец «озера», схватил сразу пригоршню камней и швырнул их в зловещую черную «грязь».

Опять, как и в первый раз, камни исчезли без плеска. Место удара немедленно вспухло, выстрелило щупальцами. Разин с радостью увидел, как заполняется грязью обнажившееся ранее дно. Он кидал и кидал камни, то и дело отбегая и стараясь не думать, успеет ли он и поможет ли это Зубову. Тот еще кричал, значит, был цел. Напротив Разина «грязь» уже грозно встала валом, отростки при всей их медлительности лихорадочно шарили по берегу, и Разин с ужасом видел, как после их прикосновения бесследно исчезают редкие травинки.

Он улучил момент и кинул взгляд на другой берег. Там начинался «отлив». На суше остался лишь один отросток, который более не тащил, а лишь держал Сергея. Действовало!

Он швырнул последний камень и заплакал от бешенства. Здесь берег был гол. Он бросил еще компас, кривой нож, которым выкапывал корни. Теперь оставалось только броситься самому.

Ну нет: этот последний гибельный козырь он прибережет. Разин схватил ближайший ствол низкорослого дерева. С силой, удесятеренной отчаянием, рванул. Почва под деревом напряжинулась, но корни еще держали. Тогда он навалился всем весом, гнул дерево, бил по нему кулаками — и растянулся в обнимку с деревом в опасной близости от щупалец. Но теперь это не имело значения. Он закрутил ствол над головой, как пращу, и метнул. На этот раз «грязь» слабо ухнула. Секунду ствол еще держался снаружи, потом его заглотнуло.

И тут Зубов вырвался. Опрометью, спотыкаясь, падая, помчался прочь.

Разин не скоро нагнал его. Они долго шли молча, постепенно сбавляя шаг. Вокруг по-прежнему шелестел ветер, на листьях дрожали капельки росы, по небу лениво плыли облака, но теперь друзей заставлял вздрагивать любой шорох, ибо они не верили больше в спокойствие окружающего.

Каждый думал о своем. Зубов о том, что же это такое было, но путного ничего придумать не мог и злился. А Разина природа гряды беспокоила мало: стоит ли ломать голову над тем, что несомненно и скоро перестанет быть загадкой. Пытаясь оправдать свою беззаботность, он размышлял над предательством случая, но успокоения не находил. Ибо все объяснение сводилось к тому, что они — первоходчики — герои, распираемые сложными знаниями современности, забыли простую, сугубо земную, дедовскую, а потому наивную для них поговорку: «В тихом омуте черти водятся».

УРОК ОТНОСИТЕЛЬНОСТИ

Расплавленный черный металл в песке. Железная рвань обломков, хаос, гарь. Зеленоватые брызги кристаллических ячеек вокруг. То немногое, что уцелело при ударе и вспышке.

— Пошли, — сказал Огнев. — Все ясно.

Напоследок он обернулся. Даже скалы опалены. Тень катастрофы запечатлелась в граните. И где-то посреди хаоса, уже неотделимая от марсианской почвы, крохотная деталь-

ка, небрежно сработанная там, на Земле. Пустяк, мелочь. И нет ракеты, нет сотен тонн долгожданного груза.

Молчаливый спутник Огнева пожал плечами.

— Главное, что там не было человека.

«Разумеется, главное! — хотел воскликнуть Огнев. — Но человек там был. Тот, который снебрежничал. Там, на Земле. Человек, лишенный теперь доверия».

Но вслух он этого не сказал. К чему?

Они шли по склону, и пейзаж казался им безотрадным, как никогда. Тусклый песок, тусклый свет маленького солнца, синюшные вздутия зретиума на камнях. Цвет марсианских растений словно предостерегал о яде, который их пропитывал.

Ветер уныло свистел, и он тоже был ядовит. Можно было сколько угодно трубить о победе над Марсом, о покорении планеты — пустые слова. Люди были вынуждены окружать себя земным воздухом, есть земную пищу, бояться булавочного прокола в стене изоляции, отделяющей их от всего марсианского. Они чужаки, которые живут здесь лишь благодаря рейсам грузовых ракет — этой ненадежной миллионкилометровой пуповине, протянувшейся через космос. Чужие в чужом мире — к этому невозможно было привыкнуть.

И меньше всего Топу — овчарке Огнева, которую тот привез «в целях исследования воздействия марсианских условий на животных». Пес, комичный в шлеме, опутив голову, трусил сейчас у ног хозяина. Впрочем, резвость давно покинула его. Первые дни в его горле kloкотал вой. Потом он свылся, притих и только, пользуясь любой возможностью, тыкался влажным носом в ладонь Огнева, печально ловил его взгляд, словно вопрошая: «Нам плохо тут, хозяин. Давай уйдем».

Огнева раздражало молчание шагавшего рядом Сере-

гина. «Хоть бы болтовней отвлечься...» Неудача с ракетой, конечно, не была катастрофой. Серегина — того она почти и не касалась. Что ему, геологу, имеющему дело с камнями? А тут думай, как расширить гидропоническую станцию, чтобы не экономить каждый грамм пищи, ломай голову, как разнообразить блюда из хлореллы, как избавиться от солей в трубах системы очистки. Ведь полиоксисловые трубы, на стенах которых вода, извлеченная из атмосферы Марса, не отлагает солей, погибли с ракетой. И запчасти для вездехода тоже. Черт возьми, его «героическая» работа первопроходца чересчур напоминает обязанности домоуправа! Трубы, очистка, ремонт. И постоянная зависимость от всех этих мелочей. Не менее половины усилий уходит на поддержание той самой стены изоляции, которая так стесняет жизнь. Иногда ему казалось, и трудно было отделаться от навязчивой мысли, что крохотные, герметично изолированные комнаты станции — это своего рода тюремные камеры, и скафандры тоже камеры, только движущиеся.

— Что, скоро починим вездеход? — как будто назло спросил Серегин. — Надоело пешком топать.

Огневу захотелось выругаться.

Но ответить он не успел. Топ внезапно рванулся — шерсть дыбом, глухое рычание рвалось из-под шлема.

— Топ, что с тобой?

Еще не закончив вопроса, Огнев получил ответ. Из-за скалы на людей выкатился шмек, видимо, пасшийся в зарослях эретриума. Паучьи лапы несли животное бесшумно и быстро как колеса, и он мгновенно очутился в опасной близости. Роговидные глаза шмека отливали красным.

Ему наперерез бросился Топ. Трубки от баллона прыгали на спине собаки.

— Топ, назад! — заорал Огнев, выхватывая пистолет.

Ничего страшного в нападении шмека не было. Даже

безоружный человек в скафандре с гидроусилителями мог ударом бронированного кулака обратить шмека в прах. Немножко ловкости и знания повадок, чтобы избежать острых когтей,— вот и все.

Но Топ встретился со шмеком впервые. Он не подозревал, что его прыжки только мешают людям. Им владел многовековой инстинкт, воспитанный человеком: на хозяина нападают, надо отвлечь нападение.

— Назад, Топ, назад!— кричали Серегин и Огнев, опустив пистолеты. Стрелять было невозможно из-за собаки.

Слишком поздно. Шмек был слабым, но необычным противником: его подогнутые внутрь тонкие лапы могли распрямляться с молниеносностью пружины. Прыжок— лапа шмека со свистом опустилась на собаку. В следующее мгновение взъяренный Топ грудью ударил противника. Тело шмека развалилось с сухим шорохом.

Серегин подбежал к собаке первым.

— Все, конечно, — глухо сказал он.

Лапа шмека, как бритва, полоснула по воротнику шлема, и тот сполз с головы собаки. Топ лежал на боку, судорожно хватая пастью воздух. По высунутому языку катилась пена.

— Пришла беда — раскрывай ворота,— сказал Огнев, тщетно пытаясь приладить собаке шлем.

Бесполезно. Топ дышал наружным воздухом. В нем было достаточно кислорода, но окислы азота убивали хоть не мгновенно, но неотвратимо.

Казалось, и Топ понимал это. Он попытался лизнуть руку Огнева. Из его глаз катились слезы, бока судорожно опали.

— Прекрати...— отвернулся Серегин.

Огнев поднял пистолет. Глаза собаки взглянули на него с укором и тоской. Пистолет заходил в руке.

— Не могу,— глухо сказал Огнев.

— И я тоже, — тихонько ответил Серегин. — Но так будет лучше.

Он прицелился, готовясь нажать спуск. Но не успел.

Вой прокатился над скалами, эхо умножило его, вознесло к фиолетовому льдистому небу. В этом вое будто прорвалось давно сдерживаемое отчаяние пса, вся его ненависть к холодным красным равнинам Марса, чужому солнцу, негреющему свету. И словно ненависть придала ему силы, он вскочил, бешено закрутился, разбрызгивая пену. Но в конвульсивных движениях все же была какая-то определенность. Топ словно искал что-то среди камней и песка. Брюхо и задние ноги волочились, но он упрямо полз к ему одному известной цели.

Огнев попытался сглотнуть комок в горле. Пес грудью упал на бугорчатый вырост марсианского растения, рвал губчатую, склизкую массу.

Серегин спрятал пистолет.

— Инстинкт. Сейчас он — обезумевшее животное, которое помнит, что от смерти иногда спасают лекарственные травы.

— Здесь нет трав...

— Инстинкт этого не знает. Он повелевает — ищи. Земля, Марс — страх смерти стирает разницу, отчаяние приемлет обман. Что ж, по крайней мере он нашел быстрое избавление от мучений.

Огнев отвернулся, чтобы не видеть конца. Но когда он снова обернулся, Топ еще жил. Огнев заставил себя наклониться. В неподвижных глазах пса черной волной вставала смерть. Взгляд остекленел, он шел оттуда, откуда уже не ждут ответа. Огнев невольно тронул свой шлем движением, каким на Земле в таких случаях обнажают голову.

— Морские свинки погибли от яда эретриума через

тридцать секунд, — сказал Серегин, — собака держится дольше.

Педантизм Серегина даже не возмутил Огнева. «Прости меня, Топ. Мы по доброй воле пришли сюда, где даже жизнь поражает смертью. Ибо знали зачем. Тебе же Марс не был нужен, тебе было трудней. Прости».

И он, уже не колеблясь, навел пистолет.

— Подожди,—остановил его Серегин.—Опыт надо довести до конца.

— Это жестоко.

— Это необходимо. Ради науки. А он... он все равно ничего уже не чувствует.

Глаза Топы закрылись. Только легкая дрожь еще выдавала жизнь.

— Нет, это жестоко, слишком жестоко!

Крик хозяина как будто разбудил Топу. По мышцам ног прошли сокращения, глаза открылись, пес поднял голову, попытался встать.

Серегин и Огнев попятились.

Топ уже стоял на подкашивающихся ногах. Бока проваливались при каждом выдохе, но он дышал, дышал все более шумно и радостно, марсианским воздухом.

— Что это? — прошептал Огнев.

Топ шагнул к нему, но чуть не упал. Серегин подхватил его на руки. Пес благодарно лизнул стекло шлема.

Так они стояли долго и глядели на чудо — живого Топу. Со страхом, что чудо вдруг кончится, что голова Топы бесильно упадет и надежда, ошеломляющая, неожиданная надежда, угаснет. Но Топ жил и даже удивленно повизгивал: почему так необычно молчат люди?

— Да-а... — проронил, наконец, Огнев, — да-а...

Он неловко потоптался. По-прежнему ничего не понимая, он смятенно протянул руку, коснулся шерсти пса. Рушилась

вера во враждебность Марса, но пыль обвала еще застилала новую даль.

— Яд,— вдруг отчетливо сказал Серегин, в упор глядя на Топа. — Яд, которого не было и нет. Нигде. Есть лишь узколобые метафизики. Мы.

— Как? — Огневу показалось, что он ослышался.

— Ты же биолог, тебе видней.— Серегин уже не скрывал иронии.— Эретриум — яд, и марсианский воздух — тоже яд. Но минус на минус дает плюс не только в математике.

— Да, конечно, машинально согласился Огнев. — Ага! — У него мелькнула догадка. — Уж не хочешь ли ты сказать...

— Вот именно. Человека можно убить поваренной солью и спасти ядом змеи. Абсолюта нет в природе, он есть только в наших умах.

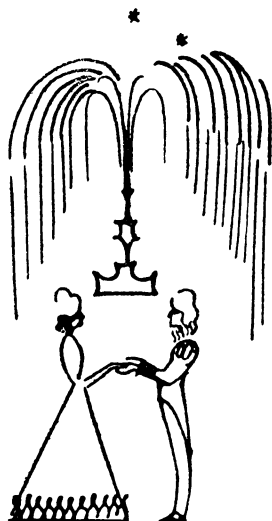
— Но это общеизвестно! Яд, который можно нейтрализовать ядом же...

— Ах, общеизвестно! Тогда почему раньше мы...

Растерянный взгляд Огнева оборвал его на полуслове. Огнев озираясь, словно видел Марс впервые. Песок был сер, даль уныла, солнце светило тускло, все было обычным, неживым, но ослепительный рассвет прозрения уже стирал марсианские тени. Ничего не изменилось, кроме представления людей об окружающем, и изменилось все. Так чувствует себя слепой, когда к нему приходит зрение.

— Топ! — закричал Огнев.— Иди сюда, сукин ты сын!

Пес с готовностью подпрыгнул, Огнев подхватил его и закружил на руках. Он танцевал, бережно обходя синюшные вздутия эретриума, которые теперь казались ему прекрасней роз, ибо в них был эликсир, могущий приобщить людей к жизни Марса. Где яд, там и противоядие, где горе, там и радость, где незнание, там и открытие — это так же верно для Марса, как и для Земли, потому что диалектика властвует всюду.

ЗАЧЕМ?

Долго думали машины, долго думали ученые. Из конца в конец планеты Орби перекачивались потоки информации, дробились, сливались, смешивались, кристаллизовались в формулах, наделяли бессонницей умы, сжигали предохранители блоков памяти. Решался вопрос вопросов: как лучше

дать о себе известие предполагаемым цивилизациям других миров?

И средство было найдено.

— Друзья! — объявил председатель Ученого Совета. — Вековым спорам и поискам пришел конец. Коротко резюмирую вывод. Бесконечность расстояний делает невозможным полет к далеким мирам. Варианты сигнализации радиоволнами, космическими лучами, нейтринными потоками, полями тяготения неудовлетворительны по двум причинам. Во-первых, такими сигналами сложно охватить всю Галактику. Во-вторых — это главное, — их может принять лишь высокоразвитая цивилизация: тем самым мы заранее суживаем круг поиска.

Для нас теперь ясно, что сигнал должен быть очень простым, очень броским и адресовать его надо сразу «всем, всем, всем». Этому назначению отвечает свет, ибо его видят все разумные на всех ступенях развития.

Остается пустяк: как наилучшим образом решить эту задачу технически? С радостью сообщаю, что такое решение найдено. К ближайшей звезде запускается автоматическая станция, которая вечно будет кружить вокруг нее. Установленные на ней лазеры по заданной программе станут управлять звездными реакциями. Звезда будет то разгораться, то тухнуть. Ее пульсации и станут нашим посланием Галактике. Единственная пульсирующая звезда в ночном небе — разве не привлечет она внимание даже неподготовленного ума? Не побудит задуматься над вопросом: «Зачем она мигает?» Это и есть оптимальный вариант межзвездной связи.

Планету Орби сотрясали аплодисменты.

...Была теплая благоуханная ночь. Струились фонтаны Версаля. Красавица подняла томный взгляд.

— Зачем эта звездочка мигает там, в небе?

Кавалер тряхнул напудренными локонами парика и с изысканной любезностью проворковал:

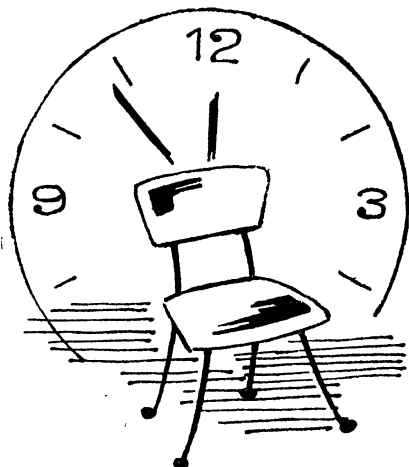
— Это ангелы любви подмигивают нам, моя дорогая. Красавица была довольна ответом.

...Была ночь, наполненная ревом моторов. Тихонько стонали стекла. Докладчик вытер пот.

— Резюмирую: природа вспышек пульсирующих звезд объясняется взаимодействием гравитонных квази-флюктуаций с пульсацией квантов по закону убывания релеевской поляризации сингулярного пространства.

Докладчик сошел с кафедры. Аудитория вежливо похлопала — она была довольна объяснением. Вопрос «зачем?» перед ней не вставал — всем давно было известно, что его бессмысленно задавать природе.

Но звезды не слышали ни первого, ни второго объяснения. Они мигали: каждая по своей программе. Теперь их было много — пульсирующих маяков Вселенной. Потому что любая цивилизация, достигнув определенного уровня развития, неизбежно находила оптимальный вариант межзвездной сигнализации. И никого уже эта особенность неба не удивляла.

СБЕРКАССА ВРЕМЕНИ

Вечером накануне открытия Сберкассы Времени мы собрались в теплом семейном кругу. Оратором и оракулом был мой брат Лева — физик.

— Завтрашний день войдет в историю, — горячился Лева, подмаргивая левым глазом (у него разыгрывается тик, когда он волнуется).

— И все-таки мне беспокойно, — сказала моя жена. Она сидела в кресле с вязаньем и то и дело сбивалась со счета петель. — Не люблю вещей, которых не понимаю.

— Как? — удивился Лева. — Чего тут не понимать, это так просто! Сейчас объясню.

Если вы слушали когда-нибудь физика, пытающегося разъяснить простому смертному смысл квантовой механики или специальной теории относительности, то вы поймете наше состояние. Какие-то волны времени, накладывающиеся друг на друга так, что возникало некое подобие временных брызг, которые отрывались от своего субстрата в надремья и которыми можно было управлять... Вот все, что я понимал в Левиных лекциях и в популярных статьях моих коллег журналистов. Но это в конце концов не слишком меня огорчало. Мы пользуемся электричеством, решительно ничего не зная об электродинамике, однако я еще не видел человека, которому данное обстоятельство мешало бы жить. Правила же пользования Сберкассой Времени были ясны каждому. В любой момент, появившись у вас такое желание, вы вольны отобрать у действительности толику времени, с тем чтобы отложить ее про запас. Оттуда вы можете взять этот вклад, когда вам заблагорассудится, и уйти в надремья. Все проще простого.

— Вы даже не представляете, как это замечательно! — в восторге Лева чуть не опрокинул рюмку. — Сколько времени каждый из нас теряет в очередях, ресторанах, в дороге, на скучных лекциях. Часы и дни, вычеркнутые из жизни! — В его глазах билось отчаяние. — Теперь не то. Теперь вы их кладете в сберкассу — откладываете на будущее — и все... Вот, например, вы пишете или ведете эксперимент. Вы творите, вы счастливы. Но неумолимые стрелки часов оповещают, что надо кончать, что вас ждут какие-то срочные обязанности. Трагедия! С завтрашнего дня все будет иначе. Просто вы возьмете из вклада отложенные вами часы и уйдете творить в надремья.

— Может, лучше все-таки по-старому?

Я укоризненно посмотрел на жену. Прогрессом надо восхищаться, тем более таким.

— Исключено! — радостно объявил Лева. — Нет ни одного достижения науки, которое рано или поздно не вошло бы в жизнь. Ни одного. Приход новой эры неизбежен!

Часы ударили полночь. Лева поднял палец. Я невольно встал. С этой минуты начала работать Сберкасса Времени!

В торжественном молчании мы чокнулись. Рука жены дрожала. Наступала новая эпоха. С последним боем часов наш кот, лежавший на диване, потянулся и сладко зевнул. Бедняга, он видел древние сны и не подозревал о великом событии.

Утро оказалось самым будничным — серым, мглистым. Я поспешил выглянуть в окно. Все как обычно: торопятся люди, спешат машины. Я быстро позавтракал и выскочил на улицу, провожаемый тревожными взглядами жены.

В автобусе было свободно, и я занял отличное местечко для наблюдений. Только наблюдать, похоже, было нечего. Уже пять минут я ехал, десять минут ехал, а ничего не случилось ни в автобусе, ни вне его. С досадой я поудобней устроился на сиденье и достал газету. Но едва я ее развернул, как вдруг что-то отбросило мои руки вместе с газетой, и на моих коленях возник какой-то старик!

— Виноват, — извинился он. — Вы несколько заняли мое место.

— А... а... вы... — пролепетал я.

— Может быть, валидола? — забеспокоился старик, сползая с моих колен. — Вас должны были предупредить, что я ненадолго отлучился...

— Вы... вы воспользовались?..

— Ну, разумеется. Время, знаете ли, в моем возрасте нужно беречь. Ничего, ничего, сидите. Я устроюсь рядом.

На нас глазел весь автобус. К счастью, была уже моя остановка.

Я попал аккурат к планерке и даже не успел обменяться мнениями. Удивительная вещь наши планерки. Вроде бы сиди и слушай, только и всего, а устаешь так, будто пишешь передовицу. Все шло ничего, пока выступали Леровский и Перов; они говорили длинновато, но толково — о новых задачах газеты в связи с внедрением Сберкассы Времени, разумеется. Но вот слово взял Клопонечецкий. Мы кисло переглянулись. И тут меня озарило. А что, если... В конце концов нас тут много и отсутствие одного человека может оказаться незамеченным. «Полчаса в запас!» — мысленно приказал я, содрогаясь от собственной смелости.

Мне показалось, будто я лишь на мгновение прикрыл веки. Но стоило мне взглянуть на зал, и я тотчас понял, что влип. Все мы влипли. Редактор и Клопонечецкий стояли друг против друга, и лица их горели, как светофор: редактора — красным, Клопонечецкого — зеленым. Они молча смотрели на пустые ряды стульев.

— Это что за... — весь заряд гнева попал бы в меня, если бы в зале не стали возникать остальные сотрудники. Видимо, телепатия все же существует, раз всеми, едва начал выступать Клопонечецкий, овладело одно и то же желание и все разом его осуществили...

Не буду описывать следовавших тирад... Нас спасло то, что в номер срочно требовались репортажи о первом дне победы над временем, и не в редакции же собирать материал!

На улицу я вылетел со скоростью, при которой дымятся подошвы...

И тут я сразу увидел зрелище... Высокий, величественный, седовласый гражданин, похожий на памятник самому себе, плакал, опершись о фонарный столб.

— Простите, не могу ли я вам помочь? — тронул я его за плечо.

Он мигом осушил слезы, но голос его всхлипывал.

— Негодные мальчишки... Негодные мальчишки... Негодные мальчишки...

Секунду спустя все прояснилось. Он был учителем. И даже не просто учителем, а метром-учителем, если это слово уместно в педагогике. И с его урока — его урока! — сбежал сразу весь класс.

— Дети же вернутся, — пробовал я его утешить.

Но он был слишком горд и прославлен, чтобы утешиться. Он двинулся напрямик в милицию. Со спины он еще больше выглядел памятником самому себе.

Я черкнул себе в блокнот: «Метр Влад. Ив. Н. Дети. Отрицательные послед. Сбер. Вр.» — и двинулся дальше собирать впечатления.

Они не замедлили появиться. Свернув за угол, я нос к носу столкнулся с дородной матроной, которая, озираясь, зачем-то шарила руками в воздухе.

— Не видели его? — кинулась она ко мне.

— Кого? — опешил я.

— Да мужа!

— Простите...

— Мы шли под руку!

— Но я...

Ее лицо приняло зловещее выражение.

— Так, значит... 'Вовремя сбежал... Бросил! Ну, подожди! — она погрозила кулаком пустоте и энергично выругалась. — Обгону!

И она растаяла у меня на глазах.

Не успел я прийти в себя, как сильный удар в плечо заставил меня отпрыгнуть.

— Пардон! — вежливо сказал верткий мужчина с кося-

щим взглядом, возникая из ниоткуда. — Моей супружницы не заметили?

— Такая? — я очертил пальцем габаритный контур. — Воспользовалась. Догоняет.

— Ага! — верткий мужчина просиял. — Точный расчетец.

Он подмигнул мне и скрылся в ближайшем магазине. Я вынул блокнот, но засомневался, вписать ли этот случай в графу положительных или в графу отрицательных последствий внедрения Сберкассы Времени.

Так и не решив, я двинулся в ближайшую столовую, поскольку уже чувствовал голод. Столики были почти пусты, и мной овладела надежда быстрехонько пообедать. Но кто же не знает, что скорость обслуживания не зависит от наполненности пищеточки! Прошло четверть часа с момента, когда у меня взяли заказ, но супа мне не несли, и я было заскучал. Но тут мне пришла в голову гениальная идея. У меня есть полчаса в запасе, сэкономленных на выступлении Клопонечекского. Воспользуюсь ими, чтобы набросать репортаж, а тем временем и суп подоспеет. Возблагодарив в душе Сберкассу Времени, я отдал приказ и...

Славно работалось. Все живые души исчезли из поля зрения, поскольку я был вне реального хода времени, никто не мешал, и строчки горохом катились из-под пера. Да, хорошо работалось в тишине и спокойствии.

Но полчаса истекли, и я вынырнул в действительность, абсолютно убежденный, что увижу в ней тарелку супа.

Тарелки не было. Вообще никого не было.

Я долго метался в панике, пока не обнаружил насмерть перепуганного директора. Оказывается, не я один был таким умным. Понемногу — из тех же соображений, что и я, — исчезали все посетители столовой, а вслед за ними решили сберечь время и официантки — кого же обслуживать, если никого нет! А тут по радио объявили кате-

горический запрет пользоваться Сберкассой Времени в служебные часы...

Злой и голодный, я помчался домой. Но пообедать мне в этот день так и не пришлось, ибо на площадке меня перехватил Лева. Он был бледен, из ноздрей его шел пар.

— Обокрали!!!

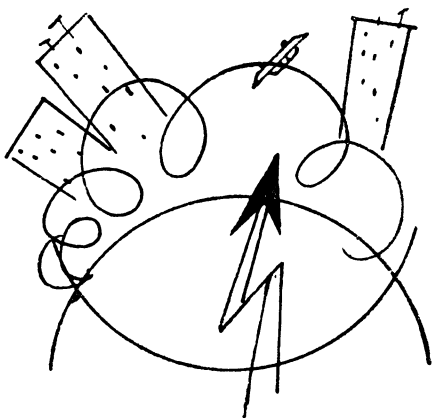
— Обок... кого?! — схватился я за перила.

— Меня! Пока я дома сидел и работал, вор, перемещаясь в надвремени, проник в квартиру и...

К вечеру Сберкассу временно закрыли. Было объявлено, что разрабатываются новые правила пользования ею. Они разрабатываются и по сей день. Вора поймали, но Лева по-прежнему зол, правда, уже по другой причине.

— Хотят, чтобы Сберкасса Времени была удобной для всех, — жаловался он. — А физическое явление — это же не кресло, оно не может принимать форму любого зада!

Не знаю, прав он или нет, а только живем мы уж который год по-старому.

ПРЕИМУЩЕСТВО ШИРОТЫ

День в газете похож на шахматную партию, каждый раз новую. Трудно лишь заранее угадать, кто будет очередным партнером — желчный изобретатель вечного двигателя, светило мировой науки или юноша-агроном. Потому состояние мгновенной готовности стало для Андрея Сегдина привычным. Можно разбудить научного журналиста среди ночи; он — если он настоящий журналист! — сразу поймет объяснение конструкции свеклоуборочного комбайна, выкажет знакомство с проблемами генетических болезней и поделится

с вами последними новостями астрофизики. Таким профессионалом и был Сегдин. Любой специалист знал свою область в сто раз лучше Андрея, но ни один из них не имел представления и о половине того, что знал Андрей о всей науке.

В то утро, не успел Андрей сесть за стол, как зазвонил телефон. Шахматная партия началась, кто-то делал первый ход. Андрей снял трубку, его лицо приняло озабоченное выражение.

— Да, да, спасибо. Конечно, буду! А что, причина по-прежнему неизвестна? Нет? Вот ситуация...

Повесив трубку, Андрей сгреб утренние газеты, чтобы прочесть их в машине. Сообщения не радовали. «Новый шквал землетрясений!», «Земля пробудилась!», «Где произойдет следующий взрыв?» — черные заголовки о черных вещах.

Теперь перед совещанием оставалось мобилизовать память, чтобы в немногие минуты спокойствия, дарованные поездкой, успеть расставить по порядку все до последней мелочи.

Месяц назад, двадцать седьмого июня, жители маленького приволжского городка были сбиты с ног (кто сидел — сброшены со стульев) сильным толчком. Он длился секунду. Всего на секунду ожила Земля, колыхнула здания и наполнила воздух треском лопнувших стекол. Урон был незначительным. Но какая буря поднялась среди сейсмологов! Весь опыт геофизики, выходит, ничего не стоил, если сильное землетрясение случилось там, где его не должно было быть, — на Среднерусской равнине. Впрочем, наука не любит необъяснимых явлений. Тотчас вспомнили, как двести миллионов лет назад тектонически спокойный участок Среднерусской платформы стал ломаться в судорогах рождения гор, которые ныне известны под названием Донецкого кря-

жа и отнюдь уже не производят впечатления гор. Не началось ли и в Приволжье нечто подобное?

Гипотеза была хоть куда, но через день ее вдребезги разбил новый толчок. На этот раз дрогнули полесские сосны. Их вершины несколько минут раскачивались в ослепительной синеве летнего неба, и весь мир ошеломленно слодил за ритмичными взмахами пушистых веток. Объяснений было выдвинуто несколько; высказаны они были весьма неуверенным голосом.

Далее неожиданности следовали одна за другой. Земля вздрагивала то там, то здесь, и никто не знал, что и где случится завтра. Потом необъяснимые землетрясения стали наблюдаться в северной Америке и на юге Канады. А затем и в Западной Европе. Закончилось все это не далее как позавчера, в субботу, грандиозным и страшным фейерверком. В пустынном Лабрадоре взлетели на воздух миллиарды кубометров земли, ослепительный столб газов поднялся в небо. Вертолеты срочно доставили на место происшествия геологов, и микрофоны радиорепортеров разнесли по всему свету их озадаченное «Гм!». В Лабрадоре возникла типичная «трубка взрыва», одна из тех, в которых добывают алмазы.

Но об алмазах, понятно, никто уже не думал. Если до сих пор неожиданная активность планеты пугала лишь своей таинственностью, то теперь... Где произойдет следующий взрыв? Вообще что происходит с планетой? С нерушимой твердью, к спокойствию которой так привык человек? Сегдигу достаточно было кинуть взгляд на улицу, чтобы убедиться: это беспокоит не только его. Но услышит ли он что-то новое на совещании, куда его любезно пригласили?

Зал был велик, импозантен и полон народа. С лепного потолка улыбались купидоны. Хлопали откидные, обшитые

черным дерматином стулья. В простенках высились мраморные бюсты великих ученых. Сегдина всегда удивляло чудовищное несоответствие между обстановкой и действием. Жеманный стиль екатерининской эпохи, казенная мебель недавнего прошлого и дерзкие идеи, прокладывающие дорогу в двадцать первый век,—одно плохо сочеталось с другим. Но ведь сочеталось!

Здесь Сегдину доводилось переживать неприятные минуты. Понимать одно слово из трех, произносимых с трибуны,—что может быть унижительней для журналиста! Он сидел, мучился, обзывал себя тупицей, пытаясь сквозь дебри терминов и абстракций пробиться к смыслу. Иногда это удавалось, иногда нет, но раз от разу в нем крепла убежденность, что сам смысл—даже в очень сложных вещах—прост и доступен каждому. Иначе и не могло быть, ибо наука—прежде всего логика. Логика и еще раз логика, а уже потом все остальное.

Может быть, вывод не отличался безукоризненностью, но он устраивал Сегдина. Окончательно избавиться от «комплекса неполноценности» ему помог случай.

Однажды он поборол смущение и спросил о чем-то соседа, который сидел с сосредоточенным видом, шевеля губами, словно повторяя услышанное.

— Не знаю, — почти огрызнулся тот. — Абракадабра какая-то.

— Вы тоже не физик? — обрадовался Сегдин.

— Я? Нет, я физик.

— Физик? Но ведь разговор идет о...

— Знаю. Я оптик. Физик-оптик. Сигма поля—не моя специальность. Я пришел ради следующего доклада.

«Ну, если физик не понимает физика, мне-то уже стыдиться нечего!» — подумал Сегдин.

На этот раз, едва началось обсуждение, его наметанный

глаз подметил резкую неоднородность зала. Меньшая часть, чувствовалось, великолепно разбирается в проблеме, волнуется, спорит, изнемогает под бременем тяжелой ответственности. В поведении других ощущалась неловкость. Они походили на людей, которые сами не умеют плавать, но тем не менее волей судеб оказались в команде, которая должна спасти тонущего. Среди последних Сегдин узнал знакомых ему ядерщиков, астрофизиков, химиков и понял, в чем дело. На всякий случай сюда пригласили и тех, кто по роду своих занятий не имел ни малейшего касательства ни к тектонике, ни вообще к земным глубинам. Мраморный лик Ломоносова, последнего из всеохватывающих умов, равнодушно глядел на своих последователей, так далеко ушедших друг от друга в исканиях, что докладчикам, если они хотели быть понятыми, приходилось сейчас излагать свои мысли популярно, на языке, которым Сегдин говорил о науке со своими читателями.

Ход наблюдений Сегдина был прерван репликой с места. Председатель обратился к ученому в первом ряду с вопросом «Не имеет ли тут место...»; тот энергично ответил «нет!». Он явно был в числе «сторонних» специалистов.

Сегдин потер лоб. Лицо ученого, сказавшего «нет!», возбуждало в нем какие-то сложные ассоциации, чем далее, тем более туманные и фантастические. Он силился понять невнятный голос подсказки. Где, когда, в какой связи мелькнул перед ним раньше этот резкий, как у птицы, профиль, усталые глаза и трогательный дымок седин на макушке?

— Скажите,— обернулся он к соседу,— это не...

— Да, это Лев Сергеевич Пастухов.

— Элементарщик?

— Он самый.

Судьба сделала ход конем. Сегдин захлопнул блокнот. На заседании ничего нового не скажут: ничья. Что ж, время

начинать новую партию. Впрочем, даже первый ход Сегдину пока рисовался смутно. Но он был полон желания добиться своего.

Когда все встали, он протиснулся к Пастухову. Тот раздраженно говорил юноше в очках:

— День испорчен. И попусту испорчен. Ну, чем мы можем тут быть полезными? Чем?

— Здравствуйте, Лев Сергеевич,— сказал Сегдин.— Ваш день не будет испорчен. Возможно, он принесет пользу миллионам людей.

— Что вы имеете в виду? — с удивлением уставился на него Пастухов.

Это-то и было нужно Сегдину. В такой ситуации главное — заинтересовать собеседника первой фразой.

— Я имею в виду читателей. Нас засыпали письмами с просьбой рассказать о ваших опытах.

То была ложь, святая ложь, как считал Сегдин.

— Их сейчас,— упирая на слово «сейчас», сказал Пастухов,— интересуют опыты именно нашего института?

— Да.

— Немыслимо! Нет, нет, опыты лишь начаты, говорить о результатах пока рано.

— Но вы же дали месяц назад интервью «Спутнику» о создании установки...

— Тем более.

«Так, так,— подумал Сегдин.— Моему королю грозит мат».

— Сегодняшний день у вас все равно испорчен,— решительно сказал он, всем видом давая понять, что не отстанет. Сегдин не был нахалом, ненавидел нахальство, но другого выхода не оставалось. Пастухов в глубине души был мягким человеком и должен был сдаться. Этому могло также способствовать чувство подсознательной вины перед обществом,

которому Пастухов, как показало заседание, не мог помочь своими знаниями.

И Пастухов действительно сдался. Час спустя они уже входили в вестибюль института.

Пастухов вел Сегдина бетонным коридором, который спускался все ниже и ниже, кольцами змей опоясывая нечто, спрятанное в глубине его спиралей. Сначала в узких окнах-бойницах мелькал дневной свет, потом он исчез, фотоэлементы беззвучно распахивали массивные двери, и тишина заколдованного подземелья охватывала Сегдина. Он был в сказочном замке и ожидал встречи с закованным в бетон джином и не удивился грозовому ветерку, вдруг повеявшему навстречу. Ему нужен был этот настрой, хоть он и не знал почему. Что грозовое дыхание было просто дуновением озона, возникающего в ходе эксперимента, — это объяснение могло подождать.

Теперь коридор напоминал траншею, со стен которой смотрели стеклянные глаза перископов. За ними была темнота, густая темнота, мрачная темнота. Пастухов щелкнул выключателем, темнота осветилась, и Сегдин увидел своего джина. Он походил на хобот, холодно блестящий металлом хобот, который неожиданно заканчивался острым клювом. Тот был нацелен на прозрачный шар, в котором ничего не было. Совершенно ничего, одна лишь пустота. В удалении золотом сказочного богатства сияли медные шины; гибкие шарниры, поддерживающие «хобот», придавали ему сходство с животным, которое, конечно, никогда не водилось на земле, но которого Сегдин ожидал встретить.

— Это и есть Излучатель, — сказал Пастухов.

Чары развеялись. Теперь это были просто установка, просто шины, готовые отдать черт его знает сколько миллионов вольт напряжения, просто объект эксперимента — высящийся на постаменте шар, в котором была совершенней-

шая пустота, соперничающая с межгалактическим вакуумом.

— Мы пронизываем вакуум игольчатым пучком ро-мезонов, — сказал Пастухов. — Для вас вакуум просто пустота, а для физиков это...

— Можете не объяснять, — заметил Сегдин. — Для вас, согласно теории Дирака, вакуум — море частиц с отрицательной энергией. А какова мощность пучка мезонов, его направленность, свойства? И что получается в опытах?

Пастухов пустился в объяснения, увлекаясь все более и более. С какого-то момента Сегдин начисто перестал понимать детали. Но он внимательно следил за главным — для него главным — и начал уже кое-что осмысливать.

— Значит, — прервал он объяснения, — те мезонные ливни, которые образуются в атмосфере под действием первичных космических частиц, по сравнению с вашим излучением не более чем колыхание ветерка против порыва урагана?

— У вас необычный способ сопоставления величин. Но в принципе вы правы.

— Это моя форма мышления. У нее есть свои недостатки, но и свои достоинства. Так как вы ставите опыты?

Пастухов отвел его в комнату, отделенную от Излучателя ломаными изгибами коридора, стенами из баритового бетона и свинца. В комнате, там, где полагается быть окну, белел огромный экран телевизора. Перед ним находился пульт. Физик снял со стены фотографию. Сегдин узнал прозрачный шар с запертым в нем вакуумом. Шар в разных направлениях пересекали иглы сиреневых вспышек. Они висели в шаре, не касаясь его стенок.

— Свечение в вакууме? — поднял брови Сегдин.

— Представьте себе, да. Мезонный луч сам запечатлевает свой путь.

— Интересно.

— Однако не ново. Куда важнее другое: те частицы, которые он выбивает из вакуума. Они...

— Минуточку. Меня сейчас интересует иное. Вы что, луч направляете с разных сторон? Зачем?

Пастухова несколько обидело то невнимание, которое гость проявил к самому главному, ради чего они работали не покладая рук. «Впрочем, это отличительная черта всех журналистов, — успокоил он себя. — Им подавай внешние эффекты». И он скрыл обиду.

— Нас интересуют также пространственные свойства вакуума. Однородны ли эти свойства по всем направлениям или нет.

— Изотропность или анизотропность вакуума. Понятно. Скажите, а шар как-нибудь ориентирован относительно силовых линий магнитного поля Земли?

«Ну, ну, — не без удивления подумал Пастухов. — Он дает мне понять, что с ним можно говорить более профессионально, хотя мыслит он отнюдь не как физик. Берегись, дорогой, заблудишься, если я не буду расчищать тебе дорогу. И что за странная манера спрашивать?»

— Конечно, шар ориентирован относительно полюсов. Вот отметки на снимке. Кажется, они плохо видны?

Отметки были видны отлично. Сегдин не обратил, однако, внимания на ехидство вопроса. Его ферзь в это время опрокидывал пешечную оборону противника.

Сзади послышался шум, в комнату вошли трое молодых парней, очень симпатичных на вид, державшихся, однако, несколько самоуверенно, — черта, увы, нередко присущая тем, чьему таланту сопутствует удача.

— Лев Сергеевич, — обратился один из них к Пастухову, почтительно, но как равный к равному, — подготовка закончена, время продолжить эксперимент.

— Да, разумеется.

Пастухов подумал, что следовало бы увести журналиста. А впрочем, пусть остается. Видимо, он всерьез заинтересовался: как он вписался в таблицу экспериментов!

— Включайте.

Включенный экран телевизора теперь во всем уподобился окну, открытому в зал с Излучателем.

— Даю координаты АГ-90/ТБ-90! — выкрикнул один из молодых физиков.

Излучатель пришел в движение, электронно-счетная машина нацелила его клюв точно в направлении сверху-вниз. Это направление мезонный луч еще ни разу не пронизывал.

Непонятным было то, что Сегдин все еще не мог оторваться от таблицы, хотя он, казалось бы, должен был теперь прильнуть к экрану телевизора. Он обернулся в последний миг, когда Пастухов уже потянулся к пусковой кнопке.

— Пойдите, один вопрос. За рубежом тоже есть такие установки?

— Да! — Пастухов совсем уже перестал понимать странного журналиста. — В Америке и Англии. Но они не такие совершенные и вступили в строй позднее.

— Все ясно, — сказал Сегдин, вежливо отстраняя руку Пастухова от пусковой кнопки. — Я попросил бы отложить эксперимент.

Его, конечно, не поняли. И в первую минуту даже не возмущались.

— Позвольте! — смысл сказанного дошел, наконец, до Пастухова. — Какое вы имеете право...

— Никакого. Но джинн может вырваться. И мне не хочется быть погребенным тут вместе с вами.

Физики вновь онемели от чудовищной наглости того, кто должен был почтительно внимать каждому их слову.

— Это уже переходит все границы, — пробормотал Па-

стухов, явно теряясь. Остальные пододвинулись к шефу. На их лицах была написана готовность выбросить вон этого сумасшедшего, едва Пастухов даст знак.

— Что ж, пора объясниться, — сказал Сегдин. — У меня есть основания думать, что вы — да, вы! — можете прекратить эту свистопляску землетрясений.

— Каких землетрясений?! — не сразу поняли физики.

— Видите ли, они случаются тогда и только тогда, когда работает ваш Излучатель. Минута в минуту. И в тех местах, где ваш луч пересекает в мантии слой Д. А теперь Излучатель направлен отвесно и...

Под изучающим взглядом физика Андрей почувствовал то, что, верно, мог бы почувствовать положенный под микроскоп вирус, обладай он способностью чувствовать.

— Ага! — сообразил что-то Пастухов. — Вы всерьез думаете...

— Всерьез. Или вы хотите сказать, что предварительно рассчитывали влияние мезонного луча на вещество земных глубин?

— Нет, конечно! Зажигая спичку, вы же не думаете о самочувствии соседа по квартире! Мезоны быстро поглощаются веществом и...

— Не те масштабы. Даже космические мезоны регистрируются на километровой глубине. А у вас...

— Так, так, подождите...

Все замолчали. По следу, который медленно и неуверенно прокладывал Сегдин, теперь мчалась мощная мысль ученых. Сегдину оставалось смиренно посторониться и ждать. Или ему пожмут с благодарностью руку, или он услышит уничтожающий смех.

Прошло несколько минут. Затем Пастухов повернулся к Сегдину и посмотрел на него с уважением.

— Бросьте прикидываться простачком. Кто вы?

— Когда-то я был исследователем в вашем смысле этого слова. Просто я сменил поле деятельности.

Пастухов удовлетворенно кивнул.

— Так я и думал. Что ж, ваша гипотеза правдоподобна. Мезонный луч может пройти сквозь земную кору. Он может вступить во взаимодействие с электронными оболочками атомов, взаимодействие, которым мы пренебрегаем в расчетах, ибо не оно нас интересует. А поскольку электронные оболочки атомов в глубинах Земли деформированы, то... Нет, это крайне любопытно! Какие перспективы для укрощения землетрясений! Мезонным пучком мы потихоньку дробим копящуюся энергию и... Надо немедленно проверить вашу гипотезу!

«Об укрощении землетрясений я не подумал, — сознался в душе Сегдин. — Ладно, каждому свое». Вслух он сказал: — Разумеется, надо проверить.

Они сели за расчеты. Физики посторонились за столом, чтобы дать место Сегдину. Самый щеголеватый из них — тот, кто пару минут назад засучивал рукава халата, готовясь на всякий случай к принятию решительных мер, — предупредительно смахнул ворох перфолент. Все они деликатно делали вид, что не замечают беспомощности, с которой тот листал страницы справочника, нафаршированные премудростями математики. Сегдин был благодарен им за это больше, чем если бы они наговорили ему кучу похвал.

— Что ж, — задумчиво сказал Пастухов, машинально глядя на часы, — теперь поставим решающий опыт. Выбрали подходящую пустыню, под которой луч пересечет слой мантии Д?

— Готово.

— Включайте.

И Сегдин увидел на экране, как «клюв» описал вокруг шара полудугу, как в шаре брызнула бледно-сиреневая мол-

ния. Не было ни треска, ни грохота; если они и были в камере, то бетон заглушил все. Сегдин понял, что еще обманывало физиков. Тишина. Когда стоит тишина, в которой слышно дыхание, психологически трудно представить, что где-то в сотнях километров отсюда тишина оборачивается ударом подземной бури.

— Ну... — только и сказал Пастухов. Он снял телефонную трубку. От волнения у него даже выступили капли пота на переносице.

— Сейсмостанция? Все спокойно? Что, новое землетрясение? Где? Когда? Так это же великолепно! Нет, нет, я еще не сошел с ума!

Он бросил трубку.

— Поздравляю. Но мне вот что непонятно, дорогой...

Пастухов смутился, ибо не мог припомнить ни фамилии, ни имени человека, к которому обращался.

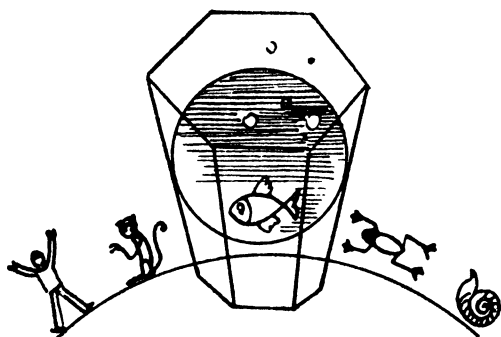
— Сегдин. Андрей Ефимович Сегдин.

— Так вот, дорогой Андрей Ефимович. Может быть, вы объясните мне одну вещь. Все, что знали вы о землетрясениях, знал и я. Но в ядерной физике вы мальчишка! Как же получилось, что вы, а не я...

— Потому что для вас жизнь в том, что вы делаете. Как и для меня. Но есть и разница. Для вас в науке ярче всего горит ваша лампа. Для меня все лампы горят одинаково. В этом есть свои минусы, но и свои плюсы. И я выиграл сегодняшнюю партию.

— Какую партию? Впрочем, неважно. Еще один вопрос. Я все же не могу представить, как вам удалось связать одно с другим.

— О, не приписывайте мне гениальной прозорливости. Там, на совещании, я всего лишь подумал: почему землетрясения ни разу не случались в воскресенье?

ОБЫКНОВЕННАЯ МИНЕРАЛЬНАЯ ВОДА

Наверху были перелески, топкие мочажины, серые домики деревень, в пасмурные дни похожие на усталых насекомых. А внизу под двухкилометровым слоем песчаников, сланцев, известняков лежали черные озера, никогда не видевшие света.

Уже сотни миллионов лет в эту теплую от подземного жара, насыщенную углекислотой, сероводородом, углекислым аммонием воду не проникал с поверхности ни единый атом кислорода, не просачивалась ни одна капля дождя.

Спокойствие, чуждое поверхности спокойствие, простерло крылья над смоляной поверхностью озер, переплетением тоннелей, куполами пещер. Иногда водную гладь колыхали подземные толчки; как легкое дыхание, ее шевелило лунное притяжение; лучи радиации, идущие из кристаллических недр, где распадались радиоактивные минералы, неустанно пронизывали толщу озер. Но это были движения отнюдь не губительные, наоборот, необходимые для того, чтобы нить развития без обрывов прядлась все дальше и дальше.

И все шло так, как оно должно было идти по непреложным законам природы. Сначала радиация связала часть углекислоты, сероводорода и аммония в аминокислоты. Потом возник белок, и началось великое таинство зарождения жизни... Природа, благо вновь создались подходящие условия, слепо повторила эволюцию, однажды уже свершившуюся на земле миллиарды лет назад почти в таких же минеральных, теплых, спокойных лагунах.

Самые первые, крохотные, беспомощные, но уже живые существа звездочками эволюции вспыхнули в черной воде озер, когда на поверхности появились шумные люди в ковбойках и высоких сапогах. Скрежещущее долото бура пронзило толщу пород, и ахнули, пошли кругами волн тихие воды вечной ночи. Вместе с буром в подземелье хлынул ручей промывочной жидкости, и там совершилась незримая и быстрая катастрофа: вода, которая пришла с поверхности и которая несла кислород, химические реагенты, убила первых, еще не окрепших существ эволюции. И когда насосы выбросили на поверхность струю минеральной воды, уже ничто не говорило о ней, как о недавней колыбели живого.

Встряхнув пробирку, аналитик поморщился.

— Отличная минеральная вода. Но загрязнена органикой.

— Придется ставить фильтр очистки, — возразили ему.

— Но это на полкопейки удорожит стоимость воды.

— Ну и что? Москва хочет пить, а эта вода под боком. Кстати, как мы ее назовем?

— Как обычно: «Московская минеральная». Какой у нас там номер по порядку? Ага, так и напишем на этикетках: «Московская минеральная № 3».

...В жаркий летний день, когда каблучки женщин пятнают асфальт дырочками, к ларьку протиснулся пожилой, обливающийся потом мужчина.

— Стакан боржома, — сказал он, протягивая гривенник.

— Боржома нет, — через плечо бросила продавщица.

— Тогда эссенцуки.

— Тоже нет. Есть «Московская минеральная № 3».

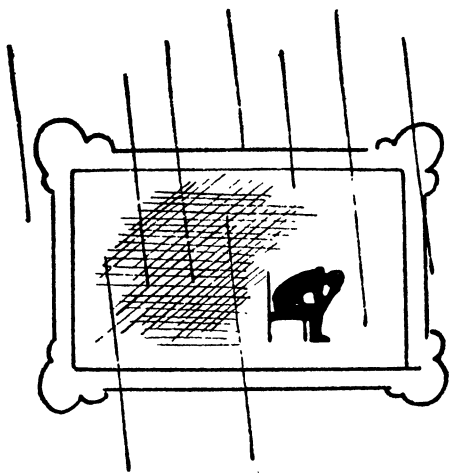
Человек перед этим много часов просидел за письменным столом, пытаясь обобщить все известные науке факты и найти ускользающую догадку происхождения жизни на Земле, то, как возникли и как выглядели самые первые организмы. Он был настолько поглощен этим, что химический состав минеральной воды, отпечатанный на этикетке и точь-в-точь отвечающий составу первичных морей, воспринял как должное. Как проекцию на окружающее одной из страниц своей рукописи.

— Черт знает что! Ладно, налейте стаканчик московской.

— Вам с сиропом или без?

— Конечно, с сиропом! И похолодней!

Продавщица вынула из холодильника запотевшую бутылку. Ученый с жадностью припал губами к ледяному стакану, шипящему пузырьками углекислоты, крякнул, вытер со лба пот и пошел по длинной, бесконечно длинной раскаленной улице к себе домой мучиться над тайной зарождения жизни.

ХУДОЖНИК

Наконец ему повезло: после долгого кружения над болотами он заметил нетронутую излучину реки. Птерокар, трепеща крыльями, как бабочка, опустился на поляну с густой травой. От сильного тока воздуха колыхнулось лиловое пламя кипреев. С ветки сосны в паническом ужасе сорвалась какая-то пичуга. «Уить... ить... ить», — ее икающий голосок потерялся в шуме леса.

Еще не веря себе, Глеб обошел мыс. Светлый пунктир

болотных оконцев очерчивал мыс с тыла. В речных бочагах гуляла рыба. Ни траурного пепелища костров, ни следа босых ног на ослепительном прибрежном песке. Приметы весеннего половодья — мочала сухой травы — сигнальными флажками покачивались в кустарнике. Глеб издал вопль дикаря — туристы проглядели этот оазис! Желание исполнилось: он был там, где ему хотелось быть.

Пошли дни, наполненные суетным шорохом трав, невозмутимым движением облаков, горячим светом солнца. Первое время сонно и упоительно кружилась голова. Глеб испытывал чувство, будто у него медленно раскрываются глаза.

Он прекрасно понимал, что его попытка — анахронизм. Может быть, прихоть. Рисовать нетронутую природу, которой уже почти не осталось, — зачем? Был Шишкин, был Левитан, было множество других художников, для которых все это не было экзотикой, — что после них может сказать он?

Замысел созревал долго и трудно — так дерево сначала глубоко пускает корни, прежде чем раскинуть густую крону. Они, его предшественники, смотрели на природу другими глазами. Для них вот такая излучина реки была самой незыблемостью. Он же знал, что она лишь краткий миг уходящего. В этом было его преимущество: он смотрел на природу — ту, что когда-то владела всей землей, — глазами стороннего человека. Он был жителем страны ракет и умных механизмов: он знал пейзажи Марса, Луны, Венеры. И он был гостем, которому все вновь там, где художники прошлого были хозяевами. Гостем жилища, которое подлежало сносу и которое заслуживало последнего «прости».

Но для гостя вещи хозяина не более чем диговинки или безликие предметы, которые не выдают случайному взгляду

свое кровное родство с человеком. Эту трудность Глеб ощутил сразу.

Подобно космическому кораблю, который, чтобы верней достичь цели, испытующе узит круги над чужой планетой, Глеб, чувствуя неподатливость среды, подбирался к картине годами, с каждой поездкой приближаясь к сердцу темы.

Понять уходящее душой хозяина, не расставаясь со свежестью взгляда пытливого прохожего, — как это было трудно! Прежде всего оказалось проблемой найти нетронутые уголки среднерусской природы. Заповедники не оправдали надежд. В них все как будто дышало подлинностью, но в первый же день Глеб наткнулся на овраг, аккуратно — чтобы ливни больше не ранили землю — перегороженный бетонными стенками. И он уже не смог работать. Ему, словно ныряльщику, приходилось отталкивать весь привычный образ жизни, преодолевать упругость привычек, чтобы достичь дна, где девственно пахнет луговым разнотравьем. Одно неверное движение выталкивало его обратно.

А находить места, где ничто не выдавало присутствия человека, который всюду и везде даже мимолетом перестраивает все по-своему, становилось труднее и труднее. Он уезжал на лето, а когда возвращался, на земле было уже теснее от тех сорока миллионов, которые успевали родиться за время его отсутствия. И этот прирост был как половодье, который затапливал островок за островком.

Художник не сдавался — искал, находил, смотрел, думал. Но не брался за краски. Стрелок нажимает на спуск не тогда, когда он видит яблочко мишени, мушку и прорезь прицела на одной линии, а когда он чувствует, что выстрел будет верным. Так и Глеб ждал подсказки изнутри: «готово».

Этим летом он услышал подсказку.

Незаметно для себя теперь он старался делать все — ходить, купаться, собирать хворост для костра — как можно тише, словно опасаясь спугнуть что-то. По той же причине он ни разу не включил меафон, ибо с щелчком тумблера сюда бы вошел мир громких звуков, напряженного ритма дел, от которого словно исходил ток высокого напряжения. Там, в его мире, имели цену и значение триллионные доли секунд — за этот срок включались двигатели звездолетов, вспыхивали термоядерные реакции. Здесь же часы стояли. Они показывали одно и то же: геологическую эпоху, в которой возник человек.

Однажды утром Глеб пришел в ужас: под кустом он обнаружил кибера. В щупальцах кибера были зажаты хворостинки.

— Кыш, — шепотом сказал Глеб. — Я тебя не звал.

— Ты пришел сюда, я обязан тебе помочь.

Нудный голос кибера прошелся по тишине, как гвоздь по стеклу.

— Убирайся...

— Я дежурный кибер, я обязан помогать туристам. Я беру ветки, чтобы ты не спотыкался, уничтожу змей, буду варить тебе пищу...

— Ты немедленно уйдешь. Это приказ.

Кибер в сомнении зашевелил щупальцами — человек, с его точки зрения, вел себя странно. Но приказ был отдан, и механизм покорно убрался. Опять стало тихо, но еще долго в ушах Глеба звучал скрежет стекла, терзаемого гвоздем.

«Если что и позволит мне закончить работу, так это время, — успокаивал себя художник. — Нетронутых уголков на мою жизнь хватит. Будет время найти упущенное, наверстать потерянное, исправить поврежденное. Как хорошо, когда можно не торопиться».

Он не ошибся. Он делал эскиз за эскизом с быстротой,

удивлявшей его самого. И он уже различал всю картину: образу оставалось лишь созреть.

Глеб вставал с восходом солнца, когда над рекой и болотами плыл туман; пил пахнувший дымом чай и садился работать. Он писал в полдень, когда от зноя сереет трава; вечером, когда тени густеют и свет золотит зелень; утром он наблюдал, как просыпается цвет — синий уже глядит ярко, а красный и темный едва тлеют, как угли под пеплом.

Весь день он слышал тихий звон — неумолкающую песнь комаров. Звон даже помогал ему, давая бессознательную настройку. Но вечерами Глеб порой скрежетал зубами от ярости: издевательское пение кровососов мешало уснуть, ибо оно предшествовало и сопровождало атаку крылатых жал. Конечно, Глеб мог бы слетать за риттером и тогда бы ничто не мешало ему, но жалко было терять день, окунаться в шум города, в котором надолго бы растворились голоса леса. И потом было бы ложью принять лишь отрадные черты природы, закрыв глаза на те дурные, с которыми человеку постоянно приходилось бороться. Поэтому он безропотно мирился и с промозглой слякотью затяжных дождей и с тоскливым одиночеством — всем тем неприятным, от чего туристы поспешно ограждались грохотом меафона и услугами киберов.

Все же ему не до конца удавалось отделаться от незримого присутствия эпохи. Ночью, когда в реке загорались мохнатые отражения звезд и у ног словно развертывался план Вселенной, небесную карту прочерчивали хвостатые следы кораблей, идущих к другим планетам. Это, впрочем, не мешало художнику. Наоборот, ночное небо с его яркими знаменениями времени не позволяло ему забыть о том, что он — живописец современности, провожающий закат дикой природы, как провожают некогда близкого, но потом забытого

человека. Небо было мостиком между прошлым и настоящим.

Правда, его вид будил тоску. Глеб уже мог понять психологию предков, чья жизнь протекала в окружении лесов и болот. Но принять этот образ жизни было выше его сил. Кто сжился с вихрем больших дел, разнообразием цивилизации, кто побывал в просторах космоса — того уже не прельстит неторопливое бытие среди трав и закатов. Такой человек поклоняется иным богам сердца.

Наступил день, когда небо с утра стало высоким и серым. Как всегда, в такую погоду хмурилась вода, и не было ветра. Все застыло в предчувствии перемен. Глеб ценил такие дни — медленно меняется освещение, глазу не надо гнаться за быстрыми переходами цвета, можно работать неторопливо, обдумывая каждый штрих.

Он писал увлеченно и отрешенно. Но вскоре что-то стало мешать. Цвет зелени становился глуше, на него напознала какая-то тень, хотя все вокруг оставалось прежним. Это раздражало Глеба, потому что никак не удавалось понять причину перемен. И он еще больше сосредоточивался, ибо только через это приходит понимание.

Холодная капля упала на руку, Глеб вздрогнул. Влажная зелень капли кричала о своей химической природе. «Как меня угораздило брызнуть хеокраской...» — подумал Глеб, недоуменно разглядывая пятно. Но тут по кустам пронесся шелест, и уже несколько капель упало на руки, лицо, одежду. И все они были кричаще-зелеными. Глеб вскочил.

Хлынул ливень. Зеленый дождь. Ядовитые струи дождя били сверху, сбоку, словно заработал исполинский душ. Химическая окраска растекалась по листьям, впитывалась землей, наполняла собой воздух, для нее не было преград, не существовало укрытий. Скоро поверх настоящей зелени всюду лежала искусственная, как лак.

Глеб стоял ошеломленный и непонимающий. С него лило. Его цепкая зрительная память навечно запечатлела картину победы химии над зеленью природы, над гаммами нежных оттенков и полутонов. То была сама фальшь, торжествующая, все обволакивающая фальшь цвета, рожденная слепым взглядом в чреве какой-то реторты.

Художник кинулся к палатке: должно же быть этому надругательству объяснение! Его век хорош тем, что в нем не существует секретов и можно услышать ответ на любой вопрос. Он нажал кнопку меафона.

— Что происходит?.. (Он назвал координаты реки.)

Несколько секунд аппарат тихонько гудел, — где-то за тысячи километров мозг информации искал среди бездн событий дня объяснения крохотному происшествию в долине ничего не значащей реки.

Наконец Глеб услышал равнодушный голос, перекрывающий шум ливня.

— Производится санитарная обработка участков размножения вредных насекомых. Обработка осуществляется посредством дождевого полива препаратом... (последовало трехэтажное название).

— Почему, почему дождь зеленый?! — закричал Глеб.

— Препарат не удалось получить бесцветным, — последовал бесстрастный ответ. — Тогда ему был придан маскирующий цвет зелени, чтобы не мешать эстетическому восприятию природы во время дезинфекции. Препарат и маскирующая окраска совершенно безвредны.

Глеб отбросил меафон. Слепцы! «Эстетическому восприятию!» Для них всякая зелень — зелень.

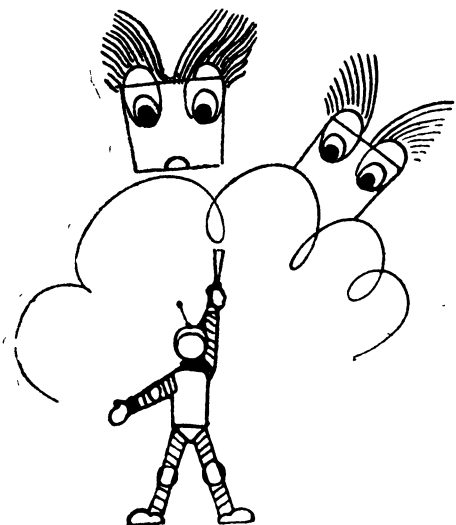
Он огляделся. Дождь утихал, брызнуло солнце. Вокруг все засверкало однотонным блеском. Мертвый лак стер улыбку светотени, сравнял оттенки, все стало одинаковым и потому безобразным.

То был конец. Пусть этот глянец исчезнет к вечеру, все равно. Он опоздал со своим замыслом. Теперь ему не удастся избавиться от увиденного, его всюду будет преследовать бездушный лик искусственной зелени. Всюду и, может быть, всегда.

Глеб торопливо собрался. Здесь ему больше делать нечего. Он сложил пожитки в птерокар. Последний раз обернулся. Деревья, трава, кусты зеленели ярко и одинаково.

И еще чего-то не хватало. Глеб не сразу понял чего. Да, умолк комариный звон. Совсем. Полчища мучителей уже никому не причинят беспокойства.

Глеб завел птерокар.

НА ПЫЛЬНОЙ ТРОПИНКЕ

**«Красная узкая птичка вертится
Во все стороны — видим ли мы ее!»**

Ю. Олеша

Сначала послышался топот, близящийся, тяжеловесный, глухой: «бух, бух, бух!» — словно молотом о землю. Фиолетовые кусты колыхнулись за поворотом, и на тропинке возникли сириллы. Увидев человека, замерли. Их тотчас оку-

тало густое облако пыли. Воздух наполнился свистящим дыханием бронированных легких.

Архипов взялся за пистолет. Он не испугался, но удивился безмерно. Такого в жизни не бывает, такое — внезапный топот, беспричинное появление чудовищ — слишком похоже на киновыдумку.

Мгновение они стояли друг против друга — человек в скафандре и животные. Потом — три квадратные морды опущены вниз, три пары глаз неистово горят зеленым — сириллы понеслись, как камень из пращи. Прямо по тропинке, прямо на человека. Архипов пожал плечами. Ослепительный удар молнии пришелся по первому животному. Струя плазмы снесла ему череп.

Уцелевшие круто и стремительно развернулись. Опять колыхнулись кусты за поворотом, и тропинка опустела. Только клубящаяся пыль напоминала об атаке.

У Архипова неожиданно ослабли колени: до сознания, наконец, дошло, что все это было всерьез. «Вот так штука! Будет о чем рассказать ребятам...»

Он был уверен, что его рассказ вызовет живейший интерес. Когда-то пункт «о поведении при встрече с опасными животными» стоял в инструкции по технике безопасности одним из первых. Но вскоре его убрали в самый конец. За ненужностью. Ведь даже самый примитивный ум животного легко соображал, что нет решительно никакого смысла первым ввязываться в драку с невиданным существом, от которого неизвестно чего ожидать. Спокойней найти привычную добычу.

И Архипову не сразу удалось восстановить в памяти злополучный пункт о встрече с хищниками. Ага, вроде бы так: «По возможности избегать приближения... В случае нападения обороняться быстро и решительно...» Дальше мел-

кий шрифт примечания. Ну, все в порядке: на него напали, он оборонялся, правило соблюдено.

Он подошел ближе к поверженному и растерзанному животному. В беге оно казалось более крупным. Пыль толстым слоем осела на панцире, маскируя истинный цвет сирилла. Теперь Архипов никак не мог понять, почему он счел животное свирепым. Просто громоздкая туша костей, мускулов, нервов, из которых он вынул жизнь. Что-то похожее на сожаление шевельнулось в душе. Полно, а хищник ли это?

«Хищник, конечно, хищник, он же нападал», — поспешил успокоить себя Архипов. Но прежней уверенности не было. Только сейчас он почувствовал, насколько ему чужд и незнаком животный мир планеты. Все время на вертолете, все время на вездеходе, почти никогда пешком. Мчится машина, вдали шевельнулось смутное пятно, исчезло, унесенное скоростью, — понятно, какой-то зверь. Вот и все знакомство. Какой зверь? Да не все ли равно! Своих дел по горло.

Размышления прервал шорох. Кусты опять шевельнулись, их наполняло скрытое движение. Архипов в недоумении завертел головой. Но кибер, топчущийся у ног, как собака, не дал сигнала тревоги. Так, какая-то мелочь пробирается по кустам... Тайная, неуловимая жизнь что-то ищет, чем-то шуршит, куда-то бежит под пологом девственного леса.

Архипов перевел дыхание, снял руку с пистолета. Неожиданно пришла мысль, которая его поразила. Вот только сейчас, несколько минут назад, он впервые столкнулся лицом к лицу с диким животным! Неужели впервые? Да, черт возьми... И самое смешное, что зверей этой планеты он все-таки знает лучше, чем земных. Некогда, в далеком детстве, его, кажется, водили в зоопарк. Воспоминания, конечно, стерлись. А потом, потом? Он силился припомнить,

Все не то, не то... Это он видел в кино, и это тоже. Вспомнил! Они затормозили тогда машину, мчащуюся по разливу асфальтовой реки со скоростью двухсот километров в час, и дружно захохотали, дивясь диловинным прыжкам какого-то зверька. Кажется, зверек назывался зайцем. Он так забавно бежал! Хорошо, что у кого-то из их компании было такое острое зрение, иначе они проморгали бы эту встречу. Сколько было потом восторгов! Увидеть животное на воле, не каждый мог этим похвастаться... Впрочем, на Земле, причесанной техникой, и этот заяц скорее всего был на учете. Так что и его трудно было назвать диким.

Ладно, ничего удивительного. Он космонавт. Долгие годы странствий при свете немигающих звезд, естественно, отдалили его от Земли. По крайней мере от ее диких обитателей. Пустое. «Мы дети улиц, мы горожане...» — так, кажется, пелось в какой-то старинной песенке. А он еще и космонавт.

Архипов тронул тушу носком ботинка. На ней отпечатался пыльный след. Нет, что и говорить, экзотическое приключение! Можно понять людей, которые когда-то назывались охотниками.

И тут кибер предупреждающе заворчал. Его антенна, анализирующая запахи, быстро вращалась. Архипов прислушался. Движение кругом, тайное движение. Но ни одна ветка не шелохнется. Зверье, похоже, умеет прятаться. А вдруг кто-то прыгнет из зарослей? Пальнуть, что ли, туда? Фу, он совсем разнервничался, если приходят такие мысли. Нет, прогулки по здешнему лесу не для него. Не привык. Надо поскорей вернуться к машине.

Но вернуться он не успел. Вновь раздался топот, тревожный, нарастающий, глухой топот. И снова колыхнулись кусты за поворотом, и в облаках пыли, как и в тот раз, появились сириллы. Но теперь они не остановились даже на

мгновение. Они неслись так, будто впереди не было человека, — грохочущей, все сметающей лавиной.

Архипова это почти испугало. Но раздумывать было некогда. Завесу пыли пропорол луч пистолета. Крайнее животное перекувырнулось через голову и разлетелось, взорванное. Однако, что уже было совсем непонятно, а потому страшно, выстрел не остановил нападения. Сириллы в мгновение ока смяли возникшую преграду из останков собрата, и Архипов увидел их морды совсем близко от себя. Увидел бронированные тараны, полные неукротимого напора и бешеной силы, тараны, нацеленные по геометрической прямой, которая проходила через его тело.

Вновь и вновь сверкал луч, уверенный, разящий, но торопливый. Грохот, треск, от поднятой пыли потемнело вокруг.

И внезапно все стихло, ибо все было кончено. Раздавленная, искромсанная лавина замерла у ног человека. Архипов не сразу понял, что за странные цветы усеяли его скафандр. Потом сообразил: брызги крови.

Он дрожал весь с головы до ног и не мог унять дрожи. Он сделал шаг и пошатнулся. Нет, хватит, прочь, прочь от этого ужасного места!

Но не тут-то было! Кусты на повороте уже не колыхнулись: они пали, как занавес, поваленные новой лавиной сирилл. Архипов в иступлении полоснул лучом поперек тропинки. Первый ряд повалился, но трепещущий завал почти не задержал животных. Архипов бил лучом налево, направо, наотмашь рубил им, словно огненным мечом. Перед ним громоздились груды, и он все бил и бил, бил по живому и по мертвому; а сириллы, и, кажется, уже не только сириллы, все мчались, и это было кошмаром.словно сама природа вдруг двинулась на пришельца-человека, чтобы смять, уничтожить его.

И еще несколько минут Архипов палил лучом, хотя бить было уже некого — звериный поток иссяк. Когда челозек сообразил это, он вынужден был присесть в изнеможении. Раскаленный пистолет жег ладонь даже сквозь перчатку. Одежда была мокра от пота.

Но треск в кустах опять заставил его вскочить. Да что же это такое?.. Он озибался, переполненный самыми дикими догадками. Треск шел неизвестно откуда и не походил на прежний. В нем была угроза и победная сила, как в скрежете челюстей, перемалывающих добычу. Напрасно, однако, Архипов силился разглядеть причину треска. Пыль. Она висела над полем битвы густым дымным пологом.

Сквозь пыль с трудом пробивался рыжий свет дня, огненными бликами падая на тропинку. Их шевеление чем-то остановило внимание Архипова. В них была странная краснота. И подвижность.

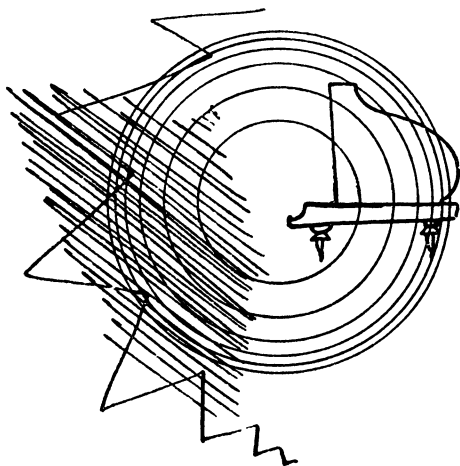
«Что это значит? Все это. Животные, треск, блики... Хоть бы минуту передышки, чтобы сообразить...»

Дымный полог колыхнулся перед ним, видимо, от порыва ветра. Полынья света расширилась и тронула дальний куст. И куст внезапно охватило пламя! Архипов вскрикнул: куст пылал с оглушительным треском.

И тут Архипов понял все... Сразу, окончательно. Понял и замычал, словно от боли. На него, на сирилл, на все живое шли огонь и дым. Шел треск лесного пожара, от которого должны были спастись все — и люди и звери. Пожар, только пожар гнал сирилл по тропинке напрямую, слепо, безоглядно, по кратчайшей и удобнейшей дороге, на которой вздумалось оказаться человеку, настолько далекому от жизни леса, что он ничего не понял, не посторонился, не побежал бок о бок с животными, а бездумно рубил своим сверкающим мечом, как будто в эту минуту ему могла грозить опасность большая, чем сгореть заживо.

Как ни страшно было это открытие, Архипова прежде всего охватил стыд, горький и едкий стыд. Устроить такую бойню! Кромсать на куски тех, кто искал спасения и указывал ему путь к спасению!

Архипов последний раз бросил взгляд на печальный памятник своему высокомерию — груды мертвых тел, к которым уже подбирался огонь. И побежал, отшвырнув тяжелый пистолет. Побежал стремглав по прямой, кратчайшей дороге, не глядя по сторонам, не рассуждая, готовый грудью снести любые препятствия. Побежал так, как перед этим бежали сириллы.

ДЕСАНТ НА МЕРКУРИЙ

В ответ на прикосновение Плынов замотал головой спросонья.

— Н-е-ет...

— Да проснись же, мы у цели, — настойчиво повелел, голос.

Плынов открыл глаза. Над изголовьем возвышался Бааде. Торжественный, застегнутый на все пуговицы. «Ему бы пошли эполеты, — почему-то решил Плынов, — золотые, огромные эполеты. С вензелями. Очень пошли бы».

Вслух он сказал:

— Ты будишь так, словно меня ждут великие дела.

— А разве высадка пустяк? Не там ищешь ботинок, вот он.

Психолог промолчал.

Войдя вслед за механиком в рубку, он придирчиво оглядел ее. Все как будто на месте — и огоньки над пультом, и ленивые кривые на экранах. Полынов досадливо щелкнул пальцами. Шумерин ему не нравился. Капитан сидел сгорбившись, как вопросительный знак. Его пальцы с излишней поспешностью сновали по тумблерам анализатора. «Волнуется старик», — подумал психолог. «Старику» не было и сорока лет.

Полынов зевнул. Сладко, шумно, так, чтобы на это обратили внимание. И сказал, как бы про себя:

— Значит, у меня снова заболит зуб.

Шумерин удивленно обернулся. Из-за его плеча выплыл черный овал иллюминатора; в рубку глянула глухая ночь Вселенной.

— Что за чушь, какой еще зуб?

— Верхний. Справа.

Шумерин глядел на психолога, ничего не понимая. С плеч Бааде слетели невидимые эполеты: от неожиданности механик приоткрыл рот.

— Больной зуб? — спросил он в замешательстве. — У врача? Космического? Ты шутишь...

— А я и не говорю, что у меня больной зуб, — уточнил Полынов. — Но когда включается тормозная установка, какая-то неучтенная вибрация заставляет резонировать нерв. И зуб болит. Паршивое ощущение: историческая минута, чужая планета, а герой-первооткрыватель хватается за щеку, как старуха.

— Почему ты не сказал об этом раньше? — возмутился Шумерин.

— А кой прок? Инженеры, в лице нашего уважаемого Генриха Станиславовича, месяц ходили бы вокруг двигателей, меня замучили бы анализами, а все могло закончиться тем, что в экипаж назначили бы врача, у которого зуб не резонирует.

Бааде расхохотался. Шумерин улыбнулся и посоветовал принять фенатин.

«Неплохо, — решил Плынов. — Тлетворный дух Тугаринова изгнан каленой метлой шулки».

К психологам в космосе относились с иронией. Прежде всего потому, что редко кто замечал их работу. И не случайно: плох тот психолог, чья деятельность бросается в глаза. В этом были, конечно, свои минусы. Когда человека брали в полет на должность «врача-биолога-психолога», капитанов несравненно больше интересовало, какой он врач и какой биолог. А результат? Помянув «тлетворный дух Тугаринова», Плынов имел в виду вполне конкретный случай. Ситуация была точно такой же: чужая планета, посадка, нервная лихорадка пальцев... Психолог на том корабле был шляпой из шляп: хорошо зная Тугаринова, он тем не менее не удосужился провести профилактику. И в самый ответственный миг Тугаринов взял управление кораблем на себя! При посадке!

Тугаринова вовремя оттащили. Но секунда, когда капитан руководил спуском на Венеру, кое-кому стоила седины в волосах. Даже стажеру известно, что человек с его медлительной реакцией, неспешной сообразительностью просто не в силах сам, без участия автоматов посадить корабль на незнакомую планету. Что взяться в такой ситуации за рули, значит прямехонько улечься в гроб, да еще захлопнуть крышку.

Конечно, поступок Тугаринова объясним. Трудно, очень трудно покорно лежать в кресле, когда решается: чет или

нечет, победа или гибель. Решается автоматикой. Взвоешь! Не один Тугаринов, многие ворчали: «Унизительно, та-та...» А сорвался именно Тугаринов. Недоверие к автоматам? Ха... Не к автоматам, а к людям. Тем, для него неизвестным, безымянным людям, которые делали всю эту аппаратуру. Тугаринова испортила былая слава — вот что. Высокомерие и самоуверенность таились в нем, как болезнь; в опасную минуту наступил кризис.

И межпланетник погиб. Ему запретили летать, поместили в санаторий «чинить нервы».

Эти воспоминания всегда будили в Пологинове злость. Нервы! Сколько можно доказывать всем и каждому, что они требуют неизмеримо большей заботы, чем механизмы? И на земле и в космосе. Особенно в космосе. Ладно, пусть тот же Бааде считает психолога кустарем, пусть. Шумерин, конечно, не чета Тугаринову, но на всякий случай он, Пологинов, обязан позаботиться, чтобы сейчас капитаном не овладели ненужные мысли. Фокус с зубом уже отвлек его, хорошо, продолжим.

— Интересно, — сказал Пологинов, — каким окажется Меркурий?

— Обыкновенным, — ответил Шумерин, не задумываясь. Его руки отдыхали на подлокотниках кресла. — Мы знаем о Меркурии почти все. АМС-51, АМС-63, я уже сбился со счета, сколько их там побывало.

Бааде, севший было за расчеты, поднял голову.

— Ты, Михаил, не романтик. Сухарь ты. На встречу с новой планетой, — он важно поднял палец, — надлежит идти как на свидание с Прекрасной Незнакомкой.

Иногда трудно было понять: иронизирует Бааде или говорит серьезно.

— Правильно, — подзадорил Пологинов, — пока не поздно — почитай Блока. Способствует настрою. А то какой в

тебе будет азарт, когда ты первым из всех людей вступишь на Меркурий?

— К чему мне все это, я не мальчишка...

— А солидный капитан-межпланетник, — подхватил Полынов. — Между прочим, я однажды слышал хорошие слова: «Мы стареем потому, что стыдимся молодости».

Шумерин что-то пробурчал и протянул руку к киберштурману, давая понять, что ему некогда.

— О, это колоссальная мысль! — prorонил Бааде, качая головой.

— А вы вспомните, — не выдержал Шумерин, — каким нам представлялся Марс! Необыкновенным, таинственным. Прилетели. И ничего особенного.

— Вот это да! — Бааде снова оторвался от расчетов. — А эпихордизация, например?

— Я не о том, поймите. Для ума там много интересно. И на Венере тоже. Я же говорю о чувственном восприятии... Небо, песок, горы... Похоже, все похоже! словно продолжение Земли.

— И ты разочаровался? — психолога заинтересовал разговор. Он открывал в капитане что-то новое.

— Разочаровался — не летал бы. Просто я не жду встречи с Прекрасной Незнакомкой, как вы только что выразились.

— Правильно, — сказал Бааде. — Правильно! Дважды два — четыре, и никаких гвоздей. Все остальное эмоции, я тоже так считаю.

Полынов ничего не сказал. Он вслушивался. Рубку всегда наполнял легкий стрекот — лишнее напоминание о титанической работе, которую ведут спрятанные за панелями и кожухами приборы: тысячи, миллионы всяких там реле, схем и прочих деталей электронной кабелистики. Теперь

стрекот чуть усилился. Значит, жди сигнала посадки. Время сделать последний ход.

— Знаешь, Михаил, кто ты? Думаешь, скептик? Межпланетный Печорин? Ничего подобного. Ты примитивный мистик, как тот школьник, который твердит перед экзаменом «провалюсь, провалюсь» в надежде, что судьба любит поступать наперекор.

Молчание. Шумерин смотрит в обзор. Оттуда глядит надоевший рисунок созвездий. Очень красноречивое молчание. Капитан теревит тумблер бортовой системы климата.

— Андрей, у нас, по-моему, еще масса дел, — наконец проговорил он. Вежливый подтекст: «Я занят, ты мне мешаешь».

«Все в порядке, — решил психолог. — Теперь он будет переживать. Переживай, переживай, это заставит тебя забыть о своем положении «Ионы во чреве кита».

Меркурий уже напоминал о себе. Органы чувств корабля ощущали его близость. Поверхность планеты облизывали импульсы радаров; разглядывали глаза телескопов — пристально, километр за километром; пальцы дистанционных анализаторов, управляя бомбозондами, шарили в атмосфере. Ничего этого люди не видели и не слышали: все представляло перед ними в препарированном, дистиллированном образе цифр, знаков, электронных символов. Впрочем, люди могли любоваться серебристым, слегка отуманенным серпиком планеты. Или следить за ускоренным бегом цифр и знаков, чтобы поправить корабль, если нужно. Но этого заведомо не требовалось.

Когда до поверхности осталось совсем немного, включилось еще одно реле, ибо пришло время напомнить людям, чтобы они сделали то-то и то-то. Зажглись табло, прозвучал сигнал, и кресла пришли в движение, занимая противоперегрузочное положение. Все захлопотали.

Послышалось гудение, оно охватило весь корабль — работала тормозная установка. Огромный корабль первого класса «Александр Невский» валился вниз: туда, где был невидимый Меркурий. Но как идет первая посадка на чужую планету, люди могли видеть лишь в зеркале осциллографов, в электронных рисунках кривых на нем.

— Чертов зуб... — вовремя вспомнил Полинов.

Перегрузка росла. Вопреки этому, вопреки растущей тяжести они ощущали падение, от которого холодело в груди. Они падали из космоса, из пустоты, и она казалась теперь самой надежной опорой. Пустота уходила из-под ног, пустота разваливалась, крошилась; сжавшееся тело невольно ждало удара.

Он не замедлил последовать.

Конечно, смешно было назвать это ударом: просто толчок. Как при внезапной остановке лифта. Но его слишком ждали, и он больно ударил по нервам.

Спинки кресел приподнялись и посадили их. Шумерин вытер пот.

«Пожалуй, мы так избалуемся, — подумал Полинов. — Летели, летели, томились; сели в кресла, поволновались чуть-чуть; толчок — здравствуйте! — Меркурий! Пассажиры могут выйти...»

Но выйти они пока не могли. Нельзя было открыть люк, покуда автоматы не проведут разведку по «форме № 7». Замеры радиации, напряженность полей, пробы на присутствие вирусов, неведь что еще, пулеметные очереди цифр и символов в окошке анализатора, прежде чем загорится зеленый огонек и электронный мозг голосом хорошенькой стюардессы объявит: «Выход разрешен. Необходим скафандр №...»

Они стояли друг против друга, смущенно улыбаясь и

решительно не зная, как держать себя в такую минуту. Хорошо, Бааде умудрился выключить киноаппарат, который автоматически срабатывает при посадке и запечатлевает для истории их лица...

— Включите-ка звукопеленгатор, — нашелся Полынов.

Шумерин пожал плечами (какой может быть звук в столь разреженной атмосфере?), но просьбу выполнил.

Звук, однако, был. Космонавты переглянулись. Первый услышанный ими на Меркурии звук донельзя напоминал что-то.

— Похоже на шуршание сухих листьев, — определил Полынов.

— Вот-вот, — не удержался Шумерин. — Летели на край света послушать шелест осенних листьев.

— Согласись, однако, что мы не ожидали этого. Неужели ветер?

— Скоро узнаем.

Когда ждешь, время обретает тяжесть, от которой болят плечи. Шумерин уже начал переминаясь с ноги на ногу.

Наконец кибернетическая стюардесса смиловилась. Она подтвердила, что человека за бортом не поджидает никакая опасность.

— Вы — первым, — почему-то переходя на «вы», сказал капитану Полынов.

Он стоял у люка и смотрел, как Шумерин с отвычки медленно и неуклюже спускается вниз.

Психолог впервые высаживается на планету, где никто еще не бывал. Сбывались детские мечты, но тогда все представлялось, разумеется, не так. Как именно, помнилось плохо. Кажется, все выглядело лазоревым, сердце сжималось и ликовало от счастья, выше и лучше которого нет. Вероятно, так. Был ли он счастлив теперь? Полынов остерегался отве-

тить: все слишком спокойно и буднично. Немного тревожно, как при взгляде с большой высоты. Но разочарования ни малейшего; может быть, так оно и выглядит — счастье большого свершения?

Шумерин встал на последнюю ступеньку. Ох, как он долго спускался! Оставался один только шаг, последний. Капитану, наконец, удалось принять достойный вид. Он выпрямился, скрестил на груди руки, взглядом измерил расстояние. У Пылынова невольно защипало в горле: вот оно!

Почва выглядела необычно. Прежде всего нерезкой, словно запотели стекла шлема. Над гладким и серым, похожим на асфальт покровом возвышались как в тумане черные камни. Их удлиняли тени. И так — всюду. Черные камни в оправе асфальта.

Естественно, Шумерин прицелился ступить на ровную площадку. Немного поколебался. Высоко занес ногу, откинул голову и шагнул, как на церемониальном марше.

И едва не упал, потому что нога ушла в «асфальт» по щиколотку. Взвилось облачко.

Бааде и Пылынов, не выдержав, расхохотались, чуть более нервно, чем того требовали обстоятельства.

— Вот так штука! — присвистнул Шумерин. — Это же пылы!

Космонавты сбежали вниз. Да, капитан не ошибся: «асфальт» был густым слоем пыли, сухим туманом, закрывающим выемки почвы.

— Ну, это понятно, — сказал Бааде, — почва нагрета до двухсот градусов, сила тяжести невелика. Вот пылинки и исполняют танец броуновского движения. Смотрите, туман течет!

Так оно и было. В «облаке», «тумане» (или как его там еще назвать) обозначались вихри.

Пылынов давно мечтал о мгновении первой встречи

с Меркурием. Но сейчас чем далее он вглядывался в пейзаж чужой планеты, тем сильнее в нем росли безотчетное раздражение и неприязнь.

Огромное солнце опиралось на край Меркурия стеной белого пламени. Такой яркой, что горизонт плавился и прогибался, как под тяжестью. Равнина пылала, подожженная нестерпимым светом. Тени на ней казались кристалликами угля, брошенными в топку.

Вверху застыло черно-фиолетовое небо. В космическом холоде медленно-шевелились багровые языки протуберанцев. Оттого еще более усиливалось впечатление разверзнутой печи, готовой обрушиться на Меркурий жар и пламя.

Но в черном небе от Солнца отлетели жемчужные крылья короны; в их взмахе таилась прохлада сумерек. Неистощимый полдень, непроглядная ночь, мягкий вечер — все соседствовало в противоестественном контрасте. Меркурианский воздух придавал всему налет неправдоподобия. Он прихотливо мерцал и светился, пропитывал собой и свет и тень. Как мгла, хоть это и не было мглой. Неосязаемый трепет пространства, дрожание эфира — этому не было точного имени. Все виделось нечетко и зыбко, как сквозь струящуюся пелену, которую так и хотелось сбросить.

— Черт, — выругался Полюнов, отчаянно мигая. Глаз невольно уचाщал движение век, чтобы устранить помеху, — стереть несуществующую слезу.

Остальные чувствовали то же самое — досаду и раздражение. Разум почему-то не хотел принимать того, что видел глаз; это было незнакомым и неприятным ощущением.

— Никак не могу понять, что же это такое, — вздохнул, наконец, Шумерин.

— Просто мы внутри газосветной трубки, — щурясь сказал Бааде, — или внутри полярного сияния, если так больше нравится. Разреженная атмосфера, близость Солнца и как

следствие — высокая ионизация газов. Вот и все. И между прочим...

Он обвел взглядом друзей.

— ...Между прочим, мы превратились в святых.

Он протянул руку, и все заметили, что над шлемами горят крохотные лучистые нимбы. Огоньки бежали и по корпусу корабля.

— Электризация! — догадался Полынов.

— Точно. И знаете, что мы приняли за шорох листьев?

Потрескивание этих самых искр.

— Могли бы сразу догадаться.

— Конечно.

— Но какой вид у Меркурия...

— Неуютный.

— Верно...

Они долго переговаривались так, потому что дольше разглядывать Меркурий почему-то не хотелось, а признаться в этом было неловко. Здесь ничего не значили обычные оценки. «Прекрасный», «жуткий» — эти и подобные им слова не годились. То был воистину чужой мир, требующий новых определений. Действовал он все более гнетуще, ибо человеку постоянно хочется ясности, а ее-то здесь и не было.

Но они прилетели исследовать, а не любоваться пейзажами и потому не придали первому впечатлению особого значения. У них были программа, задачи и цель. Эмоции не имели к этому ни малейшего отношения, так им казалось.

Шумерин хозяйским взглядом окинул площадку. Порядок. Блестит сейсмограф, похожий на канцелярскую кнопку, вколотую в почву; если местности будет грозить землетрясение, то благодаря сейсмографу они узнают о нем заранее. В тени скалы притаились счетчики Черенкова. Ливень космических

частиц тоже не застигнет врасплох. Правда, такие же приборы дежурят и на корабле, но инструкция есть инструкция. В ней предусмотрено все. Аккумулятор опыта, тяжелой гирей иногда повисающий на инициативе. Но иначе нельзя, нет, нельзя. Они не беззаботные туристы. Им, как альпинистам, нужна страховка, невидимые помочи в руках у тех, кто послал их вперед.

Вся площадка поблескивает усиками, проводами, чашами антенн, оскаленными пастями газозаборников. Стадо умных механизмов. Нет, скорей плантация диких растений, возвращенных усилиями тысяч умов. На ней зреет урожай информации. Садовник, наконец, может уйти: урожай вырастет без него.

Но сколько времени потеряно! Зря или не зря? Если не считать двух-трех приборов, остальные либо дублировали работу корабельных установок (для сопоставления результатов!), либо вновь и вновь уточняли, дополняли, перепроверяли сведения, полученные от автоматических станций, сброшенных ранее. Все это было нужно, необходимо, но они лишились по крайней мере двух экскурсий в глубь планеты. Обидно, по-человечески обидно.

И к чему вообще, если вдуматься, сводится их роль первооткрывателей? Надзиратели за умными машинами? Экскурсанты, которые осматривают планету, по ходу дела подтверждая то, что подтверждения не требовало, — данные, полученные от автоматов?

Нет, конечно, он не прав. Цифры безгласны и мертвы. Что такое сама по себе «температура плюс сорок градусов по Цельсию», скажем? Пустой звук. Лишь присутствие человека оживляет ее. Сухость губ, рубашка, прилипшая к телу, горячая кровь, стучащая в сердце, и многое, многое другое связывается тогда с нею.

Меркурий еще не коснулся души человека, так-то вот.

Автоматы открыли его для разума. Но только люди откроют его для чувств. Нельзя любить, ненавидеть абстракцию. Нельзя жить в мире графиков и физических величин, если он не обжит сердцем. Человек должен идти вперед, а не один только разум. Иначе сквозь душу пройдет трещина. Что-то будет жить в прошлом среди идиллии лесов и пашен, а что-то уйдет в будущее, поселится на голой пустыне фактов. Но нельзя расселить ум и чувство по разным квартирам — человеку станет плохо.

Им обживать Меркурий. Им открывать его для человека. То, как они это сделают, — от этого зависит, станет ли человечество богаче. Богаче красками, волнением, пониманием природы и себя в природе.

Пожалуй, им повезло. Может быть, в ущерб делу. Повезло, что никто пока не догадался: вслед за автоматами должны идти писатели и художники. Верней, ученые-художники. Вроде Леонардо да Винчи или Экзюпери. Они увидят то, что не увидит он, Шумерин. Поймут то, что останется скрытым от всех троих.

— Капитан, вездеход подготовлен.

Бааде и Польшов приближались к нему, и странно было видеть, как их ноги, погружаясь в тень, исчезают там, как обрубленные, и люди в блестящих скафандрах повисают над пустотой. Прежде чем глаза привыкли и смогли разглядеть в темноте ботинки, Бааде и Польшов уже миновали тень. Теперь солнце оказалось за их спиной, и они мгновенно превратились в бесплотные силуэты.

— Зайдите сбоку, — попросил Шумерин, — неприятно разговаривать с дырками в небе.

Они засмеялись. Они никак не могли привыкнуть к дикой светотени, уродующей любой предмет. Правда, если вглядываться, скраденные очертания вновь проступали из мрака зеленоватыми пятнами. Но это если вглядываться.

— Так в путь, капитан? — спросил Бааде, поворачиваясь боком. — Двигаться, наблюдать, хорошо-то как!

— Сначала отдых и сон, — остановил его Полынов.

Бааде посмотрел на психолога осуждающе.

— Слово врача — закон, — развел руками Шумерин.

Бааде заворчал, Полынов сладко — нарочито сладко — зевнул, Шумерин повернулся к ракете, давая понять, что спор закончен.

Тут-то Шумерин и увидел это.

Оно надвигалось из темного полушария Меркурия бесшумно и быстро. Серая полоска чего-то.

Условный рефлекс опасности сработал тотчас.

— Берегитесь! — предостерегающе закричал Шумерин.

В полоске не было ничего угрожающего, кроме того, что она приближалась и была неизвестно чем.

— К кораблю! — Шумерин зачем-то топнул ногой.

И они побежали, но нехотя, то и дело оборачиваясь, ибо все еще не могли принять неожиданность всерьез.

Ближкий горизонт Меркурия мешал определить расстояние до полоски. Впрочем, это уже не было полоской. То был вал, который рос, ширился и мчался, вставая стеной и смахивая звезды.

— Приборы... — вспомнил Бааде, когда они достигли люка.

Приборы оставались беззащитными. А ракета, люди? Никогда они не переживали такой растерянности, ибо опасность никогда не была настолько непонятной. Переход от невозмутимого спокойствия к тревоге и к бегству был так стремителен, а перемена настолько неправдоподобной, что разум упорно отказывался в нее поверить.

— На гребне — пена... — сказал Полынов.

И тут они поняли, на что это похоже. На воду. И это было самым невероятным. По раскаленной равнине катился вал

воды, серой, осенней воды с хлопьями пены на гребне... Солнечный свет тонул в ее вогнутой поверхности, местами отражаясь хмурыми бликами. Впрочем, многое дорисовывало воображение. Проклятое мерцание, как назло, было необычайно сильным.

— Люк! — закричал Шумерин.

«Правильно, — успел подумать Пологинов, — приборы — дело десятое».

Массивный люк щелчком захлопнулся за ними. Насосы с шумом послали внутрь камеры струи воздуха. Тени, отбрасываемые лампами потолка, быстро теряли космическую черноту, становясь прозрачными, земными. И с той же быстротой к людям возвращалось спокойствие.

— В рубку, — сказал Шумерин, когда шум насосов смолк.

По дороге в рубку они ждали толчка. Ждали и верили, что он окажется несильным, — корабль был слишком могучим препятствием для вала. Но толчка не было. Никакого. Ни слабого, ни сильного.

— Ну, знаете... — сказал Шумерин, когда шторы иллюминаторов раздвинулись.

Кругом было пусто. Гладкая равнина в грифельных пятнах теней. Ни малейшего признака промчавшегося вала.

Бааде тупо посмотрел на Пологинова, тот на капитана. Шумерин пожал плечами.

— Чуть какая-то...

— Надо разобраться в феномене, — сказал механик.

— В двух, — уточнил Пологинов. — В том, откуда взялась... гм... жидкость, и в том, куда она делается.

Разбираться им было не привыкать. Разбираться было их профессией. И все же начинать разговор никому не хотелось. Слишком глупо все это выглядело.

— И так? — настаивал Шумерин.

— По-моему, все просто, — начал Бааде, постепенно

обретая уверенность. — С неосвещенной стороны Меркурия на нас ринулся поток жидкости неизвестного состава. Это первый факт. Нам известно, что в темном полушарии есть ледники замерзших газов различного состава и озера у подножья гор. Это факт номер два. Отсюда следует, что в силу каких-то причин там прорвало запруду. Меркурианское наводнение — вот как это называется.

— Генрих, да ты поэт простоты! — воскликнул Польшов. — Есть только одна неясность: почему эта жидкость не кипела, выйдя на освещенную равнину? И почему она вдруг исчезла?

— Выходит, две неясности, — невозмутимо уточнил Бааде. Заметно было, что он успел все хорошо продумать. — Итак, почему эта проклятая жидкость не кипела в условиях повышенной температуры и низкого давления...

Со стороны их разговор производил, вероятно, странное впечатление. Люди, только что пережившие сильное потрясение, спокойно сидят друг против друга и спорят так, будто решают абстрактную, академическую задачу. Без лишних эмоций и лишних слов, совсем как логические машины. Но в космосе это был единственно возможный стиль поведения. Всякая отсебятина влекла за собой потерю времени, иногда невозвратимую.

— Отвечу на вопрос, почему она могла не кипеть, — продолжал Бааде. — Во-первых, она кипела. Вы обратили внимание на усиление мерцания? Разумеется, оно было вызвано сильным испарением, другого объяснения я не вижу. Во-вторых, опыты Николаева — Графтена с жидкими газами переменного состава (а нам, подчеркиваю, неизвестен состав жидкости) показывают, что в определенных условиях ряд промежуточных соединений благородных газов играет роль замедлителей испарения. Это лабораторный факт.

— Однако внезапное исчезновение...

— Не внезапное. Мы были лишены возможности наблюдать поток в течение нескольких минут. Бесспорно, в начале своего движения он имел низкую температуру. Быстрота движения замедлила его прогрев. Но рано или поздно температура массы жидкости должна была достичь критической точки, при которой жидкость быстро и даже мгновенно (зависит как от состава, так и от внешних факторов) превращается в пар. Вот почему не было толчка.

— Могучий ум! — Плынов обрадованно хлопнул Бааде по плечу. — Недаром говорят, что математика может объяснить все.

— Генрих выдвинул стройную гипотезу, — сказал Шумерин. — И у нас есть объективный свидетель, который может подтвердить ее или опровергнуть.

— Кто?

— Газоанализатор.

Плынов тотчас встал.

— Пойду посмотрю.

— Можно запросить корабельный, — сказал Шумерин.

— Нет, Плынов прав, — остановил его Бааде. — Корабельный расположен слишком высоко.

— Я быстро, — сказал Плынов.

Капитан и механик, припав к иллюминатору, смотрели, как Плынов прыгнул вниз, как он подошел к газоанализатору, как возился с кассетами и как его рука машинально потянулась к затылку.

— Он нашел что-то интересное, — сказал Бааде.

— Да, — согласился Шумерин.

Плынов вернулся.

— Ну? — хором спросили оба.

Утвердительный кивок был ответом.

— Состав? — потребовал Шумерин.

— Сложная смесь из соединений гелия с азотом, неоном

и водородом. Мне жалко было портить пленку, вот запись на бумаге.

Бааде перехватил листок.

— Николаев и Графтен будут довольны, — сказал он, пряча его в карман.

— Прости за нескромный вопрос, — сказал Шумерин. — Почему ты полез в потылицу?

— Что? — не понял Пологинов.

— Ты вроде бы хотел почесать в затылке.

— Да? Меня удивил состав жидкости. Нейтральные газы не так-то легко образуют соединения, тем более такие.

— Нет, все-таки биологи неисправимый народ, — расхохотался Бааде. — Сильная радиация увеличивает реакционную способность вещества.

— Ах, так! Ну, тогда все в порядке. Какие будут распоряжения, капитан?

— Как и намечали, — ответил Шумерин, — отдых, сон, потом разведка.

— Согласен, — сказал Пологинов. — Только...

— Что?

— Сначала мне нужно проверить здоровье всех.

— Андрюша, ты никогда не был педантом и рабом инструкций, — удивился Бааде.

— Капитан, я настаиваю.

— Тебе видней, — пожал плечами Шумерин. — Хотя я не вижу необходимости, но... Ты опасаться чего-нибудь?

— Нет, я ничего не боюсь. Но в ушах у меня все еще звенит твой крик: «Берегитесь!»

— Теперь я тоже настаиваю на проверке, — сказал Шумерин. — Экипаж начинает нервничать.

— Кто согласен остаться? — спросил Шумерин.

Он заранее предвидел, что добровольца не будет, и го-

товил себя к неприятной обязанности сказать одному из друзей: «Останешься ты».

Но вопреки ожиданию согласился Полынов.

Бааде посмотрел на него с изумлением.

— Люблю самопожертвование.

— Кому-то надо остаться, — отвернулся Полынов. — Лучше мне. Для биолога на Меркурии нет работы.

— А уж мы постараемся, чтобы ее и для врача не было! — пообещал механик.

Лязгая гусеницами, вездеход съехал по наклонному пандусу. Рядом с ракетой он казался скорлупкой — эта машина с атомным сердцем, похожая на старинный танк.

Шумерин и Бааде сели. Полынов помахал им вслед. Взмах руки метнулся по почве черной молнией тени. И когда вездеход скрылся, психолог внезапно почувствовал себя маленьким и беззащитным, как ребенок в пустой и темной комнате. Он заторопился к люку.

Вездеход мерно покачивало. Он шел прямо к солнцу, и стена белого пламени постепенно приподнималась над горизонтом, пока не повисла слепающим сгустком.

Однообразный пейзаж — серый покров пыли, обожженные бока глыб, мозаика светотени — менялся. Казалось, они ехали прямо в огонь, и он разворачивал перед ними слепающий ковер. Иногда это походило на скольжение по зеркалу, яркому, отражающему свет зеркалу. Даже светофильтры не могли его притушить.

Зеленоватое свечение неба померкло вовсе. Теперь по контрасту оно было совершенно черным, и звездная пыль в нем выглядела как отблески.

Солнце все поднималось навстречу. Оно, будто чудовищный огненный краб, карабкалось к зениту. Тени исчезли. Все стало гладким, отполированным.

Люди молчали. Не хотелось говорить, трудно было говорить. Свет жгучими молниями врывается в сознание даже сквозь закрытые веки.

Они проехали мимо необычайной гряды: длинные прозрачные кристаллы кварца, как пики, были устремлены к солнцу. И камень стремился принять на себя как можно меньше света...

Появление кристаллов ненадолго оживило путешественников.

— Свет и смерть, здесь они разнозначны, — сказал Шумерин.

— Самое горячее место на всех планетах, — добавил Бааде.

И разговор оборвался.

Вероятно, Полюнов мог бы лучше понять их состояние, чем они сами. Но психолог отсутствовал. Казалось, вездеход был надежной оболочкой. Он защищал от жары, радиации, неумеренности света, от всех превратностей. Должен был защищать. И все же, несмотря на прохладу кабины, по лицу тек пот. Где-то в броне машины был неуловимый изъян, невидимая брешь, сквозь которую Меркурий воздействовал на людей не так, как это было рассчитано. Не считаясь с преградами, светофильтрами и прочими хитроумными заслонками, он незаметно отнял у них ощущение времени. Даже в космосе, а уж на Земле тем более, они чувствовали наполненность времени. Десять минут, час — эти слова всегда что-то говорили уму. Сейчас ничего. Уже и такие понятия, как «меньше», «больше», теряли здесь смысл. Меньше чего? Больше чего? Как можно было ответить на эти вопросы в мире, где ничто не менялось и ничего не происходило, где солнце всегда стояло на месте, свет никогда не ослабевал, а любая точка пространства неизменно оставалась неподвижной! Как можно осознать течение времени, находясь, — как

бы быстро ни шел вездеход — в центре ровного круга, строго очерченного чернотой неба?

Кроме того, сильные закаленные люди чувствовали себя беспомощными. Что значило их могущество там, где даже камень боится света? Это понимание шло не от ума и не от воображения. Так, должно быть, чувствовал себя первобытный человек, привыкший держаться деревьев, кустарников, спасительных укрытий и оказавшийся посреди пустыни, где спрятаться негде, какая бы опасность ни грозила.

Однако Бааде не поворачивал руля, а Шумерин не возражал против бездумного бега в огонь. Жадное, почти гипнотическое стремление видеть, видеть — а что будет дальше, соединенное с протрацией безвременья, отуманивало, словно наркот. Оцепенение странно сочеталось с острым сознанием собственной незащитности, но это лишь подстегивало. Молчаливое единоборство осторожности с упрямством, чей корень лежит в самой сущности человека: в гордости существа, идущего вперед и вперед через все препятствия, вопреки всем препятствиям, ради цели, скорей инстинктивно заложенной, чем намеченной рассудком.

И вездеход, а в нем застывший у руля Бааде, застывший рядом Шумерин летели вперед, втягиваясь все дальше в сверкающую бесконечность.

— Генрих, Миша, куда вы так далеко?

Встревоженный голос Польшова в динамике точно разбудил их от сна.

Они задвигались, Шумерин глянул на счетчик спидометра и выругался.

— Ничего, Андрей, сейчас поворачиваем, все в порядке! — прокричал он в микрофон.

— Хорошо, — слова почти тонули в треске помех. — А то я слежу за пеленгом и никак не возьму в толк, почему вы лезете в пекло против расчетного маршрута.

Шумерин хотел ответить, что это вышло невольно, но сдержался. Психологу лишь дай повод — вцепится.

— Нет, нет, Андрей, все в порядке. Просто очень интересно. Потом расскажу.

Он выключил связь.

— В другой раз, — строго сказал он Бааде, — не разрешу выезда, если не будут поставлены автоматические тормоза. Прошли положенное число километров — все, стоп. Впредь до распоряжения. А то вот оно как получается... Я было думал, только с аквалангистами случается такое... опьянение.

— Знаешь, — ответил Бааде, круто разворачивая машину, — я человек трезвого склада. Все эти эмоции у меня вот где, — он сжал кулак. — Но сейчас мне вспомнилось...

— Что?

— Как я мальчишкой в деревне ходил на лыжах. Заберемся далеко-далеко, снег слепит, кругом голо, пусто, холодно, и местность уже незнакомая, и дома ждут, беспокоятся, а все тянет еще... Ну еще десять шагов, еще сто... Глупо, боязно, ненужно, а идешь. И жутко и ах как славно. Почему так?

— Спроси у Плынова. Он специалист и с радостью покопается в твоих переживаниях.

— Наших, Миша, наших!

Теперь обрубленная тень вездехода бежала впереди них. Словно привязанная к колесам яма, словно черный провал без дна и стенок.

— Она действует мне на нервы, — наконец пожаловался Бааде. — И еще это противное мерцание...

Когда тень удлинилась, он вынужден был сдаться. Влево, вправо, опять налево, опять направо — так начался бег от тени.

Внезапно — механик даже притормозил — небосвод ко-

лыхнулся, как занавес, пошел складками. Звезды дрогнули, сбиваясь в кучи. Сгущения налились белесым светом, и, точно под его тяжестью, складки вдруг лопнули, бросив вниз жидкие ручьи сияния.

Перемена свершилась за несколько секунд.

— Полярное сияние? — спросил Шумерин.

— Похоже. — Бааде бросил взгляд на шкалы приборов. — Так оно и есть.

— На Земле оно, пожалуй, эффектней.

— Точно.

Бааде отвалился на спинку кресла и прикрыл глаза ладонью.

— Что с тобой? — встревожился Шумерин.

— Ерунда. Надо им дать отдохнуть от этой мельтешни... А ты пока любуйся.

— Было бы чем...

Он ждал игры красок, багровых сполохов, праздничного хоровода, но с неба по-прежнему лился молочный свет, холодный и ровный, как свечение газосветной трубки. От него на душе становилось неуютно и холодно, как ненастным утром, глядящим в окно неприбранной комнаты. «И никуда ты не уйдешь от земли, — подумалось Шумерину, — от ее воспоминаний, окрашивающих все и вся».

Сияние потихоньку меркло.

— Трогай, что ли, — вздохнул Шумерин.

И снова начался бег через жару, под черным небом, единоборство с тенью, сухостью губ, дрожанием света. Однообразие нагоняло сон, тем более что взгляду было утомительно бороться с призрачным движением воздуха, искажающим перспективу подобно неровному стеклу. Напрасно Шумерин стыдил себя: «Я же на Меркурии, все, что я вижу здесь, — впервые...» Физиология брала свое.

...Толчок, удар локтем, крик Бааде — сердце быстро за-

колотилось, как это бывает при резком переходе от полусна к тревоге.

— Там, там... — шептал Бааде.

— Что там? — зло спросил Шумерин, потирая локоть.

Бааде показал. Посреди спящей равнины стоял концертный рояль.

Шумерин замотал головой. Потом достал термос, набрал в ладонь воды и плеснул себе в лицо.

Рояль не исчез. Нестерпимо сверкали его лакированные бока, крышка была приподнята, клавиши словно ждали прикосновения пальцев.

— Он... появился сразу? — решился, наконец, спросить Шумерин.

— Нет, из пятна... Я думал, мне померещилось...

— Ну и...?

— Этого не может быть.

— Сам знаю! Но кто из нас сошел с ума: мы или Меркурий?

— Подъедем ближе...

— Только осторожно.

Шумерин ждал, что с приближением рояль исчезнет. Но ничего не происходило. Плыл горизонт, перед глазами мельтешило белесое марево, и в нем неизбежно стоял призрак рояля.

— Надо выйти, — сказал Бааде.

— А ты не боишься?

В ответ он услышал хмыканье.

Они вышли. Тотчас Шумерина потянуло назад. Черная пропасть неба над головой, огненный камень внизу, а посредине — то, чего быть не могло: концертный рояль. Шумерин прикусил губу и сделал шаг вперед.

И тут он отчетливо осознал, что зрение обмануло его. Рояль не был роялем, а лишь казался им. Но Шумерин так

и не понял, в чем же фальшь. Он протянул руку, заранее предвидя результат. Рука коснулась пустоты. Шумерин отдернул руку — не выдержали нервы.

— Проклятие! — крикнул Бааде.

По «роялю» прошло колебание, он дрогнул, подался назад. И исчез. На его месте по-прежнему пульсировал воздух.

Они долго молчали, не решаясь посмотреть друг на друга, боясь увидеть в глазах товарища страх.

— Надо сказать Полюнову, — отважился, наконец, Бааде. Шумерин замотал головой.

— Нет, нет... Сейчас он твердо решит, что мы...

— А потом? Потом он этого не подумает?

— Не знаю. Не знаю... Давай скорей на базу.

Вездеход помчался, бешено подпрыгивая на неровностях, чуть не взлетая с гребней и тяжело проваливаясь вниз.

Если бы они не так рвались вперед и не были бы так погружены в раздумье — а верней, в сумбур мыслей, — они, верно, заметили бы, что вокруг неладно. Они опомнились, лишь когда ослепительная, даже по контрасту с равниной, полоска стала охватывать машину. Она придвинулась, и уже нельзя было не заметить прозрачных на просвет языков огня.

— Ну... — только и смог сказать Шумерин.

Быстро и верно действовать можно, когда известно, против чего надо действовать. Но то, что происходило, было выше понимания капитана. Сжималось не просто кольцо опасности: сходилась круг непонятного, против которого опыт был бессилён. И Шумерин ждал, тупо глядя перед собой. Просто ждал, что же будет дальше?

Бааде было трудней вывести из равновесия. Он выключил двигатель, отдуваясь, вытер пот и с минуту вглядывался прищурясь.

— Кажется, мы влипли. Это лава, и она приближается к нам. Не слишком ли много неожиданностей зараз?

Шумерин встрепнулся.

— Лава? Ты уверен, что это лава?

— Я не слепой. Правда, в глазах у меня рябит, но это лава. Характерные вздутия, языки пламени, вон курится газ...

Шумерину вдруг стало легко и радостно. Настолько, что он чуть не рассмеялся. Действительно, лава, просто лава, всего только лава!

Предусмотрительный Бааде остановил вездеход на возвышенности, поэтому лава бурлила и лопалась пузырями на безопасном расстоянии. На секунду закралось сомнение: откуда она могла взяться? Нет, нет, чушь, пуганая ворона куста боится. Трещинное излияние, которое не раз наблюдалось на Меркурии. Обыкновенное, нормальное излияние расплавленного базальта. Как хорошо, когда все понятно!

Кое-где виднелись такие же островки. Но лава прибывала. Она могла подняться выше. А если и не поднимется, то сколько им придется ждать, пока она затвердеет? Во всяком случае, больше, чем они могли позволить. Ого, надо всерьез подумать, как быть.

— У нас есть шансы изжариться, — заметил Бааде, которому пришли те же мысли.

— Пустое, — теперь уже спокойно возразил Шумерин. — Вызовем Плынова, он прилетит и снимет нас. Места для реалета достаточно.

— Да, если лава не поднимется.

— Ты что, не знаешь Плынова? Он умудрится сесть на крышу вездехода. Вызови его.

Сквозь хрипы и треск сигналы пробивались с трудом. Видимо, это было следствием все той же электромагнитной бури, которая заставила небо полыхнуть сиянием. Упрямо,

с ювелирной точностью Шумерин настраивал волну. Бааде тем временем без особого удовольствия отметил, что лава все-таки поднимается. Ее поверхность кое-где пятнали красные островки остывающей коры, меж ними пробежали голубоватые огоньки.

— Красивое зрелище, — пробормотал он. — Что, связаться не удается?

Но тут отчетливо, будто Пологинов очутился в кабине, слышался вопрос:

— Сознавайтесь, черти, почему застряли?

Шумерин коротко объяснил.

— Понятно, понятно. Сейчас запусчу телезонд и немедленно вылечу.

Шумерин довольно подмигнул языками огня.

— Вот и все.

Он откровенно наслаждался ясностью ситуации. Такая опасность, как появление лавы, была ему по душе хотя бы уже потому, что загоняла в дальний угол памяти необъяснимую историю с роялем.

Сверкающей каплей ртути по небу прокатился телезонд. Снизился, замер над вездеходом.

— Послушайте, — донесся голос Пологинова, — лава еще не подступила к вам?

— Нет, места для реалета пока хватает, — удивленно ответил Шумерин. — А что, тебе плохо видно?

Ответ последовал не сразу. Пологинов явно медлил.

— Вот что, — сказал он наконец. — Не обращайтесь внимания на пустыки. Гоните машину сквозь лаву. Если только снаружи температура не будет повышаться.

Шумерин вдруг понял...

— Пологинов! — закричал он. — Что происходит с нами?

— Все в порядке. Смело езжайте, потому что...

Конец фразы утонул в громовом разряде.

— Я что-то перестаю соображать, — пробормотал Бааде. Его глаза растерянно искали поддержки. — Или мы... Или он...

— Неважно, включай!

Вездеход, покачиваясь, сполз. Шумерин ухватился за поручни, не отрывая взгляда от термолокатора. С приближением к раскаленной жидкости температура не повышалась...

Бааде выругался и прибавил скорости.

Гусеницы машины коснулись лавы, и она расступилась. Вездеход мчался посреди голубых факелов, и перед ним аккуратно раздвигался проход.

— Теперь, — подытожил Шумерин, — самое лучшее для нас — закрыть глаза и не открывать их до ракеты, что бы вокруг ни творилось.

По настоянию Шумерина иллюминатор был зашторен. Посреди уютного мирка, образованного четырьмя стенами, на столе пускал струйки пара кофейник.

Шумерин то вставал, то садился, отхлебывая кофе, обжигался, не глядя, ставил чашку обратно (вокруг уже образовалась лужица) и снова тянулся к кофе.

— Нет, Андрей, ты ответь прямо: мы... здоровы?

Полынов неторопливо размешивал сахар, медлительно набирал в ложечку кофе, осторожно дул на нее, сливал обратно, попробовав. Шумерин невольно следил за движениями психолога. Его руки, которые беспокойно рыскали по столу, хватая то солонку, то ложечку, легли, наконец, спокойно.

— Так-то лучше, — удовлетворенно кивнул Полынов, отодвигая чашку. — Что ж, я отвечу прямо: вы оба совершенно здоровы.

— Почему ты так уверен? — сказал угрюмо молчавший Бааде.

Он методично пил кофе, чашку за чашкой, не замечая ни количества выпитого, ни кофейной гущи.

— Во-первых, я не случайно настоял на проверке вашего здоровья перед отправлением в экспедицию. Немножко была повышена нервная возбудимость — и только. Сие вполне объясняется необычностью обстановки и неожиданным появлением вала.

— Какого вала? — не сразу понял Бааде.

— Того самого, который потом испарился.

— Ага! Я успел позабыть о нем.

— Напрасно. Во-вторых, моя убежденность основывается на том, что в ваше отсутствие я проверил и свое состояние.

— Как? — опешил Шумерин. — Ты тоже усомнился...

— Ни в чем я не усомнился, но порядок обязателен для всех. Наконец, третье, самое главное: все это был мираж, обыкновенный мираж.

— Я ждал, что ты скажешь именно это, — с неожиданным спокойствием заметил Шумерин. — Но, пожалуйста, не надо успокоительных пилюль. Скажи правду.

— Правду?! — Полынов не смог скрыть изумления. Но он тотчас овладел собой. — Хорошо, давай разберемся. Я не понял тебя.

— А я тебя.

— Все, что я говорил, — правда.

— А вал?

— Что вал?

— Ты считаешь его миражем?

— Да.

— Но показания приборов...

Полынов опустил взгляд.

— Ладно, — глухо сказал он. — Я виноват, вот моя голова, рубите. Никаких показаний не было. Я скрыл это. Иначе мне трудно было бы разобраться в состоянии вашей пси-

хики, картину осложнили бы сильные эмоции. А мне надо было знать точно — галлюцинации это или мираж.

Бааде неожиданно махнул рукой — мол, все равно безнадежно, не разберетесь — и поудобней устроился в кресле. Непредвиденным последствием этого жеста было то, что и капитан и психолог рассмеялись. И всем как-то сразу стало легче.

— Твой поступок сейчас меня мало волнует. Сейчас, — капитан выразительно посмотрел на Пологинова. — Пока. Скажи лучше вот что: лава — это тоже мираж?

— Когда я сравнил ваше описание обстановки с тем, что увидел на телеэкране, я не мог не заметить некоторой разницы. Я отчетливо видел, как лава затопила гусеницы вездехода, чего, по вашим словам, в действительности не было. Отсюда — простейшее умозаключение.

— Ах, вот как, простейшее! — Шумерин не мог сдержать раздражения. — Но, насколько я знаю, мираж, пусть даже меркурианский, есть переброшенное через пространство изображение реально существующих предметов. Я ошибаюсь?

— Нет. Добавь только, что это изображение не всегда можно отличить от действительности.

— Тогда откуда, черт побери, на этой дикой планете мог появиться рояль?!

— Какой рояль?

Шумерин объяснил. Пологинов приложил неимоверное усилие, чтобы хотя бы внешне остаться спокойным.

— Все? — спросил он, когда Шумерин умолк.

— Все...

— Почему ты сразу не сказал мне об этом?

— Ты сам настоящий: потом, потом, сначала отдохнем, выпьем кофе... Я догадываюсь, к чему все эти психологические штучки, но, право, сейчас они излишни.

Шумерин говорил сдержанно, но голос его дрожал. Тогда вместо ответа Пологинов закрыл глаза, развел пальцы и вслепую вновь свел их. Они сошлись точно. Шумерина затрясло. Пологинов бросил на него быстрый взгляд.

— Тебе хочется стукнуть кулаком по столу; ты того... не сдерживайся.

Кулак грохнул по столу. Подпрыгнули чашки, плеская кофе.

— Ну, теперь можно продолжить разговор, — сказал Пологинов. — Ведь полегчало, не так ли?

— Друзья, мы перестали быть такими, какими были раньше, вот что я вам замечу, — вдруг подал голос Бааде.

— Да, ты прав, — Пологинов потер лоб, — мы изменились. Любопытная планетка — этот Меркурий... Ничего, разберемся. Нет, рояль миражем, конечно, не был. Это очень похоже на галлюцинацию.

— Так я и знал! — воскликнул Шумерин.

— Почему-то именно здоровые люди болезненней всего воспринимают это слово, — холодно ответил психолог. — Между тем галлюцинации бывают у самого что ни на есть нормального человека, необычность обстановки, нервность — готово.

— Это точно?

— Ручаюсь.

— Даже рояль?

— Хоть Эйфелева башня.

— Сразу у двоих?

— Это уже более редкий случай. Но пейзаж Меркурия не просто диковинный, это исключительный пейзаж. Так что ничего страшного и в этом факте я не нахожу. Мой окончательный вывод таков: рояль — бесспорно галлюцинация. Остальное — или галлюцинация, или мираж. Скорее последнее.

— Так что же нам теперь делать? Ведь мы и шагу теперь не сможем ступить, не рискуя получить оплеуху от какого-нибудь призрака собственного воображения?

— Ну, против галлюцинаций есть очень простое средство.

— Какое же?

— Надавить пальцем на глаз. Реальные предметы раздвоятся. Галлюцинация — нет.

— Надавить пальцем на глаз... Совсем просто. Через шлем давить или как?

— Да-а... Этого я не учел. Это осложняет. Такой пустяк и...

— Я же говорил.

— Беспокоиться все равно нечего. У нас есть аретрин. Еще не было случая, чтобы он не снимал галлюцинации. Моя ошибка, что не дал его вам перед поездкой.

— И это не первая твоя ошибка.

Полынов ничего не мог возразить. Про себя он подумал, что даже не может толком объяснить, почему он поступил так, а не иначе. Это угнетало больше всего.

— Бааде, а ты что думаешь? — спросил Шумерин.

— Я? Я не думаю, я молчу. Всякие там галлюцинации, психические кризисы относятся к той потусторонней области, в которой порядочному инженеру делать нечего. Наука лишь то, что подвластно числу и мере. А в субъективном хозяйстве нашего друга нет даже единиц измерения — каких-нибудь там чувств ампер или волиметров...

Полынов засмеялся.

— Ладно, Генрих, я это тебе еще припомню! Тем более что все это — устарелые представления. Но ты вот что мне скажи: мираж тоже потустороннее явление?

— Нет, почему же, мираж — чистая физика. В сущности, это объемная передача изображения на сотни, иногда

тысячи километров, когда в атмосфере образуется своеобразная оптическая система, характеризующаяся...

— Но в разреженной меркурианской атмосфере...

— Поведение такой оптической системы в сильно разреженном воздухе, к сожалению, малоисследованная область. Однако известно, что дальние миражи трансформируются именно через разреженные слои атмосферы. Кроме того, доказана принципиальная возможность миражей иного типа...

Полынов остановил его.

— Короче, меня интересует: над миражами — близкими, далекими, оптическими или там еще какими-нибудь — властвуют число и мера?

— Конечно, я продвину некоторые трудности, но...

— Можно отличить мираж от не миража?

— В принципе, да.

— Это я и хотел услышать. Вот план проверки. Мы вновь отправляемся на разведку. Я и Бааде. Аретрином я заранее снимаю всякую возможность галлюцинаций. Если нам и тогда встретится что-то необычное, Бааде возьмет свои числа и меры... И все станет ясным.

— Ясность — какое замечательное слово! — Шумерин налил себе кофе. — План действительно прост: или — или, а третьего не дано. Только...

— Что — только? — ревниво переспросил Полынов.

— Нет, ничего. Твое мнение, Генрих?

Бааде важно кивнул.

— Как ни странно для врача, Полынов мыслит как физик.

У инженера это было высшей похвалой. Психолог поклонился.

— Тогда решено, — сказал Шумерин.

— Но прежде, — Полынов повысил голос, — еще раз проверим свое состояние.

Оставшись наедине, Плынов оценивающе оглядел стол — стопка книг, гамма-микроскоп, игрушечный Буратино, — схватил блокнот и с силой запустил его в угол. Трепеща страницами, блокнот описал широкую дугу и шлепнулся о стену.

Испытанное средство (гневу надо давать безобидную разрядку) помогло. Плынов сел, поправил рефлектор, чтобы конус света падал на свободную часть стола, сосредоточил на ней взгляд и прежде всего постарался вспомнить, где, когда, при каких обстоятельствах он делал несколько ошибок подряд. Память услужливо подсказала: после быстрого перехода из привычной спокойной обстановки в незнакомую, бурную. Самоочевидность вывода что-то объясняла, но не успокаивала, нет. Он знал об этой особенности человеческой психики, знал давно. И уже много лет назад разработал для себя безотказный, как он до сих пор считал, рефлекс страховки — целую серию умственных упражнений, которые обязаны были подготовить его к любым потрясениям. Но испытанная система не помогла — почему? Две ошибки подряд, совершенно непростительные для психолога! Только ли потому, что переход был слишком резким и обстановка чересчур новой?

Докопаться до истины никак не удавалось — вот это злило и раздражало. Оставалось загнать эти размышления в подсознание и заняться совсем другим делом. Тогда, быть может, ответ рано или поздно постучится сам. В старину такой случай назывался озарением.

Но отвлечься чем-то совсем посторонним времени не было. Что ж, полумера так полумера.

Плынов прошел в аппаратную и, не зажигая света, щелкнул кнопкой. В темноте призрачно засиял желтый шар психомодели. Плынов склонился над ним. Для непосвященного объем шара представлял головоломкой сотканых из

света римановых плоскостей, цветных узоров, усеянных голубоватыми звездочками; все лежало внутри пульсирующих сфер. Видимого порядка в этом сплетении не было, но для Плынова модель душевного состояния его друзей и его самого была открытой книгой. Не глядя, на ощупь, он набрал на диске нужное сочетание сигналов, и в желтоватой прозрачности шара шевельнулись три тонкие, как нерв, кривые. Он подвел их ближе к сетчатой, изогнутой парусом поверхности.

— Галлюцинаторные кривые в норме, — пробормотал он, регулируя яркость. — У Бааде она вообще вне всякой критики. Попробуем внести аретрин.

Как и ожидалось, после посылки нового сигнала кривые опали и почти погасли.

— Попробуем так...

И он обрушил на модель ливень потрясений. Опасности, неожиданности, в которых было все — блеск молнии, порыв урагана, прыжок тигра из зарослей, зловещий бег цунами, — сотрясали шар. В нем закружилась метель голубых звезд, подстегиваемая прыжками кривых; столкновение двух звездочек рождало фонтанирующую вспышку; там же, где друг с другом соприкасались кривые, по ним, как по нити электрической лампочки, пробежал ослепительный разряд. Отчаяние, смелость, растерянность — весь спектр чувств в доли секунды пробежал перед глазами психолога, вызывая в модели лавинные сдвиги состояния, сотрясая самые основы духовного мира тех, чьи мысли, чувства, воля, желания были запрограммированы в этом хаосе огоньков. Покорная приказу Плынова, там разыгрывалась страшная игра: все беды, какими только богата природа Земли, обрушивались на голсу людей, от душевной стойкости которых зависело сейчас покорение Меркурия.

Плынов не раз думал, каким жестоким оружием могла

бы стать эта, пусть не вполне совершенная и точная модель в руках интригана, завистника, демагога или фанатика. Она наделила бы его безмерной властью, знанием того, как поведет себя жертва в той или иной ситуации. Он сам пользовался психомоделью лишь тогда, когда не оставалось другого выхода. Не из-за ложной скромности, чуждой врачу, а из-за простой человеческой неловкости, которую он испытывал всякий раз, следя за поведением шара. Той неловкости и деликатности, которая категоричней любых запретов не позволяет честному человеку подглядывать в замочную скважину. И еще всякий раз Польшов охватывала робость: его пугала возможность вот так издали, свысока наблюдать тайное тайн чужой жизни, расчлененное и препарированное по всем правилам математики. Было в этом что-то нескромное и кощунственное.

Польшов остановил сумятицу сигналов. Все замерло в шаре, лишь некоторые звездочки еще трепетали, как биение взволнованного сердца. Польшов приблизил лицо. Свет, льющийся из шара, грубо подчеркнул хмурые морщины лба, плотно сжатые губы. В расширенных зрачках дрожали огоньки.

— Уф! — Морщины на лбу разгладились. Польшов с облегчением вздохнул. Нет, если верить шару, самые свирепые бури по-прежнему не властны над ним и его друзьями. Но почему же тогда...

Теперь он попытался смоделировать ситуацию, в которой они оказались все трое, когда появился вал, и ситуацию, в которой очутились Шумерин и Бааде. Состояние психики вначале он задал самое что ни на есть благоприятное. Затем он повторил опыт, немного расстроив систему.

Результаты удивили его своей противоречивостью. В общих чертах все совпадало — то, что было в действительности, и то, что моделировал шар. Но только в общих чер-

тах. И в первом и во втором случаях модель отказалась повторить некоторые поступки, которые на самом деле люди совершали. Так, она упрямо не хотела воспроизводить его, Полюнова, ошибки. Она не давала слепящему безмолвию равнины загипнотизировать людей так, как это было с Шумериным и Бааде. Вообще смещения модели гораздо больше управляла логика, в них сильней, чем это было в действительности, проступал момент критического анализа совершаемых поступков.

Этому могло быть два объяснения. Первое — несовершенство модели. Второе — ей заданы были не все внешние раздражители. Последнее, впрочем, требовало уточнения: абсолютно все воздействия нельзя было задать никакими способами. Но благодаря компенсатору отсутствие некоторых второстепенных факторов не могло существенно отразиться на поведении модели. Лишь бы учитывались главные.

— Неужели я забыл что-то... — пробормотал Полюнов.

Он вновь повторил опыт, на этот раз очень тщательно проверяя вводимые данные. Тот же результат!

Тупик. Если что-то существенное было опущено, то оно могло скрываться лишь в особенностях меркурианской обстановки. Значит, найти его мог только человек.

Полюнов выключил установку.

«Может быть, — подумал он, — все дело в неучтенном воздействии на мозг электромагнитных полей Меркурия?»

Он уже было потянулся задать этот вопрос машине, но вовремя остановился. Бесполезно. Все, что можно было просчитать, уже просчитано. На Земле. Вся экранировка скафандров, вездеходов основана на этих расчетах. Нет, нет, дорогой друг, ты уже начинаешь метаться. Нельзя так. Прежде всего постепенность. Мираж или галлюцинации —

вот что нужно установить. А вдруг не то и не другое? Тогда как? Тогда трудно, очень трудно.

Но хватит размышлений. Спать, спать — и побыстрей.

Через десять минут Полюнов уже спал.

Ему приснился странный сон, который, однако, при всей свсей внешней нелепости как-то перекликался с явью.

Он очутился посреди равнины, поросшей белой травой. Один.

Над горизонтом висело солнце, такое же огромное, как на Меркурии, но негреющее. Воздух тоже светился беле-сым фосфорическим светом; и Полюнов как будто знал, что трава потому и бела, что ее обесцветил воздух. Все же он ни на секунду не сомневался, что он на Земле, а не на Меркурии. Он знал также, что его ждет встреча с кем-то или с чем-то и встреча неприятная. Он не знал, где она произойдет и когда, и хотел уйти, чтобы ее избежать. Ему почему-то казалось, что для этого надо избегать теней, непроницаемых черных теней, которые ширились, хотя предметов, которые могли бы их отбрасывать, не было. Впрочем, и это его не удивляло, так оно и должно было быть — крадущиеся тени на голой земле.

Он ускорил шаг (бежать не позволяла гордость), но как ни быстро он шел, ноги несли его не прочь от теней, а наоборот, к теням, которые вырастали на глазах и вставали по бокам гладкими стенами. И это напоминало бег по лабиринту, по суживающемуся лабиринту, по лабиринту, готовому замкнуться, если бы не солнце, которое не давало теням сойтись и с отчетливой резкостью высвечивало каждую травинку. Он шел вперед, шел с мрачной решимостью, и светящийся воздух вокруг понемногу собирался в складки над головой, прозрачные вуалевые складки, которые опада-

ли все ниже и ниже, словно кто-то набрасывал сети. За пологом складок исчезло солнце, и только тени стояли по бокам; их изгиб указывал, что сейчас будет поворот.

Он покорно свернул, и воздух над ним стал материей, парусиновым тентом шатровой палатки. Тени исчезли. Сквозь парусину пробивались лучи солнца, образуя на покатоности радужный круг. Посреди палатки — она находилась в ущелье, он этого не видел, но ощущал — стоял складной походный столик, заваленный рулонами кальки и ватмана. За столом сидел человек в выгоревшей старомодной ковбойке, с темным, круглым, морщинистым лицом, держал в руке пиалу, дымящуюся чаем, и пощипывал редкую бородку.

— Вот вы и пришли, Пологинов, — сказал человек. И Пологинов узнал в нем своего старого учителя биологии, но радости не испытал, скорее наоборот, потому что в немигающих глазах старика не было зрачков. Пологинов послушно повиновался движению, которым тот показал ему на складной стул, сел напротив учителя и стал ждать.

— Вы долго избегали экзамена, — сказал старик.

— Я был очень занят...

— Знаю. Люди все больше и больше становятся занятыми, и у них совсем не остается времени думать. Тем более нужен экзамен. Ну, ничего, Меркурий привел вас. Итак, первый вопрос: что есть небо?

— Небо? Это, это... масса воздуха, которая окружает...

— Думайте, Пологинов, думайте. Самые сложные вещи — самые простые вещи. Меркурий тоже окружает воздух, но есть ли там небо?

Пологинов вдруг почувствовал себя студентом, который забыл шпаргалку.

— Другой бы билетик, — попросил он.

Учитель нахмурился и с состраданием взглянул на Пологи-

нова. Рулон миллиметровки зашуршал, из него выползла змея, черная как уголь, изогнулась вопросительным знаком. Ее агатовые, вбирающие свет глаза, смотрели мимо Плынова. Учитель погладил змею. И только тут Плынов заметил на змеиной коже рисунок — непонятные математические символы образовывали формулы, странно знакомые, однако он не мог вспомнить, что они обозначают.

— Вот другой билет.

Старик протянул листок бумаги. Плынов взял его. Листок был пуст.

— Здесь ничего не написано...

В ответ он услышал клекочущий старческий смех.

— Ха, ха, ха... Это будущее, Плынов, будущее! Его надо уметь прочесть, надо уметь... Ладно, я вам помогу.

Он ткнул пальцем в листок. «Чем отличается земля от не земли?» — с ужасом увидел Плынов.

— Земля от не земли... отличается тем, что... Но это же вопрос не по специальности! Из высшей математики бы что-нибудь.

— Специалистов нет, — строго поправил экзаменатор. — Есть люди и есть машины, понятно? — Змея согласно покачала головой. — К какому классу разума вы принадлежите?

— Не знаю...

— Плохо, очень плохо. А все гипноз математики. Хорошо, пусть будет вопрос по специальности: где возник человек?

— Согласно последним теориям, — радостно воскликнул Плынов, — центров возникновения человека несколько! В Африке...

Змея тихо зашипела. Строй математических символов на ее коже изменился.

— Ах, Плынов, Плынов, лучший мой ученик! — горестно всплеснул руками экзаменатор, покачивая головой, как

маятник. — Вы совсем не думаете, совсем. И вы забыли дома шпаргалку! («Откуда он знает?» — спросил себя Польшов.) Человек возник на Земле, понимаете? На Земле! Теперь еще вопрос: зачем утро? Что такое ностальгия? О чем свидетельствует мираж? Почему обезьяны не видят инфракрасных лучей?

Он сыпал и сыпал вопросами, рот его ширился зияющим провалом, вот уже провал занял пол-лица...

— Знаю, знаю! — закричал Польшов, только затем, чтобы остановить ужасное превращение.

С этим криком он и проснулся.

Теперь Бааде ни на минуту не упускал из виду шкалы приборов, следящих за внешними условиями. Это не мешало ему умело лавировать между тенями, которые множились и ширились по мере приближения к сумеречной зоне планеты. Польшов думал, что поступать так инженера заставляет предательская неразличимость предметов в тенях. Но вскоре он убедился, что не только это.

Местность все более походила на горное плато. Почву испещряли борозды, словно кто-то поработал исполинскими граблями. Камни, уже не гладкие, не лакированные «пустынным загаром», а растрескавшиеся, угловатые, потряхивали вездеход, и путешественники покорно подпрыгивали в своей металлической скорлупке. Даже скафандр переставал быть удобной одеждой, ибо при сильных толчках в нем обнаруживались какие-то острые углы, о существовании которых они раньше не подозревали. Молочные жилы кварца, похожие на брызги белил, еще более увеличивали сходство окружающего с каким-то вполне земным нагорьем. Если бы не близкий, круто падающий горизонт, если бы не фосфоресцирующая, деформирующая скалы мгла вокруг,

если бы не мохнатое солнце за спиной, иллюзия была бы полной.

— Миша был бы разочарован, — заметил Бааде, — почти земля. А, черт (вездеход сильно трянуло)! — не заметил ямки... Сплошное предательство теней...

— По-моему, не только теней...

— Да, тут очень трудно соразмерить расстояние.

Вездеход приблизился к границе темного пространства, в которое причудливо вдавались языки света. Последние лучи солнца били из-за горизонта, как прожекторы. Они упирались в ночь, самую странную ночь, которую когда-либо видели Плынов и Бааде: она высилась стеной черного стекла, за которой, однако, не было тьмы. Там что-то тлело, что-то пульсировало клубами зеленоватого дыма.

— Сейчас я покажу тебе фокус, — подмигнул Бааде, притормаживая машину.

Он откинул дверцу ящичка, покопался, вынул провод с лампочкой, приладил концы провода к клеммам. Плынов заметил, что в миниатюрной лампочке пряталась толстая, рассчитанная на большое напряжение спираль.

— Гляди, — предупредил Бааде.

Мотор взревел, машина дернулась, и в тот миг, когда она проскакивала рубеж света и тени, лампочка ярко вспыхнула в наступившей вдруг темноте. И тотчас погасла.

— Это что еще такое? — Плынов старался не выдать удивления.

— О, инженерное предвидение, не более! — смехом добродушного медведя пророкотал Бааде. — Свет есть, темнота есть — где? На границе огромного перепада температур. Термопара, не так ли? И вблизи электромагнитный генератор — Солнце, верно? Четыре действия арифметики в уме, и я подбираю лампочку, подключаю ее к корпусу и

машиной замыкаю контакт, чтобы позабавить тебя видом короткого замыкания. Меркурианского замыкания!

Полынов с уважением оглядел стенки тесной кабины. Вроде бы мягкая обшивка, только и всего, но сколько же в нее вложено труда и ухищрений, чтобы она выдерживала и жару, и холод, и радиацию, и электризацию, оставаясь при этом удобной, незаметной.

— Так-то,—с удовлетворением отметил Бааде, перехватывая взгляд. — Мы-то все предусмотрели заранее. Непробиваемая броня! — Он стукнул кулаком по обшивке.

— Дважды два — четыре и никаких гвоздей...

— Что?

— Так, к слову. Следи лучше за дорогой, а то еще врежешься во что-нибудь... нерасчетное.

Вездеход плыл в темноте, фарами высверливая в ней тоннель. И все же темноты как таковой не было. Скорей она походила на мрак, пронизанный излучением мощных ультрафиолетовых ламп, свет которых не столько виден глазу, сколько чувствуется им. Прозрачная и вместе с тем мутная чернота, в которой взгляд напряженно ищет зримый образ, ибо чует его присутствие, но находит лишь утомление и разочаровывается в своей способности правильно осведомлять мозг о происходящем.

Нечто подобное Полынов и ожидал встретить. Но чем больше он вглядывался в темноту, чем пристальней всматривался в дорожку света, бегущую перед машиной, тем больше недоумевал. Все было похоже и, однако, совсем не так, как если бы они ехали по земле. И скалы не совсем те, и темнота не совсем та, и свет не совсем тот. Но разница, в чем разница? Полынов отчаянно пытался выразить словами это различие, но безуспешно. В окружающем определенно были черты правдоподобного неправдоподобия, видимого сходства и ощущаемого отличия. Как во сне. «Да, да,

именно во сне! — обрадовался психолог. — Когда краски, форма, цвет будто сыплются меж пальцев и невозможно удержаться на грани реального. Благодатная почва для возникновения галлюцинаций, что и говорить. Ну, ничего. В любом случае у нас есть приборы, они-то уж не подведут».

Он глянул через плечо Бааде на экран телелокатора. Облизал внезапно пересохшие губы. Мир на экране тоже выглядел чуть-чуть зыбким и нереальным!

— Не очень-то хорошее изображение, — заметил он.

— Есть грех, — кивнул Бааде. — Локатор настраивали на Луне, учитывая данные о Меркурии, сообщенные АМС, но немножко тумана осталось. Тут ведь проблема не только в том, чтобы устранить помехи, а и в том, чтобы изображение оставалось привычным для глаза.

— Тут есть какое-нибудь противоречие?

— Еще какое! Наш глаз, к сожалению, несовершенный инструмент. Помню, я участвовал в разработке новой системы цветного телевидения. Нам пришлось — чтобы цвет выглядел совершенно натуральным — применить «мигающую передачу». В то время мы уже отказались от электронного луча, да... Цвет получился бесподобным, но многие стали жаловаться: нерезко. Хотя никакой нерезкости и в помине не было! Что же ты думаешь? Пришлось переделывать, идти на компромисс. Цвет стал хуже, зато на нерезкость уже никто не жаловался.

— Значит, найти точное соответствие действительности...

— Что значит «точное»? Для кого точное? Пожалуйста, мы могли создать телезисор, передающий все так же, как видит пчела. И пчелы не смогли бы отличить цветок на экране от цветка на лугу. Но человек вряд ли был бы доволен такой передачей... Если хочешь знать, это очень серьезная проблема: как пропустить все ширящийся океан информации через каналы человеческого восприятия.

— Как-то не замечал здесь больших трудностей...

— Хм! Представь себе, что все «органы чувств» корабля подключены к органам чувств человека. Все эти радиотелескопы, просто телескопы, нейтриноаппараты, счетчики электронов, счетчики мезонов, датчики магнитных полей, датчики гравитационных полей и так далее и тому подобное, все эти сотни, тысячи приборов. Что бы тут было с человеком, а?

— Он бы и секунды не выдержал.

— Не сомневаюсь. Вот почему от приборов мы получаем не все сведения об окружающем мире, а только главные.

— А кто определяет, какие сведения в тех или иных условиях главные, а какие нет? Люди?

— Конечно.

— Так.

Впереди, в сзерлящем свете фар появилось белое пятно. Затем оно превратилось в дорожку, усыпанную снегом, дорожку, которую ограждал мрак и которую поворот руля след за лучами фар бросал то влево, то вправо.

— Замерзшие газы, — сказал Бааде.

В воздухе закружились снежинки, взбитые гусеницами. Дорога шла под уклон.

— Кстати, Генрих... Перед тем, как увидеть там, в пустыне, концертный рояль, ты не думал о нем?

— Конечно, нет! Может быть, Шумерин?

— Нет, я его спрашивал.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Пока ничего.

Размышляя, следя за окружающим, Полинов непрестанно искал аналогии тем чувствам, которые возбуждал пейзаж Меркурия. Они пришли не сразу, и поначалу он их отверг, но вскоре опять вернулся к ним. Он вспомнил, какое первое чувство вызвал в нем вид зала термоядерной электростанции. Чувство растерянности: он никак не мог объединить

увиденное в целостную картину. Он видел ее всю целиком и в то же время не видел. Впечатление дробилось, потому что внимание останавливалось и закреплялось лишь на привычном. Как бы он описал тогда зал термоэлектростанции? «Беспрерывное мигание огоньков, фантастическое переплетение каких-то спиралей, шахматная разлиновка пола...» И так далее, все в том же духе. Это потому, что он не знал назначения всего того, что его окружает. И еще: инженер уверенно, скорым шагом вел его загадочными переплетениями, по узким проходам, каким-то мостикам, а он едва поспевал, все время стараясь держаться середины прохода, спотыкался и при всей своей осторожности налетал на какие-то углы. «Все точно, — подумал Плынов. — Так же вели себя и другие новички».

И еще воспоминание: выходя из здания, он шагает вроде бы в пустоту и внезапно получает сильный удар от стеклянной двери, которую он не заметил.

«Снежная дорога» оборвалась. Ее обрезала каменная гряда. За ней что-то блестело, будто зеркало.

— Осторожней, — предупредил Плынов.

Но Бааде и без того сбавил ход.

Поворот, еще поворот, — им открылась смоляно-черная гладь озера. Противоположный берег нависал козырьками скал, ближний полого подходил к неподвижной жидкости, слабо курившейся туманом.

— Это как понимать? — спросил Плынов.

— Так, как показывает термолекатор. А он показывает, что температура почвы повысилась. Видимо, местный разогрев, растопивший газы. Но я хочу предупредить, — Бааде повысил голос, — я хочу предупредить, что сейчас, возможно, начнутся кое-какие пиротехнические эффекты.

— Какие же?

— Не знаю. Но видишь, стрелка индикатора метнулась.

Очевидно, на Солнце произошла мощная вспышка, и теперь нас ждет электромагнитная буря.

— Она чем-нибудь грозит нам?

— Чем она может нам грозить, интересно? Эта возможность, мой друг, просчитана. Боюсь только, что зрелище не будет слишком эффектным. Там, в пустыне, оно выглядело жидковато. Замечаешь? Вокруг что-то затевается. Я думаю, имеет смысл здесь сделать остановку, благо озеро все равно требует исследования.

Бааде был прав: что-то менялось. Серия неуловимых переходов, которые воспринимаются скорее чувством, чем разумом, подобно тем предвестникам, которые на Земле предупреждают о первом порыве грозы тогда, когда воздух еще тих и спокоен. Темнота словно линяла; в ней обнаружился подслон, который просвечивал сквозь нее, как подкладка сквозь посекающую ткань. Иногда из глубин темноты выплывали какие-то клубы черней самой черноты, но они быстро таяли, уступая место полусвету.

Так длилось приготовление. Но сам покров ночи был сброшен сразу! Полюнов и Бааде дружно ахнули: с неба летели холодные и беззвучные молнии. Озеро мигало ответными вспышками. Все осветилось, тени уничтожились. Вершины скал полыхали голубоватым призрачным сиянием, которое трепетало, будто раздуваемое ветром.

Над озером прыжком вдруг выгнулась зеленоватая дуга. Она повисела, смыкаясь с собственным отражением в озере; по ней прошел ток пульсаций. И с каждой пульсацией она словно накалялась — все сильнее, сильнее, пока не рассыпалась искрами, затопив все окрест мятущимися бликами. Из призрачных глыб льда, нависших над озером, брызнула радуга.

— Ого-го! — закричал Бааде, подпрыгивая на сиденье. Инженер был неузнаваем. — Стоило лететь, черт побери!

Психолог согласно кивнул.

Бааде быстро и смиренно глянул на Пологинова.

— Андрияша, — сказал он умоляюще, — опасности никакой. Я выйду, пожалуй, а?

— Ты думаешь, мне не хочется?

Они вышли. И попали в круг хоровода разноцветных холодных огней. Они кружились над ними, как светляки.

— Ей-ей, это так красиво, что я сейчас тоже пушусь в пляс, — пообещал Бааде.

И не было конца блеску бесшумных молний, парению радуг, миганию отсветов в озере — всему этому пышному и бестолковому празднику Меркурия. Впервые планета не выглядела чужой и враждебной, и потому людям не хотелось замечать времени и не хотелось думать, что великолепие когда-нибудь кончится.

Но фейерверк постепенно гас. Со дна атмосферы поднималась муть. Плотный чад гаснущих огней обволакивал все.

— Представление окончено, — сказал Бааде, и эти трафаретные слова уже не могли показаться кощунством. — Пора и за дело.

— Ты не очень-то копайся, — откликнулся Пологинов.

— Тебе что-нибудь не нравится?

— Да. Мгла падает сверху.

— Хм... не все ли равно, откуда она падает.

— Возможно. Но мне почему-то не нравится.

— Чувства, эмоции, подсознательные комплексы... — про бурчал Бааде. — Наступит темнота, вот что будет. Так что стой возле машины, чтобы быстренько включить свет. А я пойду.

Пологинов был не совсем прав, утверждая, что мгла падает сверху. Она надвигалась отовсюду и ниоткуда конкретно; любая молекула воздуха, казалось, была ее центром. Темнота боролась со светом так, как иной раз зло борется с доб-

ром, — принимая его обличие, его оболочку. Но внимание Плынова по ассоциации с давними видениями сна было обращено лишь на зримое движение волн тьмы — глухой накат ночи, суживающий вокруг пространство.

От наблюдений его отвлек голос Бааде.

— Слушай, здесь мелко, и я, пожалуй, немного залезу, так сказать, искупаться.

Его шлем маячил в расщелине.

— Генрих, да ты что?!

— Так ведь безопасно! Мелко, я промерил. Чистая вода, так и ждешь, что выплывет золотая рыбка... Нет, ты пойми: искупаться в меркурианском озере!!! Каково? Ну, подойди для страховки с тросом, что ли...

Плынов подбежал к краю нависшей над озером плиты. Бааде сидел на корточках, водя рукавицей по «воде» и глядя на медленно и неохотно разбегающиеся круги. Рядом валялся пробоотборник, жалобно мигая контрольной лампочкой. Сквозь густую маслянистую жидкость просвечивали мелкие камешки на дне. Плынов понял, что противиться желанию Бааде было бы слишком жестоко. «Мальчишка, из щегольства заковавший себя в доспехи формул, — с нежностью подумал психолог. — Взрослый мальчишка...» Впрочем, он, видимо, прав: реальной опасности нет. А искупаться — заманчиво...

— Подожди, — сказал он, включая на всякий случай проекторы вездехода. Он достал трос и кинул конец Бааде. — Обвяжись.

Бааде шагнул в озеро навстречу своему отражению, искаженному всплеском.

— Ух! Да тут еще мельче, чем я думал... Ну да: это же не вода, другой показатель преломления...

Внушительная глыба металла — так Бааде выглядел в скафандре — медленно входила в озеро. Присела, шлепнула

ладонями, окунулась. Человек купался в смеси благородных газов, купался там, где никогда не было и не будет солнца. Инженер громко фыркал от удовольствия. Поднятые им волночки с тихим шелестом набегали на берег. Кругом медленно темнело.

То, что они проделывали, не лезло ни в какие инструкции, то было чудовищным нарушением всех правил и предписаний. Но Полинов по собственному опыту, по опыту многих экспедиций знал: ничто так не запоминается праздником, ничто так не сближает человека с природой, ничто так не поднимает настроение, как вот такие незапланированные, пожалуй, даже запретные развлечения. Их прелесть и польза именно в том, что этого не ждешь, оно приходит как подарок, возникает как оазис в разграфленной пустыне обязанностей и дел. Бааде знал это не хуже. Он ворочался в озере, плескался, будто исполнял какой-то танец.

— Пожалуй, хватит, — поколебавшись, сказал, наконец, Полинов.

Инженер послушно вылез, отряхнулся.

— Ну, славно.

Полинова тоже подмывало окунуться. Но он сдержался: дважды испытывать судьбу не стоит. И все же он почувствовал, как после купания друга в его душе словно спали какие-то тормоза.

Меж тем противоположный берег помутнел и словно приблизился, повис над озером. Ночь, однако, все еще медлила. Посоветовавшись, космонавты решили, что они могут успеть осмотреть окрестности озера. Тем более, что этого все равно требовала программа: нельзя свыкнуться с местностью, наблюдая ее сквозь стекло машины. Для этого нужно ходить пешком, обязательно пешком.

Полинов брел, просто брел, разглядывая берег, носком переворачивая камни. Камни как камни, такие же, как вез-

де: базальт, габбро с полупрозрачными включениями оливина. Если бы не светящийся и темный — одновременно! — туман, смущающий своей непохожестью на земные туманы, можно было бы, пожалуй, вообразить, что наконец-то достигну соответствие между тем, что видится, и тем, что есть на самом деле. Но соответствия все же не было. Между глазами и предметами постоянно что-то находилось. Что-то неуловимое и бестелесное, а потому особенно раздражающее. Кое-что было в нем от мутности стекла. И от прозрачности лесного озера тоже. А иногда невидимое препятствие искажало очертания так, как искажает волнистое стекло. Но никак не удавалось скорректировать поправку на все эти искажения. И чем пристальней Полюнов вглядывался, тем менее ему удавалась такая коррекция. С досады он попытался поддеть очередной камень, нога прошла мимо. Второй удар пришелся так неточно, что он болью отозвался в пальцах. Теперь сомнений не было: он и окружающее чем-то противоречат друг другу. И это противоречие кроется одинаково и в нем самом и в Меркурии.

«Пожалуй, все гораздо сложнее, чем просто мираж, просто галлюцинация, — подумал он. — Но будь я проклят, я не могу подобрать название тому, что все время, кроме редких исключений, стоит между мною и этой странной планетой. Не на что опереться; я не могу подобрать этому земного подобия; все, все ассоциации оказываются неточными или обманчивыми. Что же делать и надо ли что-нибудь делать вообще?»

До него донеслось бормотание Бааде.

— Так, так, плита, отполированная до зеркальности... Похоже на вулканическое стекло... Нет, что-то другое.

Психолог вскинул голову. Медвежья фигура Бааде выглядела неясным силуэтом, как на недопроявленном снимке. И она колыхалась, словно от ряби, готовая вот-вот растаять

в волнах загадочной светотьмы. Затем Бааде сделал шаг. И тотчас психологу захотелось протереть глаза, потому что вслед за этим шагом Бааде исчез. Совсем, как будто его и не было.

Глухой вскрик, звук удара, передавшийся по почве, сорвал Плынова с места. Он взбежал на плиту, где только что стоял инженер и откуда он шагнул; лишь инстинкт заставил его не повторить этого шага. У ног лежала полупрозрачная плита, слабо поблескивающая, как запотевшее зеркало. Сквозь небо проступало что-то темное. Бааде нигде не было.

— Генрих, Генрих! — закричал Плынов.

— Здесь я... — донеслось из-под плиты. — Жив, скафандр цел, нога только...

— Тебя засыпало?

— Как бы не так! Бросай веревку, бросай сквозь плиту, плиты нет.

До Плынова не в миг дошел смысл сказанного. Как это нет плиты, когда она есть? И внезапно он понял: то самое противоречие! Обман, обретшая плоть призрачность, которая постоянно стояла между ними и Меркурием, — вот что такое эта плита.

Он швырнул вниз веревку, она прошла сквозь несуществующее препятствие, которое тотчас скрыло от глаз ее конец, упавший в расщелину.

— Давай... — послышался голос из-под земли.

Плынов потащил быстро, ловко, в душе ужасаясь той беспечности, с которой они только что разгуливали.

Сначала проступали очертания тела Бааде — он как бы выплывал из глубин «плиты». Наконец он весь очутился на поверхности.

— Нет, нет, ничего, — вновь поторопился он успокоить психолога. — Всего метров десять, я даже успел перевер-

нуться, как кошка, лапами вниз... Нога вот только зацепилась за выступ.

— Двинуть ею можешь?

— Могу, но очень больно.

— Так. А так? — Пальцы Полынова быстро забежали, с силой продавливая толстую оболочку скафандра. — Счастливо отделались: простое растяжение.

Он подставил спину, подхватил Бааде. Тот запрыгал на одной ноге, сляясь пэмошь.

— Небитый битого везет... — попытался он шутить.

Полынов шел предельно осторожно, выверяя каждый шаг, пробуя ногой все мало-мальски подозрительные места, как пробуют хрупкий лед. Может быть, воображение преувеличивало, но сейчас Полынов ежеминутно ждал какой-нибудь новой каверзы. Обошлось, однако.

В кабине он подождал, пока компрессор отсосет меркурианский воздух. Вдвоем кое-как стянули скафандры. Полынов оголил ногу Бааде.

— Сейчас будет немного больно. Ты потерпи уж...

Он с силой рванул лодыжку. Бааде скрипнул зубами.

— Уф-ф... — отдуваясь и потирая опухшую ногу, проговсрил он. — Не ожидал попасть в руки костоправа. Сейчас, думаю, мой врач вытащи: какой-нибудь хитрый аппарат...

— Простой случай требует простых решений. Даже на Меркурии. Кстати, кто-то уверял меня, что отличить мираж от не миража — пара пустяков.

— Нормальный мираж — нормальный, понимаешь? — Тот удаляется, когда к нему подходит порядочный человек, ясно?

— Мы не на Земле.

— Уди-ви-тельно... Почему-то данная истина, данная в довольно болезненном ощущении, известна и мне. Ну и что? Тебе от этого легче?

— Легче. Случись такое на Земле... Сам понимаешь... А здесь все понятно: есть некое явление или явления, которых почему-то не замечают приборы. Мне кажется, ключ здесь.

— А твоя теория?

— Отвечу: это явно не мираж и не галлюцинация. Но я не исключаю их из общего комплекса непонятного. Пока Бааде кивнул и поудобней устроил ногу на сиденье.

— Что, больно? — обеспокоенно спросил Полынов.

— Нет. Я зол и отвечаю как Ньютон: гипотез не строю! Пусть это шуточки меркурианского дьявола, летающие гробы, сапоги всмятку, но мне нужны «точные факты! Точные, понимаешь? Факты!

— По-моему, ты ждешь их только от приборов. — Полынов постучал по стеклу индикаторной шкалы. — За последние десятилетия мы чересчур привыкли глядеть на мир через вот эти очки. Консерватизм привычки, понимаешь?

— Чем рассуждать, давай-ка лучше выбираться отсюда.

«Туман, — решил Полынов. — Умственный туман. Как все это не просто и глубоко, если вдуматься. Ни один человек не в состоянии представить себе нечто такое, чему нет подобия в окружающей обстановке. Летающий дракон — вот шедевр нашей фантазии. И тем не менее человек узнал о замедлении времени, хотя этому на Земле тоже нет никаких аналогий. Но это смог сделать один человек из миллиарда — отрешиться от привычного и представить невероятное. Вот до чего узок мостик, ведущий от знакомого к незнакомому. Сможем ли мы его найти, мы, привыкшие мыслить привычными категориями?»

Он сел поудобней за руль, включил двигатель и огляделся, чтобы вернее выбрать путь. И тут он увидел, что пути уже не было. Процесс, начавшийся пока они бродили по берегу озера, завершился. Снаружи был светлый мрак.

Стена белесого, как молоко, воздуха, более непроницаемая для взгляда, чем глухая полночь. В ней растворялись лучи фар. И ни одной звезды в небе!

Полынов выключил двигатель. Вот тебе и вечная ночь Меркурия!.. Звездные ориентиры, неизбежно сияющие над чужой планетой. Туман или нечто ему подобное вместо этого. Ловушка.

Бааде приподнялся.

— Попробуй пеленг корабля...

Ответом эфира был оглушительный треск.

— Выключи...

Молчание. Молчание обступало вездеход. Такое абсолютное молчание окружает затонувший корабль.

— Итак, — услышал Полынов собственный шепот. Назло повысил голос. — Итак, мы просчитались. Почему?

— Мы не учли чего-то...

— Чего же?

— Вероятно того, что на Меркурии до сих пор не было наших глаз.

Инженера совсем покинула самоуверенность. Он не был растерян, нет. Но он искал ошибку — беспощадно и строго. Мысленно он просматривал все с самого начала — десятки фильмов, снятых АМС, непререкаемую череду формул и графиков, расчетов и опытов, создавших модель Меркурия, в точность которой он верил и которая, как оказалось, в чем-то существенном не совпадала с действительностью. Полынов не торопил его.

Шло время, драгоценное время.

— Может быть, меркурианские станции не попадали в такую бурю? — Психолог, наконец, решился задать вопрос.

Бааде помотал головой. «Нет, нет, дураками мы были бы...»

И снова молчание. Только опытные и стойкие люди от-

важиваются на молчание, на раздумье, когда все толкает на энергичные действия, или хотя бы видимость действия.

— Предположение есть. — Бааде повернулся к Польшу так, что затрещало сиденье. — Все дело, кажется, в том, что искусственное зрение совершенней природного.

— Объясни.

— Попытаюсь. К нам вся информация о внешнем мире поступает в сравнительно узком диапазоне электромагнитных волн. Что делает конструктор, которому поручено создать телеглаз для Меркурия? Он использует все достижения техники, это естественно. Он закладывает в телеглаз возможность видения во всем диапазоне волн, ставит автоматическую коррекцию помех и так далее и тому подобное. А результат? Допустим видимый спектр забит помехами, вот как сейчас. Автоматический глаз немедленно переключается на те частоты, где помех нет. А наш глаз сделать этого не может. Теперь об ошибке. Знаешь, я должен извиниться перед тобой за вчерашние слова... Потому что ошибка, мне думается, чисто психологическая. Мы знали, что автоматический глаз лучше природного. Но бессознательно мы уверены в обратном. В том, что лучше нас видеть мир ничто не может. Это ведь воспитано тысячелетиями, не так ли? И мы не задумываемся над тем, будет ли наш глаз видеть так же хорошо в тех или иных условиях, как автоматический. Эта мысль просто не приходила нам в голову! Пожалуйста, вот результат: на вездеход не ставится автоматический глаз. Зачем, мол, это сложное и громоздкое устройство, когда в кабине сидит человек? Человек! Венец природы, само совершенство, понимаешь? Я, ты, мы — все носители этой гордости, без которой нас не было бы здесь. Да, не было бы. Но диалектика есть диалектика.

— Но это только предположение, только предположе-

ние! — спохватился Бааде, ставший точность превыше всего. — Может быть, все и не так.

Полынов положил ему руку на плечо.

— Генрих, — сказал он, — ты молодец.

Этого, пожалуй, не следовало говорить — Бааде не переносил «громких» слов.

— Давай лучше думать, как нам выбраться, — отрывисто сказал он. — Вот что: у меня неплохо развито пространственное восприятие. Ехать надо туда. Давай двигаться на ощупь, как слепые. Рано или поздно выберемся на освещенную сторону. А там ориентир, которого ничто не закроет, — Солнце.

У Полынова, когда он стронул машину, было ощущение, что она вот-вот всплывет. И только тяжеловесный скрежет гусениц позволил от него освободиться. Вездеход расталкивал непрозрачность, по сантиметрам продвигаясь вперед. Возмущенно гудел мотор, чья сила сдерживалась человеком. Можно было бы идти быстрее, но Полынов боялся ошибиться и перейти границу между настоящим и кажущимся. Едва впереди обрисовывался камень или выступ, Полынов всякий раз пробовал нащупать эту границу. Иногда удавалось — об этом извещал слабый боковой толчок; чаще нет — вездеход кренился, траки гусениц скрежетали, осиливая препятствие. «Ничего, метод проб и ошибок еще никогда не подводил, — утешал себя Полынов. — Привыкну».

Бааде уверенно показывал путь, и машина, петляя, кружась, тычась о завалы, гребни и скалы, все же двигалась куда-то, и оставалось лишь верить, что Бааде ведет ее правильно, как-то угадывая направление, хоть это и казалось совершенно невозможным. И Полынов верил, потому что Бааде еще нигде не терял ориентировки — ни в пещерах крымской Яйлы, ни в болотах Венеры. Настолько, что Полы-

нов не раз давал себе клятву изучить эту его особенность, но всегда было некогда, всегда приходилось решать проблемы более срочные, и теперь оставалось лишь корить себя, вновь давая клятву разобраться, в чем же тут дело, почему даже на чужих планетах механик ориентируется как в собственной квартире.

Но в ту самую минуту, когда Пологинов было решил, что все идет неплохо и что они, конечно, выберутся, вездеход вдруг стал крениться на совершенно, казалось бы, ровном месте, и Пологинов увидел, что правая гусеница подминает пустоту.

Одним движением он рванул переключатель скоростей и отвернул руль. Траки гусениц замерли, вездеход зашатался, будто повиснув на острие ножа. Это врезалось в память навсегда: медленно, очень медленно машина сползала вниз, проседая над пропастью... Пологинов закрыл глаза, чувствуя, как его неотвратно тянет с сиденья вперед. Сзади Бааде резко повалился влево, чтобы хоть так помочь машине удерживать равновесие.

Наконец спасительный рев двигателя. Толчок, затем падение — мгновенное, но кажущееся бесконечным падение, неизвестно куда: то ли вниз, в пропасть, то ли назад. Пологинов вцепился в руль. Его отбросило. Машина сползала с лезвия, на котором она балансировала.

Дрожащей рукой Пологинов включил тормоз. Отвалился в изнеможении. Тело сразу обмякло, лицу стало холодно. Ладонью он провел по лбу: пот.

А потом ему стало жарко, он зачем-то полез в карманы, выворачивая оттуда всякую дребедень.

Через плечо Бааде протянул ему прыгающую в пальцах сигарету. Они закурили, затягиваясь так, что колечко огня сразу прыгнуло к губам. Вкуса дыма они не ощутили, но это было и неважно. Важней было то, что они расточительно

расходовали драгоценный теперь воздух, отравляя его дымом, но в конце концов и это не имело особого значения.

Как только они пришли в себя, Полюнов спросил:

— Долго может продолжаться буря?

— Бывает, до двух суток.

— Кислорода у нас на двенадцать часов.

— Бывало и хуже.

— Бывало.

— И все равно никак не привыкнешь.

— Да, трудно.

Они помолчали. За стеклами курилась белесо-черная мгла. Все было ясно и без слов. Они в ловушке. Нужды нет, что у ловушек нет стен, что теоретически они могут направлять вездеход куда угодно. Они уже попробовали сделать это и чуть не погибли. Впредь рисковать так можно было, лишь когда у них не останется другой возможности.

— Так что я, пожалуй, сосну, — заключил Полюнов. — Ничего другого не остается. Советую и тебе.

— Попробую. Шумерину придется попереживать.

— Да, ему не позавидуешь. Но я почему-то уверен, что он нас вытянет если что.

— Болото Терра Крочи...

— Вот именно.

Они разом вспомнили это ужасное болото близ южного полюса Венеры, когда они безмятежно плыли по нему и почва отлично держала машину, точно так же как до этого она держала автоматы разведки, а потом в недрах болота ухнул взрыв (интересно, выяснили, наконец, что это такое было?), и их стало затягивать в трясины, куда бы они ни поворачивали. Разумеется, там бы они и остались навсегда, если бы Шумерин не поднял корабль и огнем реактивных струй не высушил вокруг них болото. Потом никто не хотел

верить, что двигателями корабля можно сделать такое.
А Шумерин сделал.

— Ну, так я заваливаюсь, — сказал Бааде.

— Я тоже.

Бааде устроился поудобней, сиденья простонали под ним, скоро все стихло, и Польшов услышал мерное дыхание.

Он тоже закрыл глаза. Но сон не торопился прийти, — слишком велико было возбуждение. Тогда он прибег к испытанному приему: надо заставить себя увидеть какой-нибудь безмятежный пейзаж и начать его разглядывать. Потом быстро сменить видение. Еще и еще. Дальше уже сами собой будут включаться обрывки увиденного когда-то: сердитый пенный ручеек, прыгающий с камня на камень; сосны, бронзовые от полуденного света; радужные капли дождя на черемухе; брызнувшие от берега мальки... Все быстрее и путаней смена образов, все успокоительней и туманней их мелькание, предваряющее глубокий и спокойный сон. Его, Польшова, сон на Меркурии, в плену враждебных и неразгаданных стихий.

Но внезапно, будто толчок изнутри. Секунду Польшов еще цеплялся за дрему, не желая впускать мысль в затемненные подвалы сознания, где вспыхивали, менялись и гасли пейзажи родины. Но неподвластный ему киномеханик своей волей остановил бег пленки, и замерла, ярко вспыхнула картина далекого детства: голубые ели на берегу речки, мальчишка, болтающий босыми ногами в теплой воде, с разинутым от удивления ртом. И Польшов безотчетно понял, что без видений остановился неспроста.

Он не открыл глаз, но сна уже как не бывало. Польшов силился понять подсказку.

Да, кажется, все так оно и было: солнечный день, корич-

незатая вода, морщинистая на перекатах, — там сквозь нее просвечивал песок. И строй елей на противоположном берегу, сходящий с холма, чтобы бросить на реку прохладную зеленоватую тень. Каким далеким и неправдоподобным выглядит все это сейчас здесь, на Меркурии! Но неспроста жэ, черт побери, всплыло именно это воспоминание...

Голубые ели он тогда заметил не сразу. Заметил? Нет, нет, все было не так: рядом сидела мама и что-то ему говорила. После каких-то ее слов он и разинул рот... Вспомнил! «Смотри, сынок, вон голубые ели...» — «Мама, ели всегда зеленые!» — «Да нет же. Ели бывают голубыми. Разве не видишь, вон, у самой вершины холма, приглядиись...»

Вот тогда он и увидел голубые ели. Это было как открытие: там, где он десятки раз скользил взглядом, ничего не замечая, скрывалось чудо. Над зеленым, спадающим к берегу пологом хвои возвышались две мохнатые голубые вершины, тронутые серебристым блеском солнца. Они явно были голубыми, хотя еще минуту назад — он был готов поклясться — там была только зелень! Открытие превосходило его мальчишеское понимание: ведь ели всегда зеленые, такими он их видел, и эти две он тоже видел зелеными, так почему же...

— Потому что смотреть, глупышка, это одно, а видеть — совсем другое, — услышал он голос матери. Значение слов было волнующим и непонятным.

Полынов открыл глаза. Черно-белый хаос за стеклом кабины. Свет, который похож на мрак, и мрак, который ослепляет.

— Ну и идиоты же мы... — пробормотал психолог.

Он еще ничего не решил и ничего не узнал, но сердцем почувствовал: отгадка где-то здесь.

Что ж, подумаем. Смотреть — одно, видеть — совсем другое. Справедливо для любого из миров. Так... Попав на

Меркурий, мы жадно и пристально разглядывали все... Все ли? А сам воздух — его мы видели? Нет. Кто же рассматривает воздух на Земле? Или на Марсе, Венере? Воздух есть воздух, в нем ничего не увидишь.

Всегда ли? Не всегда. Хорошо, когда воздух на земле становится как бы видимым, во время тумана, например, приглядываемся ли мы к нему тогда?

Полынов усмехнулся. Как поначалу смеялись над художником Монэ, который написал лондонский туман рыжим... А ведь лондонский туман видели сотни тысяч людей. И не заметили, что он рыжеватый! Все-таки человек — очень ненаблюдательное существо. И что самое удивительное — ненаблюдательность не почитается за порок. Впрочем, для этого есть физиологические предпосылки: древние греки, похоже, не различали голубого.

Стоп, я отвлекаюсь. Так или иначе приходится признать неприятную истину: мы не слишком любим довольствоваться приблизительными знаниями, а вот приблизительное видение мира нас мало смущает. Неужели так? Да, так. Всего лет сто назад писатели заметили, что снежинки могут выглядеть черными, и это открытие тоже повергло многих в недоумение. А сколько в свое время спорили с художниками, когда те взялись доказывать, что снег никогда не бывает белым? Впрочем, и сейчас найдется масса людей, которые этого не знают.

Полынову захотелось вскочить — так с ним всегда бывало, когда догадка сменялась уверенностью. Но по вездеходу не пошагаешь, ладно.

Теперь, продолжал он размышлять, время заняться самокритикой. Нас послали на Меркурий, во-первых, потому, что мы люди опытные, во-вторых, потому, что мы люди много знающие, а в-третьих, не трусы. Допустим, что все это так. Но помимо своих чисто профессиональных качеств во всех

других отношениях мы люди достаточно заурядные. Средние земляне, так сказать. Профессиональная наблюдательность у нас, конечно, развита. Но та ли эта наблюдательность, которая нужна здесь, на Меркурии? Кто же мог заранее ответить на этот вопрос... Перед полетом мы все мыслили по аналогии: те, кто справились на Марсе, справятся и на Меркурии. Как будто Меркурий подобен Земле или Марсу. Или Венере... Вполне понятная психологическая ошибка.

Но нам от этого не легче. Не легче оттого, что за последние десятилетия укрепилось мнение, будто бы рациональное, научное мышление — это магистральное мышление эпохи. А эмоциональное, художественное — это так, нечто побочное, второстепенное, чуть ли не хобби. Шумерин был прав, возмущаясь этим. Вот и ступили мы на Меркурий, как мы считали, двумя ногами. А на самом деле — одной. Вот мы и стоим на коленях...

Что за чушь, это уж я чересчур... А может, и нет? Надо проверить, хватит рассуждений. Если моя догадка верна, то... Но хватит ли у меня способностей?

Полынов придвинулся ближе к стеклу, устроился поудобней, стал вглядываться. Невольно улыбнулся: такая кустарщина при наличии могучего арсенала приборов... Бааде, пожалуй, задохнулся бы от возмущения. Нет, нет, все, точка: прочь ненужные мысли. Надо смотреть, надо постараться увидеть...

Он видел стену, глухую стену мрака, и вначале ему показалось, что попытка безнадежна, что он напрасно дал себя увлечь мнимо правильными рассуждениями. Перед ним просто мрак, черно-белый мрак.

Но он продолжал глядеть, все сужая и сужая поле зрения, кусочек за кусочком просматривая то, в чем тонул вездеход. Хорошо, что времени в избытке, торопиться некуда — давно так не было, чтобы не нужно было торопиться, до-

вольствуясь мимолетным взглядом. Как они привыкли наблюдать мир, постоянно влекомые скоростью! Скала? Ага, скала. Оранжевое пятно выцветов на почве? Ага, пятно. И вот она уже скрылась с глаз, эта единственная в своем роде, совершенно неповторимая скала, совершенно уникальное пятно. Вот как они привыкли смотреть на мир. Естественно, мир велик, жизнь коротка, времени мало, тут не до подробностей — слишком много нового надо увидеть, испытать, понять.

Вокруг вездехода теперь что-то происходило. Теперь ли? Похоже, происходило непрерывно. Только раньше он не вглядывался.

Полынов увидел в стекле отражение своих глаз. В него вглядывались его собственные зрачки — огромные и бездонные. Канал связи с внешним миром... Так что же происходит там, куда они смотрят?

Тени. Там, во мраке, шевелятся тени. Впрочем, никакого мрака нет, просто они поторопились окрестить это состояние меркурианского воздуха привычным словом. И на том успокоились. Да, мрака нет. Есть пульсирующие волны светоты, накатывающие на стекло. И тени. Нет, пожалуй, волн тоже нет, опять использован привычный образ, которому здесь не место. А что же есть?

Есть оттенки, переходы, переливы, множество оттенков и в черном и в белом. Преобладают голубоватые. И до чего же все зыбко. Переходы свершаются на грани способности глаза различать смену образов. Как мелькание спиц в быстро вращающемся колесе. Вот откуда впечатление глухой стены. Все слишком рябит, сливается в однообразный фон. А все же что именно мелькает?

От напряжения заболела голова, и Полынов на несколько минут дал глазам отдых. Потом снова их открыл.

То ли причиной тому был отдых, то ли еще почему, но Полынов сразу увидел нечто новое: тени не были плоски-

ми. У них был объем. Мгновенная череда каких-то фигур, от которых рябит в глазах. Рябит! Разве они с самого начала не заметили, что меркурианский воздух рябит? Заметили. Но не придали значения. Ибо так и должно быть там, где атмосфера ионизирована и светится. Бааде обстоятельно объяснил почему.

Выходит, он видит бесформенные образы, создаваемые пульсациями светящегося воздуха. Что значит бесформенные? Это значит, что тени могут принимать любые произвольные очертания. Как он не сообразил этого раньше?

Не торопись, не торопись... Мгновенная смена мгновенных образов. Мгновенная — всегда? Надо разобраться без спешки.

Как, однако, все это нелепо выглядит, если разобраться. Сидит он, Полынов, на чужой, совсем-совсем чужой планете, и кислорода осталось часов на девять, не больше. Сидит, смотрит и думает, и от этого, возможно, зависит все. Сзади похрапывает Бааде; где-то волнуется Шумерин. Обстановка, прямо противоречащая многим, с детства привычным понятиям о том, как в трудную минуту ведут себя герои космоса. Черт бы побрал тех, кто так задуряет мозги! Сверхмужество, сверхгеройство, сверхтехника, сверх... сверх... А вот сейчас у него одно только оружие: зрение. То самое зрение, которое и подвело в трудную минуту. Парадокс! Хотя... Нет, это надо запомнить! Какой-то очень важный обрывок мысли...

Да, так возникают ли в меркурианском воздухе не мгновенные и не бесформенные образы? По логике вещей должны. Когда на земле воздух обретает видимость за счет мельчайших капелек воды, так оно и бывает. Облака. Постоянное творение новых форм. Которые иногда становятся лицами, фигурами животных, башнями, чем угодно. А здесь воздух виден постоянно. Весь. В каждой точке происходят зримые перестановки. Вот что надо искать!

И Плынов смотрел, смотрел на то, что недавно было просто хаосом, и ему открывались в нем все новые и новые черты. И он проклинал себя за то, что никогда всерьез не интересовался живописью, не изощрял свой глаз в наблюдениях за переменами света, тени, цвета, формы. Но кто же знал...

Внезапный порыв за окном заставил его вздрогнуть. Прямо на вездеход летел какой-то фосфоресцирующий сгусток. Снизу он заканчивался отростками, которые слабо шевелились, и это придавало ему сходство с медузой.

«Нечто» коснулось стекла, размазалось и исчезло, как будто его и не было. Все длилось мгновение, но это мгновение было ослепительной вспышкой, осветившей сумрак догадки.

У Плынова больше не оставалось сомнений. Теперь он уверенно ждал следующего появления. И его надежды не замедлили оправдаться. Ему уже не приходилось напрягать зрение, чтобы видеть и узнавать знакомое там, где недавно все было хаосом. Точно так же как всякий, кто пристально вглядывается в очертания облаков, с какого-то момента начинает различать смысл, законченные скульптурные формы в их ленивой и случайной перестройке. Действовал все тот же «эффект узнавания», который заставляет слабонервного путника, однажды принявшего в сумерках куст рябины за человека в плаще, шарахаться от все новых порождений собственного воображения.

Плынов тихо ликовал. Не требовалось больше усилий, чтобы видеть, как во мраке появляются странные рыбы, летает футбольный мяч, гримасничает морда льва... Некоторые из фантомов долго оставались в поле зрения; далеко не все образы были мгновенными...

Но радость открытия длилась недолго. Не потому, что это открытие объясняло далеко не все из того, что с ними слу-

чилось. Не потому. Психолог не был наивен, он прекрасно понимал, что потребуются еще годы работы, чтобы понятным стало если не все, то многое. Так всегда было, так всегда будет, что ясность никогда не приходит сразу и окончательно. Ведь познание — это бесконечный подъем к вершине, которой нет. И как бы относительно велик ни был шаг, сделанный вверх, какие бы горизонты он ни открывал, неизменно будет хотеться большего, потому что это большее возможно и достижимо. Но исследователю не знакома радость альпиниста, достигшего последней вершины.

Другое волновало. То, в чем он не сразу мог сознаться даже самому себе, — слишком ответственным был вывод. Самым смелым знакомо сомнение в правоте своей мысли, когда она посягает взорвать старые представления. И не всякому дано это преодолеть. Планк, выдвинув идею квантов, не оценил ее последствий. Рентген не принял представлений об электроны, хотя они вытекали из его опытов. Велико число людей, которые, поднявшись на вершины, не смогли разглядеть новых деталей, потому что их вид показался чересчур невероятным.

Для Польшова не был тайной психологический механизм внутренних тормозов, включающихся гораздо чаще, чем принято думать. И он не осуждал тех, в ком они срабатывали. Но сам был уверен, что доведись ему оказаться на их месте, уж с ним бы этого не случилось! Он бы поверил себе.

Тем неожиданной было открытие, это совсем не так! Только теперь он понял, как трудно поверить в то, во что никто не верит и верить не может, ибо никто еще не прошел твоим путем. Для человека одиночество настолько невыносимо, что даже в мыслях он стремится быть со всеми, быть как все.

Но Польшов понимал, что право на осторожность, на многократное обдумывание и проверку своих мыслей имеет тот,

кто уверен в своем завтра. И что, следовательно, он такого права не имеет.

Со вздохом сожаления он вытащил меафон.

— Пусть лучше я буду выглядеть самоуверенным идиотом, чем...

Записывающий кристаллик меафона налился синим светом, одобрительно моргнул Полынову, как бы подстегивая его решимость.

Полынов заговорил, чуть шевеля губами, чтобы не разбудить Бааде.

— Слушайте последнее, что я могу сказать, — прошептал он традиционную фразу исследователей космоса. Ее произносили, когда не было уверенности в том, что сказанное удастся когда-нибудь повторить.

— В свое время думали, что мир везде и всюду принципиально тождествен тому, что окружает нас. И что его познание непосредственно доступно нашим органам чувств. Затем мы проникли в микромир. Выяснилось: нашим привычным представлениям там делать нечего. Взгляд бессилён там что-либо увидеть, слух — услышать, а воображение — представить.

С помощью сверхсложных приборов, математических абстракций и «безумных» идей человек понял законы этого мира, и все же он до сих пор чужд нашим эмоциям, ибо ему нет соответствия в духовной природе человека. Можно сказать «угрюмая скала», но бессмыслицей прозвучала бы фраза «угрюмый мезон».

Однако мы по-прежнему пребывали в уверенности, что уж в макро-то мире ничего подобного не случится. Что на любой планете наше «я» будет соответствовать тому новому, с чем мы столкнемся.

Ошибка. Строй наших мыслей и чувств, наша духовная сущность порождены Землей. Ее закатами, травами, светом

ее дня, темнотой ее ночи. Ибо все органы чувств — а вне их нет общения с миром — идеально приспособлены к земным условиям. Впрочем, идеально ли? Зрение и на Земле нередко обманывает нас — в сумерках, при встрече с миражами. Оно, как и другие органы чувств, не идеально соответствует даже земным условиям. Тем менее должны мы ожидать, что они будут соответствовать качественно иной обстановке.

Так оно и есть. Осязание, обоняние, слух сразу перестали служить нам, едва мы вышли в космос. Настолько, что функция разведчиков с успехом была передана автоматам! Ибо нельзя осязать вакуум, невозможно слушать пустоту.

Но мы не ощутили большой потери, потому что зрение продолжало служить нам, а оно дает львиную долю информации. Правда, нам пришлось прибегнуть к светофильтрам...

Мы идем все дальше и дальше по пути вынужденного отказа от непосредственного восприятия макромира.

Какие последствия будет это иметь для человека и человечества, судить не берусь. Но что они будут значительными, сомнения нет. Ибо изменение обстановки меняет самого человека. Земное человеческое «я» не может остаться прежним, когда наступит время расселения на другие планеты. Это произойдет не скоро, но об этом надо думать сейчас.

Итак, в макромире тоже намечается барьер, преодоление которого потребует отказа от многих привычных сторон нашего духовного мира и приобретения новых, если мы хотим сохранить свое «я» цельным.

Где пролегает этот барьер? Я убежден, что мы уже встретились с ним. Меркурий — та ступень нашего движения, на которой нам отказало уже и зрение. Мы видим здесь не то, что есть на самом деле, ибо наше зрение решительно не приспособлено к меркурианским условиям. Участникам второй экспедиции придется смотреть — да, да, просто смот-

реты! — на пейзажи Меркурия через призму какого-нибудь хитроумного прибора. Иначе их будут поджидать те же ловушки, что и нас.

Но даже обыкновенное оконное стекло влияет на наш эмоциональный контакт с внешним миром. А уж полный отказ от непосредственной связи с окружающим...

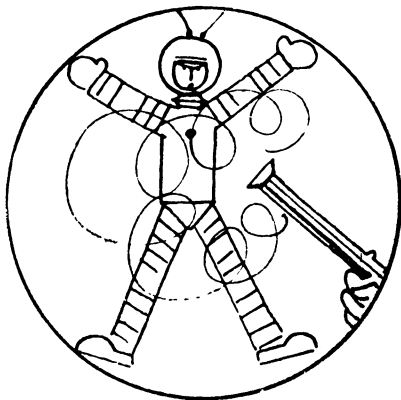
Опасно ли это? Не думаю. Объективно процесс направлен на обогащение и расширение человеческого «я». Когда-то духовный мир человека не включал в себя ничего, кроме Земли. Со временем Земля станет лишь частью нашего «я»... Но вряд ли это расширение и обогащение будет идти гладко, ибо оно связано с ломкой многих основ. Задача моей науки — психологии — и многих других облегчить переход нашего «я» к новому качеству.

Возможно, я в чем-то ошибаюсь. Возможно. Но лучше ошибаясь глядеть вперед, чем не ошибаясь стоять на месте, робко потупив взгляд.

Я кончил».

Полынов посмотрел на крохотный, пульсирующий в такт его дыханию, кристалл. Синий, как небо Земли, кристалл, навечно вобравший в себя его мысли.

Вокруг плыла чужая ночь, отсчитывая для людей, быть может, последние часы. Но один из них безмятежно спал, словно дома, а другой думал о будущем. А где-то далеко третий готовился прийти к ним на помощь. И, как это ни странно, как это ни противоречиво, Полынов чувствовал себя спокойно и счастливо. Сегодня он сделал больше, чем за всю свою жизнь.

КОСМИЧЕСКИЙ БОГ

1. Корабль, терпящий бедствие

Не колеблясь Полюнов двинул в прорыв ладью. Кинжальный удар, точно нацеленный в солнечное сплетение обороны противника.

Гюисманс нахмурился. Желтыми, как у мумии, пальцами он с сожалением тронул короля. Мельком взглянул на часы.

— Не повернуть ли доску? — предложил он.

— Что-то вы рано сегодня сдаетесь, дорогой патер.

Полынов летел на Марс пассажиром в надежде отдохнуть по дороге от выматывающих обязанностей космического психолога; он даже не представлял, сколь утомительным окажется для него безделье на таком корабле, как «Антиной». Если бы не шахматы, он и вовсе чувствовал бы себя отщепенцем среди веселья и развлечений, которыми здесь убивали время.

— О, это сдача с продолжением. Ибо взявший меч от меча и погибнет. Пока вам нравится такая диалектика, верно?

Костлявое лицо патера раздвинула улыбка. Улыбка-приглашение уголками губ. В Полынове ожил профессиональный интерес.

— По-вашему, я человек с мечом?

— Вы тоже. Кто строит — тот разрушает, не так ли? Но диалектика, которой вы поклоняетесь, как мы — богу, она погубит вас.

— Да неужели?!

Полынову стало весело. «Это в нем, должно быть, тоже профессиональное, — подумал он. — Лет тридцать человек проповедовал, не выдержал, потянуло на амвон, или, как еще там называется это место...»

Он устроил ноги поудобней, оглядел проходившую через салон девушку — ничего, красива, — мысленно подмигнул патеру.

— Конечно, погубит, — продолжал тот, не отводя взгляда, — ибо закон вашей диалектики гласит, что отрицающий обречен на отрицание. Вы отрицаете нас, придет некто или нечто, и оно поступит с вами так же.

— Могу посочувствовать, — кивнул Полынов. — Прихожане не идут в храм, а? Что делать, история — не шахматы, ее не переиграешь.

— Но спираль, и потому путник может вернуться к тому месту, откуда он шел.

— Вы сегодня нуждаетесь в утеш...

Плавный толчок качнул столик. Несколько фигур упало, за стеклянными дверями салона кто-то шарахнулся, но все перекрыл грохот джаза, и ломаные тени танцующих снова заскользили по стеклу.

— Нуждаетесь в утешении, — закончил Плынов, нагибаясь и подбирая с пола фигуры. — Но софизмы никогда...

Он поднял голову. Собеседника не было. Гюисманс исчез беззвучно, как летучая мышь.

Белый король, упавший на стол, тихонько покатился к краю — корабль незаметно для пассажиров тормозил. Плынов пожал плечами, поймал короля, утряс шахматы в ящик и вышел из салона.

У двери с надписью на пяти языках «Рубка. Вход воспрещен» он помедлил. Музыка доносилась и сюда, приглушенная, однако все еще неистовая, скачущая.

— Трын-трава, — сказал Плынов. — Пируем...

Издерганные ритмы музыки осточертели Плынову, и он в который раз пожалел, что связался с этим фешенебельным лайнером, с его вымученным нескончаемым праздником.

В рубке было полутемно, светлячками тлели флюоресцирующие детали шкал, над бездонным овалом обзорного экрана шевелилась синяя паутина мнемографиков, раскиданная по табло.

— Кто там? — недружелюбно спросил голос, и Плынов увидел Бергера. На груди дежурного пилота болтался радиодфон, ворот форменной рубашки с золотыми кометами был расстегнут. — А, это вы, камрад... Догадываюсь, что вас занесло сюда. Нет, это не метеорный поток.

— Тогда что?

Бергер кивнул на экран. Второй пилот отодвинулся. В черной глубине среди неподвижных звезд вспыхивали позиционные огоньки сигналов бедствия.

- Кто?
- «Ван Эйк» какой-то. Не слышали о таком?
- Нет, теперь слишком много кораблей. Но вы-то должны знать, чьи рейсы...
- Это не рейсовый лайнер.
- Кажется, вы правы, — вгляделся Пологинов. — Разведчик. Но что с ним? Он гасит огни!
- На экране осталась лишь одна красная звездочка.
- Авария. Берегут энергию.
- Радио?
- Зона молчания. Влетели полчаса назад.
- Скверно. Так берегут энергию, что не могут промигать о характере аварии?
- Полетел ретроблок.
- Это серьезно.
- Куда серьезней. Говорят, что подробности сообщат на месте.
- Моя помощь не потребуется? Раньше я был врачом.
- О жертвах не сообщалось. Ага, опять замигали. Сейчас отвалит их шлюпка.
- Может, лучше нам...
- Как же! Старт нашей шлюпки услышат пассажиры.
- Ну и что?
- Хм! Вы забыли, какой у нас пассажир? — Бергер язвительно усмехнулся. — Дамы, узнав об аварии, чего доброго, валерьянки запросят.
- Но, но, Бергер, ты потише, — предостерегающе сказал второй пилот. — Вылетишь с работы...
- А мне плевать. Мы не должны скрывать своих убеждений. Вот товарищ Пологинов меня поймет.
- На экране метнулась яркая вспышка.
- Отвалили, — заметил второй пилот.

Бледно-оранжевая полоска, исторгнутая дюзами шлюпки, медленно росла приближаясь.

Лишь опытный человек мог ощутить толчок.

— Классно причалили, — определил Бергер. — Интересно будет взглянуть на гостей.

— Задержка минимум на тридцать часов, — буркнул второй пилот. Его насупленный профиль заслонил экран.

— Ерунда, наверстаем, — ответил Бергер. — Хотите пива, камрад?

Полынов кивнул. Бергер вскрыл жестянку.

Однако отхлебнуть он не успел. Дверь с грохотом распахнулась. Две тени выросли в проеме. По глазам резанул ослепительный луч фонаря.

— Какого дьявола! — отчаянно щурясь и прижимая к груди жестянку с пивом, вскричал Бергер.

— Спокойно, — холодно произнесла тень. — Руки вверх!

На уровне своей груди Полынов увидел пирамидальное дуло лайтинга. Из рук Бергера выпала жестянка, пенным фонтаном плеснув на пол. Второй пилот вскочил. Нервно дернулся лайтинг. Из дула брызнула лиловая вспышка. Второй пилот осел; его перекошенный рот ловил воздух.

— Руки! — заорала тень. — Не глупить!

Полынов и Бергер повиновались. Собственные руки показались психологу свинцовыми, когда он их поднимал.

— Что все это значит?.. — прошептал Бергер.

— Молчать! Кру-гом! Марш в коридор!

— Но раненый! — воскликнул Полынов.

Дуло лайтинга подтолкнуло его к выходу.

Трясущиеся пассажиры и члены судовой команды были проворно выстроены вдоль стены коридора. Ошеломленному Полынову казалось, что он видит дурной сон, в который врываются соскочившие со страниц истории эсэсовцы, а их жертвы цепенеют от страха.

Часовой в сером глянцеком комбинезоне замер у выхода, лайтинг он держал наперевес. Тот, на кого падал его взгляд, сжимался и бледнел.

Прошло пять минут, и десять, и пятнадцать. Дрожь передавалась от плеча к плечу, как ток. Элегантные костюмы обвисли проколотыми пузырями. Строем белых масок застыли лица. Кого-то донимала нервная икота.

Часовой вдруг сделал шаг в сторону, пропуская детину * непропорционально крупной, какой-то четырехугольной, словно обтесанной взмахами топора, головой. Детина пошарил взглядом, ухмыльнулся, подошел, переваливаясь, к крайнему в шеренге. Хозяйским движением он обшарил его карманы, выхватил бумажник, документы и не глядя швырнул их в сумку. Обыскиваемый — холеный седоусый старик — вытянулся, страдальчески морщась и пытаясь улыбнуться.

Большеголовый перешел ко второму, толстенькому бразильцу, который сам с готовностью подставил карманы, к третьему, четвертому. Поведение бандита отличала заученность автомата. Он неторопливо двигался вдоль шеренги, помаргивая; его сумка пухла.

У Плынова темнело в глазах от злости. Часовой даже привалился к косяку; лайтинг он установил меж ног; вероятно, баранов он больше бы остерегался, чем этих людей, скованных ужасом. Он и не позаботился подняться на площадку винтовой лестницы, а встал в двух шагах от своих жертв. Крепкий удар в челюсть Большеголовому — вот он как раз поравнялся с Бергером; крайние бросаются на часового; тот, конечно, не успеет вскинуть оружие; отобраны два лайтинга, с двумя бандитами покончено. Сколько их на корабле — шлюпка вмещает пятерых, ну, шестерых...

Идиоты. Так близко освобождение, так немного нужно для победы — чуточку решимости, молчаливого понимания, уверенности в соседе! Нет, безнадежно. Здесь безнадежно. Эти

бандиты знают психологию толпы, иначе они не были бы так беззаботны...

— Я протесту-у-у-ю!

Все вздрогнули.

— Я супруга сенатора! Сенатора США! Вы... А-а-а!

Большеголовый тупо посмотрел на вопившую даму — она дергалась всем телом, перья райской птицы прыгали на шляпке — и спокойно влепил ей пощечину. Вторую, третью — со вкусом. Сенаторша, раскрыв рот, мотала головой. Большеголовый раскурил сигарету, глубоко затянулся и с удовлетворением пустил густую струю дыма в лицо женщины. Сенаторша всхлипывала, не смея опустить руки, чтобы стереть слезы.

«Что же это такое, боже, зачем?» — услышал Полинов прерывающийся шепот. Он чуть повернул голову и встретился с детской беззащитностью, с мольбой и болью во взгляде девушки. Она стояла рядом с Полиновым. Большеголовый уже поравнялся с ней. Его равнодушное лицо несколько оживилось. Он внимательно осмотрел мальчишескую фигуру девушки — у нее на переносице выступили росинки пота, — пошевелил губами. Его толстые, с нечищеными ногтями пальцы тронули плечо девушки — она вздрогнула, глаза потемнели от гнева, — скользнули ниже. Он засопел.

— Брось, ты, сволочь! — выдохнул Полинов.

Большеголовый, отскочив, вскинул лайтинг; глаза у бандита были совершенно прозрачные. Упреждая выстрел, Полинов обрушил на него бешеный удар правой под подбородок. При этом он почувствовал неизъяснимое удовольствие. Гремя оружием, Большеголовый шлепнулся о стену, точно куль грязного белья. Поверх голов часовой ударил лучом лайтинга. Как по команде все рухнули на пол. Кроме Полинова и девушки. Она вцепилась в него, стараясь прикрыть собой от выстрела, и тем сковала бросок Полинова к оружию Большего-

лового. Часовой аккуратно ловил Плынова на мушку. Тот едва успел стряхнуть девушку. «На коленях, все на коленях...» — тоскливо успел подумать он.

— Отставить! — внезапно гаркнул кто-то.

Лайтинг часового брякнул о пол. На площадке винтовой лестницы скрестив руки стоял Гюисманс.

2. Моральная проблема

Бандит, словно полураздавленный краб, ворочался у ног Плынова. Он мотал головой, разбрызгивая слюну и кровь. Его скрюченные пальцы тянулись к отлетевшему лайтингу.

Гюисманс прошествовал по коридору, наклонился к Большоголовому и негромко сказал:

— Встать, дурак.

Ответом было рычание.

— Встать, говорю! — Гюисманс заорал так, что даже Плынов вздрогнул.

Большоголовый утих. Стоя на четвереньках, он силился подняться, но у него разъезжались колени.

Затаив дыхание, все с тайной надеждой смотрели на Гюисманса. Он заметил взгляды и холодно улыбнулся.

— Лицом к стене! — презрительно бросил он.

И тотчас обернулся к Плынову.

— К вам это не относится, любезный. Я еще не взял реванша за проигранную партию, не так ли?

Спокойствие этого сухопарого человека в черном, его мгновенное превращение из мирного миссионера в вождя бандитов было более жутким, чем выстрелы и насилие.

Он повелительно крикнул. Вбежали двое в серых комбинезонах. Один подхватил Большоголового и помог тому

встать. Другому Гюисманс что-то прошептал, показывая на Польшова.

Психолога схватили и повели.

...Когда за ним щелкнул замок, Польшов не был в состоянии ни соображать, ни радоваться неожиданному спасению. Чужая каюта, куда его втокнули, плыла перед глазами. Потом он с удивлением отметил ее роскошь. Изящный столик из пластика, отделанного под малахит, мягкий ковер под ногами, две пышные постели, уютный свет настольной лампы. Пахло духами и сигарами. За перегородкой находилась самая настоящая ванная.

Польшов сел, силясь понять, что бы все это могло значить, почему его заточили в каюту, более похожую на будуар, чем на тюрьму. Объяснения не было.

Он встал пошатываясь, нажал плечом на дверь. Зачем? Ему прекрасно была известна прочность корабельных запоров.

— Не глупи, — сказал он себе.

Из пепельницы торчала недокуренная сигарета. На мундштуке отпечатались след губной помады. Из полуоткрытой тумбочки поблескивали винные бутылки. Здесь еще час назад не просто жили, здесь наслаждались жизнью. Что это — умысел, насмешка?

Но чего-то в каюте не хватало. Чего-то существенного, Да, конечно: стульев. Стульев, которыми можно было бы воспользоваться как дубинками.

Машинально Польшов повернул ручку телевизора. Как ни странно, телевизор работал. Из стереоскопической глубины экрана плеснулась морская волна, пенный гребень вынес ребенка верхом на дельфине.

Польшов смотрел на него, как на пришельца из другого мира. Малыш в восторге бил дельфина пятками по спине,

за его плечами вспыхивала радуга брызг. Детский смех наполнял каюту.

Это было настолько дико после пережитого, что Полинов поспешно повернул выключатель. Смех оборвался.

«Спокойно, спокойно, — сказал он себе. В любом кошмаре есть логика, надо разобраться. Раз телевизор работает, корабль вырвался из зоны молчания, стало быть... Вырвался? Не надо обольщаться: никакой «зоны молчания» не было. Это же ясно, как день, — нападающие применили «эффект Багрова», чтобы корабль не мог связаться с Землей. Вот и все.

Но зачем, зачем? Что за дичь — пиратство в космосе?»

Больше всего Полинову хотелось лечь и ни о чем не думать. Мысли путались.

Заметно росло ускорение, пол уходил из-под ног. Понятно, пираты бегут подальше от трасс. Куда?

Полинов зашел за перегородку. Из зеркала на него глянуло совершенно белое, незнакомое ему лицо. С минуту он неподвижно смотрел на свое отражение. Потом набрал в пригоршню воды, смочил лоб, виски, причесался, поправил галстук. Простые будничные движения успокоили его.

Он стал соображать, можно ли ждать спасения с Земли. Пока там еще никто не подозревает о катастрофе. Так... Станции слежения потеряли радиоимпульс «Антиноя». Бывает. Операторы, попыхивая сигаретами и рассказывая анекдоты, ждут, когда он снова появится. А он не появится. В космос полетят запросы, но космос будет молчать. Тогда начнется паника.

Нет, не тогда. Компания будет медлить с сообщением в надежде, что тревога напрасна... Ведь на карту поставлены престиж, доходы: как это так, у нас — и вдруг авария! Мир узнает о таинственном исчезновении «Антиноя» с огромным запозданием. Вот тогда к предполагаемому месту гибели устремятся разведчики. Но будет поздно.

Но и тогда тревожное известие не смахнет с экранов телевизоров улыбающиеся личики. Об исчезновении корабля будет сказано в лучших традициях казенного оптимизма. Сразу после передачи красивые девушки споют красивую песенку. Для успокоения. Господа зрители, не волнуйтесь, в мире по-прежнему все прекрасно, отгоните дурные мысли, оптимизм продлевает жизнь, меры приняты, ничего подобного впредь не повторится, катастрофа вас не касается, не вы погибли, не ваши родственники: конечно, авария — это ужасно, но вспомните, сколько радостного в окружающей жизни...

И никому в голову не придет мысль о злом умысле. Пираты? В космосе? Ха-ха, не смешите...

Вот еще на что рассчитывают бандиты.

Спасение с Земли не придет.

И тут Побынов услышал лязг ключа. Он поспешно прикрыл воду, мельком взглянул на себя в зеркале — ничего, можно.

Гюисманс он успел встретить на пороге резким, как удар, вопросом:

— Завидуете лаврам Флинта?

Гюисманс поморщился от громкого голоса и плотно притворил за собой дверь. Мгновение они разглядывали друг друга.

— Рад, что к вам вернулось чувство юмора, — наконец сказал Гюисманс, присаживаясь на край постели.

— Просто я вспомнил, что пираты кончали жизнь на рее. Жаль, космический корабль не оборудован этой полезной снастью.

— Не все, дорогой Побынов, не все. — Гюисманс покачал головой. — Некоторые становились губернаторами.

— Сейчас не семнадцатый век.

— Верно, масштабы теперь другие. А сущность человека все та же, увы. Но вас как будто не волнует ваша судьба?

— Уж не хотите ли вы дать мне отпущение грехов? Не приму, учтите.

Гюисманс кротко вздохнул.

— Ну к чему эта бравада? Знаю, что угроза смерти для вас не внове. Но согласитесь, принять смерть из рук вашего Большеголового друга, которому вы неловко сломали челюсть, не слишком приятно.

«Осторожно, — подумал Полынов, — не горячись».

— Вы забыли, Гюисманс, что я могу уйти из ваших лап, когда захочу. Остановить дыхание не так уж трудно.

Гюисманс задумался, полуприкрыв морщинистые веки.

— Мы серьезные люди, — он выпрямился. — Предлагаю вам деловой, взаимовыгодный контракт.

— Сначала ответьте на мои вопросы.

— Я не мелочен. Спрашивайте.

— Во-первых: что будет с пассажирами? Во-вторых: куда мы летим? В-третьих: ваша цель?

Гюисманс достал сигару, не торопясь закурил («Совсем как Большоголовый», — мелькнула мысль), выпустил сразу штук пять колец и пронизал их струйкой дыма.

— Удивительно, — сказал он. — Удивительно, как благородные чувства мешают людям жить. Вам не кажется, что добро не может победить зло, потому что его способы борьбы бессильны, а бороться со злом оружием зла значит превратить само добро во зло? И что поэтому добро заведомо обречено на поражение? Подумайте. Вспомните историю, она подтверждает мой вывод.

— Это не ответ.

— Ответ разочарует вас. Кто мы? Вы уже сказали: пираты. Зачем нам все это нужно? Второй ответ вытекает из первого. Что будет с пассажирами? Все зависит от их благоразумия, можете убедиться в этом на собственном опыте. Куда мы летим? В пояс астероидов.

— Зачем?

— Не разочаровывайте меня в ваших аналитических способностях. Вы же психолог.

Полынов выругался про себя.

— Хорошо, так что вам от меня нужно?

Он встал с видом хозяина, дающего гостю понять, что его дальнейшее пребывание нежелательно.

— Гордыни в вас много, Полынов, гордыни. — Гюисманс сокрушенно вздохнул, любуясь, как медленно расплываются в воздухе кольца дыма. — Вы с детства убеждены, что истина с вами.

— Да, убежден и горжусь этим! — с вызовом сказал Полынов.

Гюисманс зло рассмеялся.

— Лишний раз убеждаюсь, как прав был ваш учитель Энгельс, когда писал, что всякий прогресс есть одновременно регресс.

«К чему эта лиса клонит? — недоумевал Полынов. — Что означают эти душеспасительные разговоры?»

— У нас еще будет время пофилософствовать, — словно отвечая на его мысли, сказал Гюисманс. — Если вы примете мое предложение, конечно. Мы недавно лишились врача, а его помощник — олух. Вы были врачом много лет. Вот и все.

— Та-ак... Вы предлагаете мне участие в ваших грязных делишках?

— Человек всюду человек, а помощь страждущим — моральный долг врача. Делишки, говорите? Я не чувствителен к оскорблениям. Не судите, да не судимы будете, ведь пути человека, как и пути господни, неисповедимы. Если мы договоримся, я надеюсь убедить вас, что наши помыслы направлены в конечном счете к благу.

Полынова передернуло.

— Нет!

— Подумайте как следует, подумайте. Нам не к спеху. Договоримся, что я не слышал сейчас вашего ответа. Подумайте и, если угодно, попробуйте, насколько приятно... остановка дыхания.

Гюисманс встал, не выпуская сигары, поклонился.

— Приятных размышлений.

Он вышел, оставив Полынова в замешательстве еще больше, чем прежде.

Но на этот раз психолог быстро собрался с мыслями.

Со стороны могло показаться, что его больше всего занимают маникюрные ножницы, которые он вертел в руках. Но это была манера Полынова сосредоточиваться: большинству для размышлений помогает сигарета, Полынову — любая безделушка.

Пираты...

Он щелкнул ножницами.

Ладно, пираты. Глупо, дико, но факт. Он им нужен. Значит, есть шанс сохранить жизнь. Будет время, следовательно, возможность вступить с ними в борьбу.

Полынов удовлетворенно кивнул. Это умозаключение сомнений не вызывало.

Хорошо, но лечить бандитов? Видеть все мерзости и — молчать? Ведь не удержишься...

А если надо? Простая логическая задача. Вариант первый: снова выкрикнуть «нет!». Как просто, картинно, гордо... И совершенно бесполезно.

Вариант второй: «да». Без эмоций. «Да» — чтобы начать схватку. А если проигрыш? Жалкий конец. Но кто от этого в накладе? Никто.

Есть и третий вариант: все то же, но в конце — победа. Тогда поступок оправдан.

Если будет победа.

Если будет. И потому схема ошибочна. Его поражение коснется многих. Ведь человечество рано или поздно узнает о пиратах. Тогда его поступок будет выглядеть скорей всего так: малодушный трус, то ли он действительно хотел бороться, то ли просто спасал шкуру. Вполне логичное предположение. Земные гюисмансы ой как обрадуются, уж это несомненно.

Полынов зажмурился. Только теперь ему открылся весь ужас положения.

Он огляделся, по привычке ища книжную полку. Но ее здесь не было, да и чем могли помочь книги? Это не научная, а моральная проблема, и справочники тут бессильны.

И все же Полынов машинально перелистал лежавшую на тумбочке библию, единственную книгу, которая оказалась в каюте. «Во дни благополучия пользуйся благом, а во дни несчастья размышляй», — бросилось в глаза. С досадой Полынов перевернул страницы: «Бывает нечто, о чем говорят: «смотри, вот это новое», но это было уже в веках, бывших прежде нас».

Полынов отшвырнул пузатую книгу. Ему послышался вкрадчивый голос Гюисманса, цитирующий последние строчки.

Библия шлепнулась на стол, и звук ее падения слился с шумом за дверью. «Сюда», — послышался грубый голос. Дверь отлетела, толчок в спину швырнул внутрь комнаты девушку. Полынов едва успел ее подхватить. Дверь захлопнулась.

3. Крис

— Вы?!

— Я...

Полынов разжал руки. В глазах девушки бились тревога и радость. На подбородке запеклась струйка крови — час назад ее не было.

— Вас... били? — только и нашелся спросить Побынов.

— Меня? А что... — Она тронула подбородок. — Кровь? А, это я прикусила губу. Боялась разреваться... Пустяки. А вас... вы...

— В полном порядке, как видите, — пробурчал Побынов, совершенно не представляя, что теперь делать. — Что с остальными?

— Увели по одиночке. Меня последнюю. Я уж думала...

— Они по ошибке втокнули вас сюда. — Побынов шагнул к двери, чтобы постучать.

— Не надо! — девушка схватила его за руку.

— Почему?

— Как вы не понимаете! — В ее голосе было отчаяние. — Опять коридор и эти...

Объяснений не требовалось, достаточно было заглянуть ей в лицо, но Побынов колебался: какую цель преследовал Гюисманс, помещая их в одной каюте? Тут что-то крылось.

— Но вам самой будет лучше с...

Она перехватила его невольный взгляд.

— Да не все ли равно! И вы... — Она насупилась. — Нет, не все равно... С вами лучше. Вы не будете причитать, как наши... — Она вскинула голову. — Хотите, я стану на колени?

— Что ты, деточка! — опешил Побынов.

— Не называйте меня деточкой! Я взрослая и вообще... — Она топнула ногой. — Представьте, что я ваша сестра. Ну и все....

«Н-да, — подумал Побынов, — не слишком ли это много; впрочем, девчонка права, сейчас не до пустяков, а она, похоже, с характером, бросилась закрывать меня, глупая, ну, ничего, обойдется; но хотел бы я знать — зачем ее сюда, нелепо... Хотя... чем больше нелепостей, тем труднее что-нибудь понять, в этом есть расчет... Ну, посмотрим еще, кто кого...»

— Ладно... — Он опять не знал, что сказать. — Как вас зовут?

— Крис. И можете говорить мне «ты». И ругаться, если хотите.

— Почему — ругаться?

— Не знаю. — Она рассеянно огляделась. — На всякий случай.

Она скинула туфли — теперь она не доставала Польшу до плеча, — вспрыгнула на кровать, резким движением головы отбросила со лба челку, уместилась поудобней. Чисто женская особенность в любой обстановке уметь не принужденно устраивать вокруг себя подобие уютного гнездышка.

Она притихла. Польша как дурак стоял посреди каюты.

— Что будет с нами? — вдруг быстро спросила она. В ее широко раскрытых глазах снова был страх. Но уже смягченный, словно она оторвалась от испугавшей ее книги.

— Сам бы хотел знать, — буркнул Польша.

— Вот никогда не думала, что попаду в плен к пиратам. А вы кто: бизнесмен, инженер?

Польша объяснил.

— О! — теперь в глазах Крис был восторг. — Тогда мы спасены.

— Да почему?!

— Очень просто. Вы умеете гипнотизировать, да? Входит бандит — ну, с обедом, что ли, — вы усыпляете его, лайтинг ваш, мне пистолет (я умею стрелять!), мы захватываем рубку и...

Польша рассмеялся.

— Чему вы смеетесь? Я сказала глупость?

Польшу стало легко и просто. Редко, но встречаются люди, чьи слова — самые обыденные — всегда непосредственны и свежи. Секрет не в словах, даже не в интонации:

в раскованности чувств, когда ничто не мешает им тотчас отразиться во взгляде, в мимике лица, в движениях.

— Нет, Крис, просто у тебя преувеличенные представления о способностях рядового психолога.

...Не объяснять же ей теорию гипноза. Правда, он слышал об исследователях, которым будто бы удавался мгновенный гипноз. Их бы сюда... А его способности, увы, ограничены, кто же знал... Впрочем, она права: и они могут пригодиться...

— Жаль. А то как было бы хорошо... Но мы придумаем еще что-нибудь, ладно?

— Обязательно, Крис.

Уже через полчаса Полынов знал о девушке все или почти все. Как ей осточертел колледж и сонный городок Санта-Клара; как она заставила отца позвать ее к себе на Марс; как она трусила при старте; какой у нее был великолепный друг — овчарка Найт; почему она не любит транзисторы и мальчишек и почему не может жить без конфет; что, по общему мнению, у нее несносный характер; что она мечтает стать зоологом; что ее любимые писатели Хемингуэй, Чехов и Экзюпери, а политики она терпеть не может, потому что там все обман; а дураков она жалеет, они убогие; ненавидит людей, которые воображают себя «прелестным пупом земли» (сокращенно ППЗ); последнее произведение Гордона она еще не читала (как, вы ничего не слышали о Гордоне?!), а смерти она не боится, так как почему-то уверена, что с ней ничего такого случиться не может...

Она не стремилась излить душу, ее спрашивали, она рассказывала. Полынова все больше изумляла выносливость ее характера; недавнее потрясение как будто совсем на ней не отразилось, она оставалась самой собой — непосредственной, решительной, угловатой. Полынов отдыхал, слушая ее, улыбался ее наивностям и думал, что у нее счастливый характер. Ему начало казаться, что он знает ее давным-давно и

жаль, что она ему не сестра. И что сомневаться не приходится — Крис не могла быть орудием Гюисманса, потому что за короткий срок превратить такое существо в шпиона нельзя.

Вскоре он, впрочем, заметил свою ошибку: потрясение для Крис вовсе не прошло бесследно. Ей стало холодно, она натянула на себя одеяло, ее знобило. Духовная выносливость у ней явно превосходила физическую, а уж если он чувствует себя разбитым...

— Спать, — оборвал он ее. — Мне и тебе нужно отдохнуть.

— Но у нас же нет плана освобождения! И вовсе я не устала. — Она упрямо выпятила свой маленький подбородок.

— Зато я устал, — сказал Полюнов.

— Ну, раз так... Я тоже устала.

Она свернулась калачиком и закрыла глаза.

Полюнов долго лежал на спине, вслушиваясь в сонное, но неровное дыхание девушки, — несколько раз она вскрикнула — и думал, что теперь на его совести еще и чужая жизнь, а это много тяжелей, но и легче, потому что есть союзник. И что, будь здесь еще хотя бы Бергер, который парень что надо, хотя и фанфарон, бандитам бы не сдобровать, потому что три неглупых человека, объединенных одной целью сильнее десятка бандитов. Но сожалеть о несбывшемся нечего, надо думать, как использовать единственное свое оружие — знания, чтобы стать сильнее лайтингов, сильнее Гюисманса, который тоже отнюдь не глуп и который тоже владеет психологией.

Каюта слегка подрагивала от гудения двигателей. Пираты не форсировали работу реакторов — это было заметно по тону гудения. Похоже, они не сомневались, что розыск запоздает и они успеют скрыться в поясе астероидов, где хоть

десять лет ищи — ничего не найдешь. У них великое преимущество перед пиратами прошлого, потому что просторы океанов Земли ничто перед просторами космоса. Их бандитизм не столь уж глуп и рискован. Еще два-три таких abordaja пройдут безнаказанно. А потом? Потом возвращение украдкой на Землю. Есть такие способы. Вереницы трупов будут вечно плавать в космосе, а их и след простынет. Солидные господа с миллионами в кармане будут нежиться под теплым солнцем морских курортов, и никто не узнает, не крикнет, что рядом с ним за столиком сидит убийца.

«Полно, не теряй чувства меры, — сказал себе Полинов, — так не будет, ты это знаешь. Одними трупами пассажиров они не обойдутся, будут еще жертвы. Неужто эти остолопы не понимают, какая мина тикает возле каждого из них? Кто понимает, а кто и нет — вот в чем фокус... Отлично, этим надо суметь воспользоваться. Этим нужно воспользоваться во что бы то ни стало».

Вот и прекрасно, а теперь спать. Сосредоточься на воспоминаниях детства, это помогает. Бревенчатый домик, тепло нагретой земли под босыми ногами... Пыль, мягкая, как подушка. Скрип неторопливой телеги... Если бы кто-нибудь шепнул ему тогда, что с ним будет, он бы просто не понял, этот смуглый исцарапанный парнишка, Андрюша Полинов... К черту, не думай об этом, думай о хорошем. О том, как они выходили ловить падающие звезды... Нельзя! Нельзя вспоминать небо, каким оно было когда-то. Нет больше на земле изб, телег, босоногих ребят, не подозревающих, что их будущее прочно связано со звездами. Отсечено временем, необратимо; они — первое поколение, которому уже не дано вернуться в страну детства и найти ее неизменной. Они родились в мире, меняющемся слишком быстро. Они сами этому способствовали как могли, задыхаясь на бегу, мечтая о будущем, настигая его. И глупо сожалеть, что их короткая

жизнь вместила целые эпохи, изменения, бывшие прежде уделом нескольких неторопливо тянущихся веков. Они построили совсем неплохой новый мир, и не о чем жалеть, не надо, нельзя.

Вскрикнула во сне... Нет, не проснулась. Молодость. Какая она теперь? Он не всегда их понимает, молодых, а он вовсе не стар. Странно, что молодость Крис постижима для него. Ведь их разделяют годы, воспитание, национальность, взгляды. Или обстоятельства убрали шелуху и открылось то вечное, постоянное, что соединяет поколения всех уголков Земли? Должно быть, так.

Однако он хорош. Бойцы, герои в такой ситуации такими не бывают. Если верить соответствующим романам, конечно. Те железные; они не устают, они действуют, стреляют, побеждают. Их не мучает бессонница, они не размышляют над связью поколений, моральные проблемы решаются ими с заведомой легкостью. Хотел бы он сейчас быть таким. Затем, чтобы уснуть хотя бы.

Следующий день, однако, не принес заключенным ничего нового. И следующий за ним тоже. О них словно забыли. Трижды с завтраком, обедом и ужином появлялся кто-нибудь из бандитов. Всегда вдвоем, ни слова в ответ на попытки Плынова разговаривать их. Телевизор выключили, и оба пленника как будто очутились на необитаемом острове. Полное неведение, тишина и спокойствие, когда нервы напряжены, угнетали, и Плынов подозревал, что не тревожат их сознательно. Впрочем, его это не слишком волновало: если космос чему-нибудь и обучил его, так это умению ждать, не расслабляясь. Он беспокоился только за Крис, но она сама угадала опасность раньше, чем он ожидал, да так, как он и предвидеть не мог.

— Кажется, они решили взбесить нас бездельем, — выпалила она после того, как они битый час впустую обсуждали

шансы на спасение, уже начиная повторяться.— И я чувствую... Не хочу больше слышать о пиратах. Их нет. Надо придумать, как сделать, чтобы я и вы о них забыли. Вот.

Она вдруг нахмурилась. Побынов уже привык к мгновенной смене выражения ее лица, к быстрым поворотам ее настроения, но сейчас на него в упор смотрела незнакомая дикарка, испуганная неожиданной мыслью.

— Конечно... — с трудом проговорила она, — я слышала, самое простое, когда мы... когда нас... Ну, чтобы я обняла вас! Не могу... Ну, понимаете... без... без всего... Дура, я же знаю, завтра и этого может не быть, многие и просто так это делают, подружки надо мной смеялись еще там, на Земле, но... но...

— Глупышка, — тихо сказал Побынов, — глупышка... — Ему захотелось погладить девушку, как гладят плачущего ребенка, но он боялся встать, чтобы не спугнуть ее. — Выбрось из головы эту муть. Никогда нельзя делать того, чего не хочешь, никогда, даже если это кажется нужным, даже когда обстоятельства берут за горло, даже если убедишь себя... Скверно получается. А мы еще будем жить долго, назло всему. Я знаю, у меня так было, когда...

И он внезапно для себя стал рассказывать то, что он не рассказывал никому: то, как было с ним однажды, когда двое ждали неизбежной, казалось, смерти, а он был молод; то, что он потом вспоминал со стыдом, хотя никто ни в чем не смог бы его обвинить, даже если бы желал. Никто, кроме совести. Крис слушала — внимательно, освобожденно, кивая головой. Потом облегченно сказала:

— Я думала, со мной одной такое... Боялась, что не поймешь и скажешь: «вот дура».

— Все думают, что с ним одним бывает такое, — вздохнул Побынов, успокаиваясь, — только не все поступают одинаково. Некоторые берут медь вместо золота из страха, что золота

не будет. А потом бывает поздно. И я успел частичку себя разменять вот так... Знаешь, Крис, — вырвалось у него, — когда я в твои годы читал великих писателей, по-настоящему великих, изображенные ими страдания души иногда ужасали меня, иногда вызывали недоумение, иногда забавляли. Но я не чувствовал своей близости к ним. Мучается Гамлет. Интересно, но какое отношение это имеет ко мне? Ведь это было давно и с другими, сейчас не те времена, да и я не Гамлет. Я так думал чистосердечно, и, знаешь, это ощущение моей отрешенности от душевных мук других приподнимало меня. Я сверху вниз смотрел на всех этих гамлетов, донкихотов, карамазовых. Не знаю, чего здесь было больше: инстинкта, сберегающего от потрясений, нравственной слепоты или желания быть неуязвимым. Ты понимаешь?

— Кажется. — Крис задумалась, рассеянно теребя прядь волос. — Нет, не совсем. Не хочу, чтобы жизнь была такой, как в этих книгах. Так переживать — это жутко!

— Наше положение не менее жуткое.

— Но ведь мы не страдаем так... ну, как у Достоевского...

— Может быть, потому, что мы проще, примитивней, железобетонней, чем у Достоевского? Или цельней?

— Не знаю... Все это так сложно и трудно. Я бы не могла так. Читая Достоевского, я радуюсь, что это не со мной. Я эгоистка?

— Нет, пожалуй, здесь не то.

— А что же?

— Я и сам себя спрашиваю: что же? Я вот почти уверен, что предводитель наших пиратов читал больших писателей. А он подлец и убийца. И он не человек, потому что он не видит себя в других.

— Может, он отнесся к литературе как к вымыслу?

— Возможно, что для многих это спасительная мысль. Что не литература следует за жизнью, а жизнь за литературой.

Так проще и уютней. Надо лишь запретить, уничтожить, сжечь вредные книги, и жизнь тотчас станет простой, ясной...

— И бесчеловечной.

— И бесчеловечной. Но первопричина не в этом, а в общем строе воспитания. В том, какая связь объединяет людей. В классовых отношениях. Это основа.

— Классовые отношения? Это я понимаю плохо. Есть хорошие люди, есть плохие. Дураки и умные. Люди с совестью и без. Богатые и бедные? Чем богатые — сердцем, умом, деньгами? Это важно.

— Конечно, важно. Но пока есть хозяева, есть рабы, верно? Пока один может приказывать другому «думай так, а не иначе, поступай так, как я хочу», рабская психология неистребима, так?

— Я не люблю догм, а у вас все разложено по полочкам: это правильно, это неправильно, это хозяин, это раб, это уничтожить, а то пусть живет...

— Крис, я забыл, что в ваших колледжах проходят курсы «коммунизма».

— Как ты можешь думать, что я верю всяким глупостям! — Глаза Крис яростно сверкнули. — Это я сама так считаю! Один человек не равен другому, нет этого в жизни, нет, и полочек тоже нет, и хватит об этом, весь мир на этом помешался! Слышать не хочу!

«Да, — подумал Плынов, — самое трудное, чтобы тебя понимали правильно. Когда человек слышит только самого себя, тут и появляются полочки, ящички, этикетки. Как в аптеке: здесь яд, здесь лекарство... Нет, в аптеке знают, что всякое лекарство — это яд, и яд — лекарство, все зависит от того, как, чем и в каких дозах пользоваться. А вот он сказал очевидную вещь, истину, и в ответ возмущение, восстание души, столь близкой ему, казалось бы. Плохой он психолог, все мы никудышные психологи, нам учиться и учиться,

а мы вместо этого торопимся учить. Потому что некогда, потому что надо спешить, потому что другие учителя не ждут — выходи на бой таким, каков ты есть, ничего другого не остается. И, сомневаясь в своих силах, борись, будто сомнения тебе чужды, иначе все увидят твою слабость, и тогда — конец».

— Ежик, спрячь иголки, — просительно сказал Полинов.

Крис фыркнула, улыбнулась, опять фыркнула и теперь уже рассмеялась.

— Я говорила, что у меня скверный характер. — В ее голосе слышалась гордость. — Но я больше не буду ежиком, буду пай-девочкой. Расскажи о себе.

Она подперла подбородок кулачком.

«Не хочу ее воспитывать, — сказал себе Полинов. — Хочу смотреть, как она хмурится и смеется, как она лежит, как молсдо каждое ее движение, как непосредственно и красиво все, что она делает. Ведь больше в жизни у меня скорей всего ничего хорошего не будет. Вообще ничего не будет. Совсем».

Лежа на спине и закрыв глаза, Полинов стал вслух вспоминать. Он снова видел злополучный марсианский песчаный прибой, его обжигали пламенеющие ураганы Венеры, фантомы Меркурия опять плясали за стеклом вездехода, он снова тонул в ужасном болоте Терра Крочи. Он сам удивлялся тому, что пережил, это казалось невероятным, он много раз должен был погибнуть, и вот же цел, как ни странно.

Он приоткрыл глаза, искоса взглянул на Крис. Она слушала, как дети слушают сказку, — приоткрыв рот, и трудно было поверить, что недавно она спорила о вещах, от которых у стольких мудрецов болит голова. Полинов почувствовал, как к нему возвращается уверенность.

Дни заключения тянулись долго, но пролетели они быстро. И когда вошедший охранник, не тратя слов, кивнул По-

лынову на дверь, обоим показалось, что они ничего не успели сказать друг другу. Оба вздрогнули от неожиданности, хотя ожидали этого каждую минуту.

Крис вскочила босиком, ткнулась лбом ему в грудь, порывисто обняла, неумело мазнула губами по щеке.

— Ты вернешься, — глухо сказала она. — Вернешься.

Полынов притянул ее за плечи.

— Хорошо.

Охранник цинично захохотал.

Полынов шел, подняв голову, по коридору, пустому, как и салон, который они миновали. Там больше не гремела музыка, тени танцующих не скользили в зеркалах. Там, среди небрежно сдвинутых стульев, поселилось молчание. С прилавка бара исчезли бутылки, полки как вымело, лишь яркая этикетка от ликера подрагивала на голой доске в токе воздуха, словно пытающаяся взлететь бабочка. Чавкающий звук магнитных присосок замирал при каждом шаге встревоженным шепотом.

— Налево! — Даже охранник командовал вполголоса.

Полынов свернул к рубке. Из нее вышел какой-то человек.

— Бергер! — Полынов узнал пилота.

Тот споткнулся. Полынов видел, как покраснела его шея.

— Бергер!

— Но, но, не велено, — лениво сказал охранник, но Полынов уже поравнялся с Бергером.

Пилот отвел взгляд и торопливо зашептал.

— Тактика требует... Соглашайтесь, соглашайтесь... Они настроены решительно, но объективно... Мы должны держаться вместе.

Он ускорил шаг, втянув голову в плечи. Это было так не похоже на энергичного швейцарца, что Полынов приостановился.

Толчок в спину заставил его очнуться.

Как и тогда, на двери рубки горела рубиновая надпись «Посторонним вход воспрещен». Пологинов переступил порог.

Как и в тот раз, в рубке было полутемно, тлели лишь фосфоресцирующие шкалы приборов. Мощностъ обзорного экрана была доведена до предела, и в рубку заглядывали тысячи немигающих звезд, собранные посредине в искрящийся жгут Млечного Пути.

Кресло первого пилота повернулось, и Пологинов увидел Гюисманса. Звездный свет очерчивал длинный костлявый лоб, тонкий нос, запавшие щеки, оставляя в темноте провалы глазниц. Второе кресло пустовало, но на сиденье не успел стереться отпечаток чьего-то грузного тела. «Неужели Бергер?» — подумал Пологинов.

В углу слабо шевельнулась фигура в черном, блеснуло дуло лайтинга.

— Садитесь, Пологинов. Утешились наконец? — В вопросе таилась насмешка.

Пологинов сел, исподтишка бросил взгляд на пульт управления.

Ручка экстренного торможения слишком далеко — рывком не дотянуться. Да и глупо: двенадцать «же» не смертельны, а вот выстрел в спину...

— В ваших планах, — Пологинов твердо решил завладеть инициативой, — есть одна неувязка, опасная для меня... и для вас.

— Любопытно, любопытно, — с иронией сказал Гюисманс. Его глаза блеснули из темноты провалов. — Просветите.

— Рано или поздно вам придется вернуться на Землю, потому что в космосе награбленные богатства вам ни к чему. Так?

— Допустим.

— И тогда вы будете вынуждены кое-кого из своей шайки ликвидировать. Может быть, его. — Он кивнул в сторону забывшегося в угол стража.

— Это почему?

— Вам непонятно? Удивительно. Кто-нибудь обязательно проболтается о ваших похождениях. И тогда вам крышка. Вам придется убрать ненадежных, чтобы этого не случилось. Меня уж во всяком случае. А может, и вас уберут, ведь свалки вам не избежать.

Полынов испытующе посмотрел на Гюисманса, ожидая его реакции.

— Вполне логично. — Гюисманс утвердительно наклонил голову и обхватил руками колено. — Но вы не учли одного обстоятельства, которое сводит на нет ваши безупречные построения.

— Какого? — вопрос прозвучал беззаботно.

— Об этом мы поговорим, если вы скажете «да».

Полынов встревожился. Удар не достиг цели. Но почему? Притворство? Нет. Полынов готов был поклясться, что нет.

— Пусть так, — сказал Полынов. — Но уж коли вы предлагаете мне сделку, я вправе поставить свои условия.

— Забавно. Я обещал вам жизнь, чего еще вам надо?

— Во-первых, мне нужна гарантия безопасности всех пассажиров и всех членов экипажа. Во-вторых, карты на стол!

Гюисманс язвительно засмеялся.

— Да вы юморист, Полынов! Вы абстрактный гуманист! Безопасность своих противников, ха-ха... Ведь сенаторша, троечка миллионеров и прочая шваль враждебны вам, коммунисту, — разве не так?

— Это мое дело. Вы принимаете условия?

— Не смешите меня. Право, я уже достаточно повеселил-

ся. Вот что. Я реалист. Карты на стол? Что ж, возможно, это зависит от вас. Пассажиры вас не касаются, запомните. Единственное, что я могу вам обещать, — это безопасность одной симпатичной девочки. Вы понимаете?

Полынов вздрогнул. Вот оно. Ловушка. Видимо, он им здорово нужен. И Крис. Крис — заложница.

— Давайте все поставим на свои места, — Гюисманс наклонился к нему, стараясь разглядеть выражение его лица. — Должен предупредить, что эта девочка — она мила, не правда ли? — законная добыча Большоголового. Такова плата за его участие в наших делах. А у Большоголового дурацкая привычка любить девушек, мучая их. Он сноб и растягивает это удовольствие. Закон на Земле почему-то не раз уже придирался к нему за эту невинную слабость. Так что поймите, речь идет не об одной вашей жизни, а о двух. И даже кое о чем большем, чем жизнь. Такое условие вас устраивает?

У Полынова перехватило дыхание. Гюисманс самодовольно улыбался, приближая лицо все ближе и ближе. Полынов отчаянным усилием подавил желание сдавить эту тонкую жилистую шею.

— Требуется нашатырный спирт? — промурлыкал Гюисманс.

Отвести взгляд, иначе не выдержу. Звезды. Тысячи родных и близких звезд, вечная природа — какую гадость ты рождаешь! Расслабиться. Побольше отчаяния. Пусть думает, что раздавил меня.

— Хорошо... Я принимаю... Я вынужден...

— Согласны быть у нас врачом? — быстро спросил Гюисманс.

— Да.

— А может, и от убеждений заодно отречетесь, а? Ну, ну, я пошутил. — Гюисманс замахал руками, поняв по вы-

ражению лица Плынова, что переиграл. — Все и так славнo устроилось. Коньячку по такому случаю, как?

— Нет.

— Тогда партию в шахматы, как встарь?

— Сoгласен.

— Отлично!

Гюисманс щелкнул пальцами. Охранник исчез. Гюисманс отодвинулся от Плынова, положил руку в карман, на-прягся.

— Зря, — сказал Плынов. — Не буду я вас душить, если вы сдержите слово.

— Мое слово — закон, и не мне вас бояться, — над-менно сказал Гюисманс, но рук из кармана не вынул.

Принесли шахматы, и они сели играть. Плынов рассе-янно двигал фигуры, зевнул ферзя и проиграл, что и вовсе улучшило настроение Гюисманса.

— Да, кстати, — сказал он напоследок, — видите?

Он извлек из кармана маленькую коробочку и потряс ей.

— Вы догадываетесь — это магнитофон. После соотве-тствующего препарирования наш разговор попадет в общую катушку информации. Единственную, которую сможет полу-чить человечество в случае нашей неудачи. Если вы помните, некоторые места нашего разговора просто великолепны. На-пример: «Согласны быть у нас врачом?» — «Да». — «Тог-да партию в шахматы, как встарь?» — «Согласен». Я с ва-ми совершенно откровенен и прошу вас о том же.

Когда Плынов вернулся в каюту, Крис бросилась к нему, подпрыгнув, повисла на шее, плача и бормоча:

— Цел, цел...

«А поймет ли она мой поступок?» — со страхом спросил он себя, уклоняясь от шквала обрушившейся на него ра-дости.

4. База пиратов

Он рассказал все без утайки, умолчав лишь о Большоголовом и о ее собственном незримом участии в торге. Она слушала, сдвинув брови, уперев свой маленький упрямый подбородок на сцепленные пальцы, и он ничего не мог прочесть в ее взгляде — ни укора, ни одобрения. Одно лишь доверчивое внимание. Но его постепенно сменяло отчуждение.

Полынов даже застонал. Бог мой, если бы ты была мужчиной, я бы знал все твои мысли наперед. Но такой вот ребенок — загадка...

Он хотел удержаться от оправдания и не смог.

— В истории моей родины, я читал, был однажды такой случай. — Полынов старался не смотреть на Крис. — Тогда на Русь навалилась мощная и беспощадная сила — татары. Они подмяли все и всех. А потом хан вызвал к себе одновременно двух князей. Перед аудиенцией, от которой зависело многое, оба должны были пройти мимо очистительных костров. Это не было издевательством, нарочно придуманным для унижения князей. Просто ритуальный обряд. Первый князь прошел через огонь. Второй отказался, и ему отрубили голову. Людская память не запомнила его имени. А того, который прошел сквозь огонь и выторговал у хана сносный мир, знают и теперь. Это Александр Невский, победитель шведов, немецких рыцарей, наш национальный герой. Он поступил...

— Как благоразумный человек, я понимаю, — перебила Крис. — А если бы его уступка оказалась ни к чему, кем бы он стал тогда?

— Со стороны легко судить. — Полынов отвел взгляд. — Очень.

Он прошел, не глядя на Крис, в ванную. «Да, надо умы-

ться — сказал он себе, — полегчает». Он с отвращением посмотрел на себя в зеркале. Кричи от бессилия, кричи, на-шел, где искать самооправдание, — у бескомпромиссной юности. Тряпка. Он-то думал, что его сила всегда с ним! Оказывается, львиную часть ее он брал займы у других. Неужели сам по себе он так мало стоит, когда рядом нет друзей? Хороший урок, справедливый урок.

В зеркале Пологинов заметил Крис. Девушка подошла беззвучно. Пологинов заставил себя улыбнуться так, как нужно. Мужественная, уверенная улыбка старшего, знающего, как и что делать. Спокойная, ободряющая улыбка.

— Не надо! — вдруг сказала Крис. — Я... Я не хотела... не хотела обидеть...

Она потупилась.

— Ну что ты, — беспечно сказал Пологинов.

— Я только хотела... — Она вскинула голову и с вызовом посмотрела на Пологинова. — Я хотела сказать, что у нас больше нет выбора, что мы должны победить! Вот...

Пологинов хотел что-то сказать, но вовремя понял, что говорить ничего не нужно. Он протянул руку, и Крис доверчиво вложила в нее свою.

Заключение продолжалось. Никто не беспокоил Пологинова ни как пленника, ни как врача, только приносящие еду охранники сделались разговорчивей то ли из-за скуки, то ли из-за отмены приказа молчать.

Чаще всего появлялись двое, словно подобранные нарочно по контрасту. Сначала, загораживая собой дверной проем, входил беловолосый, белозубый англо-сакс: наметанным взглядом наглых серых глаз он обшаривал каюту и лишь тогда пропускал нагруженного судками низкорослого человека с лицом смуглым, как обожженная глина, и столь же бесстрастным. Сомкнувшиеся густые брови придавали ему мрачный вид. Пока он ставил на стол тарелки и судки, Гре-

гори — так звали белого гиганта — стоял у входа, почти подпирая головой потолок. Широко расставив ноги, он небрежно поигрывал лайтингом, словно невзначай наводя дуло то на Полынова, то на Крис. На суетящегося смуглолицего Амина он поглядывал с нескрываемым презрением, а однажды, когда тот уронил вилку и наклонился, лениво наподдал ему ногой под зад, так что тот въехал под стол. Это несказанно развеселило Грегори, но, по-видимому, совсем не задело жертву.

Полынов пользовался любым случаем, чтобы разговорить эту странную пару. В отношении Амина успех был невелик. Казалось, ничто не заботило, не волновало этого неграмотного забитого крестьянина, словно вырванного из средневековья и волшебством перенесенного на ультрасовременный космический лайнер. Ничто, кроме беспрекословного и точного исполнения полученного приказа.

Мир Грегори был куда шире. Похохатывая, тот с удовольствием вспоминал неокOLONиальные войны, в которых участвовал, бесчисленные кабачки, в которых пил, жрал и любил. Единственное, что его восхищало на свете, — это он сам. Он гордился своими мускулами, своими похождениями, своим бесстрашием и своей жестокостью так, что Крис кипела от возмущения. Она никак не могла понять, почему Полынов с охотой слушает всю эту мерзость.

— Это же профессиональный интерес, — отшучивался он. — Любопытный экземпляр человека разумного, разве не так?

— Просто бандит.

— Второй, Амин, тоже бандит. Однако какая разница! И какое сходство!

— Не верю, что Амин бандит. Он такой несчастный!

— Если ему прикажут задушить ребенка, он это сделает, твой несчастенький.

— Не верю!

— Хотел бы я ошибиться... Ты права, сам он этого не делает. Как не сделает автомат, пока в него не вложена программа.

— Он человек, а не автомат.

— Человек, который равнодушен к издевательствам, уже не человек.

— Мне противны твои расспросы этих... Мне неприятно, как ты говоришь о человеке, словно это машина...

— Нет, Крис, тебе противно, что я при тебе лезу в дерьмо. Но я буду делать это. Я буду стараться, чтобы Грегори со вкусом рассказывал мне, как он жег деревушки вместе со стариками и женщинами. Я буду вслушиваться в молчание Амина, которое пугает меня не меньше, чем открытость Грегори. Так надо.

— Тогда позволь мне затыкать на это время уши.

Но Крис была неспособна долго злиться, и утраченная на время духовная близость возвращалась к ним вновь, и это помогало им держаться все дни, пока длилось заключение и одиночество, не теряя самообладания, не поддаваясь бесцельным мыслям в часы, когда со всех сторон подступала тишина, изредка прерываемая звуком близящихся шагов.

Наконец корабль стал тормозить. Плавные толчки наваливались попеременно со всех сторон, звездолет бросало, и это длилось часа три. Потом рев двигателей смолк. Плынов подкинул пепельницу; она, однако, не повисла в воздухе, а медленно опустилась на стол.

Плынов и Крис обменялись взглядами. Оба подумали об одном и том же: чем их встретит пиратское гнездо?

Они ждали, прислушиваясь к шуму, топоту, невнятным голосам, наполнившим корабль. О них словно забыли. Лишь когда все стихло, в каюту просунулась бычья голова Грегори.

— Выходи.

— Как называется астероид? — Побынов встал.

— Рай господа-бога. — Охранник мрачно выругался.

Побынов еще надеялся мельком увидеть хоть кого-нибудь из пассажиров. Но нет: их вели по пустому кораблю. В шлюзовой, сопровождаемые Грегори и Амином, они натянули скафандры. Охранники тоже оделись. Улучив момент, когда Грегори защелкнул шлем, Побынов быстро спросил Амина:

— Остальные?

— Аллах хранит всех, — почти не разжимая губ, отозвался Амин.

Створки шлюза неторопливо разошлись. Такого не видел даже Побынов: в звездной бездне двигались три маленькие луны, похожие на осколки разбитого зеркала. Прямо за люком лежала черная громада астероида, очерченная зубчатым венчиком пылающих скал. Огни перепрыгивали с вершины на вершину, словно зажигались каменные свечи. Побынов поспешно опустил светофильтр и отвернулся, когда из-за края вынырнул разящий сегмент солнца. Он успел заслонить ладонью глаза Крис. В наушниках загредел хохот Грегори: неопытный Амин забыл опустить светофильтр и теперь корчился от рези в глазах.

Пока они спускались, поверхность астероида, над которой взлетало солнце, успела превратиться в хаос слепящих и черных плоскостей, линий, ломаных пятен, раскаленных граней, теней провалов. Но у Побынова был тренированный взгляд: в кажущейся бесформенности пейзажа он с удивлением обнаружил признаки каких-то циклопических сооружений, явно построенных человеком. Более того, откуда-то вырывались струйки газа; мерцающим шлейфом они опоясывали астероид.

Он хотел пристальной разглядеть эти странные построй-

ки, имеющие, по-видимому, какое-то отношение к химии, но спуск по трапу занял секунды, а дальше их повела дорога, загороженная с обеих сторон глыбами, так что он мог видеть лишь серебристые пряди газа, сквозь которые просвечивали щербатые луны.

Дорога подошла к подножью высокой скалы и нырнула в толщу камня. В своде тотчас вспыхнули лампочки, еле различимые после бешеного сияния солнца. Тоннель, круто уходя вниз, уперся в массивные ворота. Грегори поднял руки.

— Именем всевышнего!

Створки ворот ушли в стену.

«Ну и пароль!» — подумал Побынов.

Шлюз походил на пещеру, только пол был металлопластиковым. Магнитные подковы ботинок тотчас присосались к нему, и люди снова ощутили некое подобие веса.

— Метеориты часто падают? — спросил Побынов, стягивая шлем.

— Хватает, — буркнул Грегори, освобождаясь от скафандра.

— Тогда вы неразумно поступили, вытащив свое хозяйство на поверхность.

— Какое хозяйство? А, завод... Это не моя забота.

— Чья же?

— Бросьте, док. — Грегори испытующе посмотрел на психолога. — Спирт у вас в аптечке есть? — вдруг без всякого перехода спросил он.

— Спирт? Не знаю... А что?

— Я знаю, что есть. Дадите?

— С разрешения или без?

— Умный человек, док, не задает таких вопросов.

В светлых глазах охранника не было ни тени смущения. Присутствие Амина его несколько не беспокоило. Но он явно торопился закончить разговор в шлюзе.

— По рукам или как?

— Заходите на прием — потолкуем.

Грегори энергично замотал головой.

— Не выйдет там разговора. Договоримся здесь.

— Почему не выйдет?

Охранник загадочно усмехнулся.

— Сами поймете. Решайтесь, док.

— Я сказал: потолкуем после.

Грегори посмотрел на Польшова, как на дурака.

Отшлюзовавшись, они спустились еще ниже по лестнице, выбитой в скале. На оборудовании подземелья явно экономили. Где только можно, камень оставался неприкрытым, и это придавало помещению сходство с феодальным замком. Если бы не удивительная легкость тела, яркий свет ламп, необычная геометрия ступеней, можно было подумать, что время повернуло вспять и что разыгрывается сцена из эпохи средневековья.

Польшов рассчитывал многое увидеть по пути, но все двери были закрыты, никто не попадался, база казалась вымершей. Несколько раз они останавливались перед герметичными переборками, рассекавшими коридоры, и всякий раз плиты уходили в сторону или поднимались вверх, как только Грегори, подойдя вплотную к стене, шепотом произносил несколько слов. Тревога Польшова росла. Это не пиратская база. Сооружение такой базы не окупят и десять ограблений. Пиратам ни к чему завод, что бы там ни выпускали. Сюда вложены безумные деньги. Но зачем, зачем? Какие зловещие планы крылись за всей этой чертовщиной? Чей преступный замысел породил это гнездо, могущее выдержать ядерный удар, этих бандитов, эту очевидную бессмыслицу с ограблением мирного лайнера и пленением его экипажа?

В камере, куда их втолкнули, было два стула из дюрале-

вых трубок, лампы дневного света под потолком, там же решетка кондиционера; матрацы, уложенные прямо на металлопластиковый пол. Стол отсутствовал. Да он и вряд ли уместился бы на таком крохотном пространстве.

Крис растерянно озиралась. Всю дорогу она держалась за Пологинова, явно подавленная новизной космического пейзажа, таинственностью базы, суровостью ее стен.

— Отсюда будет еще трудней...

Пологинов свирепо посмотрел на нее, и она осеклась. Движением брови он показал на потолок. За решеткой кондиционера что-то слабо поблескивало, и у Пологинова не было сомнений, что оттуда за ними наблюдает телеглаз, что спрятанная аппаратура ловит каждый шепот.

Крис печально улыбнулась, и Пологинов понял ее: отныне им придется угадывать мысли друг друга, если они захотят говорить о чем-нибудь серьезном.

Они сели друг против друга в унылом молчании. У них отняли последнюю свободу. Свободу общения, которой обладали даже узники концлагерей.

Слабо пискнул электромагнитный засов. Оба вздрогнули.

— Идемте, док.

Пологинов кивнул Крис. Та еле сдерживала слезы.

Грегори провел психолога в конец длинного бетонированного коридора. У поворота они остановились перед дверью под номером одиннадцать.

— Мне поручено проинструктировать вас, док, — сказал охранник. — Здесь ваше помещение. Дверь сюда открывается при слове «аптека», запомните. Особо ценные лекарства, — Грегори выразительно посмотрел, — в сейфе. Запор настроен на ваш голос, на слово «сезам», ясно? Дверь вашей камеры отпирает фраза «добрый вечер»...

— Значит, я могу выходить из тюрьмы?

— Разрешено. Обед с 13.00 до 13.30 в помещении под номером семь. Завтрак там же в...

— Тоже паролем открывается?

— Нет. В положенное время войдете беспрепятственно. А сейчас к вам придет...

Грегори покрутил пальцем возле лба.

Не успел Пологинов как следует осмотреть свое хозяйство, как послышались шаркающие шаги и порог больницы переступил хмурый, тощий мужчина в мятом лабораторном халате, из нагрудного кармана которого торчала отвертка-тестер. В открывшемся просвете двери Пологинов заметил удаляющуюся фигуру Грегори. Охранник громко напевал:

Далекий свет, далекий свет, далекий свет
Горящих сел
И звезд.
Залей вином, залей вином, залей вином
Горящий свет
Далеких сел
И звезд.

Вошедший сосредоточенно посмотрел на Пологинова, мрачно сказал «так», но остался стоять, поблескивая стеклами очков. Глаза умницы, полуприкрытые веками, бесцеремонно изучали психолога. На щеках незнакомца темнела траурная щетина, его засаленный галстук и несвежая сорочка были под стать всему облику.

— Так, — еще раз мрачно произнес он. — Эриберт, электрик. Главный! Так меня зовут. Ни одна сволочь меня тут не понимает, а вы?

— Садитесь, — сказал Пологинов. — На что жалуетесь? Эриберт загадочно усмехнулся.

— Бессонница, моя бессонница... Одна таблетка — не

сплю, думаю. Две таблетки — не сплю, мучаюсь. Три таблетки... Так и до могилы недалеко, верно? Никто моей болезнью понять не может, никто...

— Успокойтесь, я попробую понять. Вы еще будете спать сном младенца.

— Да? Разве тут уснешь сном младенца? — У больного саркастически скривились губы.

Он сел, как садятся усталые люди, сгорбившись. Его глаза за стеклами очков теперь не мигали, и это делало взгляд неприятным.

— Расскажите все по порядку, — попросил Пологинов, подкатывая диагностирующий аппарат.

— Нечего рассказывать, нечего. Был, жил умный глупец. Нанялся, прилетел. Бессонница. Вскоре. Некому лечить. Услышал о вас, вот пришел. Надеюсь, не веря.

Его монотонный голос тем не менее был полон выразительности, и Пологинов жадно прислушивался к интонациям: опыт психолога подсказывал, что сидящий перед ним больной не прост и его болезнь — тоже.

— Раньше в космосе были?

— Нет.

— Давно бессонница?

— Три месяца скоро, а будет—вечность. На зеленую травку бы...

— К прежнему доктору обращались?

— Нет. Боялся. Хотел сам справиться.

— Сами виноваты, что запустили.

— Конечно, сам. Верил, надеялся... Крах.

Пологинов укрепил на висках и запястьях его рук датчики, покрутил настройку. Результат его весьма заинтересовал.

— О земле думаете? — мягко спросил он.

— Земля...

Уголки губ Эриберта поползли вниз, лицо приняло мечтательное выражение.

— Земля... На земле — травка... Испортят.

— Нет,— твердо сказал Пологинов.

— Вы думаете? — Эриберт ожиллся.— Вы обещаете? Последние дни мне совсем плохо, некоторые думают, что я схожу с ума... Но я нет, я нормальный, верно? Только бессонница...

— Только бессонница,— как эхо отозвался Пологинов.— Не бойтесь, психика у вас почти в порядке. У вас редкое заболевание. Но работать вы можете.

— Я и так работаю. Специалисты тут незаменимы. Вы мне поможете?

— Конечно. Для этого я здесь и оказался.

— Спасибо. Лечить-то, лечить как будете?

— Я же сказал: случай необычный. Не все сразу. Пока я пропишу вам лекарство. Завтра снова покажитесь, мне нужно знать, как оно подействовало.

— Хочу верить...— больной впервые посмотрел на Пологинова с надеждой.

— Надо верить,— жестко сказал Пологинов.— Иначе я не гарантирую, что вы увидите травку.

— Травка... Зеленая травка... Я хочу, хочу...

Оживание прошло, Эриберт меланхолично тянул свое. Было похоже, что он бредит.

— Отставать! — Пологинов встал. — Больной должен помогать врачу, а не только врач больному. Возьмите себя в руки.

Эриберт тоже встал.

— Не кричите. Я возьму себя в руки. Мне очень плохо. На вас вся надежда. Если только она есть.

— Есть, не сомневайтесь.

Но сам Пологинов еще не был уверен в этом...

Он занялся осмотром хозяйства. Выбор лекарств был огромен, аппаратура тоже была отменная. Это его обнадежило. В ящике стола он нашел магнитопись своего предшественника, прослушал ее. Все пустяки: болели на базе редко. Одна ножевая рана при драке, вывих челюсти... А это что? «Острое отравление дисунолом»...— услышал он диагноз.

Дисунол... Дисунол... Он не слышал, чтобы в космосе применяли вещество с таким названием.

Полынов кинулся к справочнику врача. Любопытно. В справочнике о нем ни слова. Но между страницами заложен листок, в нем перечислялись симптомы отравления дисунолом, меры лечения. Типичная шпаргалка. Нет ли тут где-нибудь химического справочника? Нет.

А все-таки это название что-то напоминает. Что-то знакомое. Какой-то хорошо известный специальный термин.

Ну, конечно: дисан.

Дисан!

Полынов сел, постарался унять сердцебиение. Полно, он сходит с ума. Кому нужен здесь дисан? Чушь. Скорей всего виновато сходство слов, а производят здесь вовсе не дисан. И вообще, откуда он взял, что дисунол — продукт промежуточной реакции получения дисана? Ведь он не химик. Но что-то ведь производят на этом проклятом заводе! Если дисан — тогда это страшно.

Он не мог больше сосредоточиться, мысли разбегались. Слишком много неожиданностей. Удручающие казематы, электронная слежка, трудный разговор с Эрибертом, наконец, дисунол... Надо прогуляться, раз уж тюремщики предоставили ему такую возможность.

Узкий коридор с обоих концов, как и ожидал Полынов, был заблокирован массивными щитами, изолирующими его, а следовательно, и Полынова от остальной базы. Он по-

прежнему был пленником, и за каждым его шагом следили (Полынов заметил, что и в больнице и в коридоре находились глазки телеаппаратуры — их даже не постарались скрыть).

Полынов подумал, что его положение схоже с положением мухи, очутившейся под стеклянным колпаком. К тому же он не знал ни схемы базы, ни числа людей, ее обслуживающих, ни магических паролей, позволяющих передвигаться по ней беспрепятственно. Крис, бесспорно, права: предпринять что-нибудь в таком положении трудно, а по мнению тюремщиков, просто невозможно. Правда, если у них есть такая уверенность, тогда еще не все потеряно.

Неожиданно он увидел незапертую дверь. Секунду поколебавшись, он ее толкнул. И отшатнулся: из комнаты, вперив в него жуткий взгляд, смотрело кошмарное чудовище.

Полынов привалился к стене, ожидая появления либо охранников, либо чудовища. Но ничего не произошло: кругом было тихо, как в усыпальнице, лишь мигала, потрескивая, какая-то лампа. Любопытство, более сильное, чем страх, заставило Полынова снова заглянуть в комнату. И он зажал рот, чтобы не расхохотаться.

Каморка была уставлена восковыми фигурками каких-то чудовищ, порожденных горячечной фантазией, и людей, самых натуральных людей. Неизвестный художник был, несомненно, талантлив, он добился потрясающей силы впечатления. В каждой человеческой фигуре был запечатлен один какой-нибудь образ, словно коллекция была призвана демонстрировать самые высокие и самые низкие проявления характера. Здесь находились Святость и Низость, Любовь и Жестокость, Благородство и Подлость... Была тут и фигура Простого Среднего Человека: в меру добродушного, в меру благообразного, в меру себе на уме, не в меру оптимистичного и не в меру заурядного. Именно таким изображали Простого Сред-

него Человека телевидение, газеты, журналы, радио. Копии были, несомненно, удачными. Даже не одна копия, а три: Простой Белый Человек, Желтый Человек и Черный Человек. Восковой обыватель, вне зависимости от своей расовой принадлежности, улыбался широкой лучезарной улыбкой.

Полынову стало жутко, и он не сразу понял почему. Потом он сообразил — и в этом было какое-то колдовство: паноптикум жил. Выражение лиц менялось в зависимости от ракурса, от освещения. Глаза фигур пристально и бездумно смотрели на него. Он даже потрогал фигуры, чтобы убедиться в их искусственном происхождении.

Психолог не знал, смеяться ли ему, плакать или восхищаться этой гениальной подделкой под человека. Одно было непонятно: кому и зачем нужен такой музей? И случайно ли, что единственная отпертая дверь вела в маскарадную?

— Полынов, время вашего обеда истекает! Поторопитесь, если не хотите остаться голодным!

Голос прогремел откуда-то сверху. Психолог поморщился. Дурацкие приемы: ошарашить, сбить с толку, запугать. Но они дают эффект, это надо признать.

5. Карты на стол

Опустив голову, Полынов понуро побрел в столовую. Игра в кошки-мышки продолжалась, и он делал единственно возможный ответный ход. Пусть Гюисманса порадует его растерянность. Пусть все видят, как Полынов плетется к указанной ему конуре.

На одном из столиков его ждал обед. Никого больше в столовой не было. Она имела еще два выхода, но оба оказались наглухо закрытыми. Главной особенностью столовой был подъемный механизм для пищи. Нечто вроде

подноса на шарнирах, опускающегося сверху вниз. Полынов попробовал механизм, отвел «поднос» до отказа вниз, но ничего не произошло. Очевидно, кухня была расположена над столовой и еду опускали в люк прямо на «поднос», с тем чтобы обедающий брал все сам. Весьма примитивная автоматика, но ясно, что она предназначена не для него одного. Видимо, были серьезные причины ограничивать время его обеда; похоже, тюремщики отнюдь не горели желанием дать ему возможность встречаться с кем-нибудь за обедом. Но ведь пациенты могли приходить к нему беспрепятственно, в коридоре рано или поздно он встретится с кем-нибудь из охранников. Значит, здесь бывают заключенные. И все сделано для того, чтобы они не видели друг друга.

Полынов не ощущал вкуса еды, так были заняты его мысли. Каждый человек в той или иной мере мнит себя центром вселенной. Не надо заблуждаться, не надо. Вряд ли все эти ухищрения направлены против него одного. Это было бы просто неэффективно. Нет, здесь работает продуманная, заранее созданная система воздействия на личность. Если спокойно подумать, можно выделить главные ее особенности. Видимость всепокрушающей силы — обязательно; таинственность, окружающая ее действия, — непременно; кнут и пряник — конечно. Жертву надо запугать, сбить с толку, заставить потерять голову, раздавить — и тотчас бросить ей приманку. Пусть она для начала пойдет на мелкую сделку с совестью. Потом от нее потребуют предательства по крупней. И все, конец: система сработала.

Первое, похоже, сделано: он согласился лечить бандитов. И сделано умно. Противник использовал его собственный план борьбы. «Коготок увяз — всей птичке пропасть». До чего же это не ново!

Теперь стараются, чтобы он взвыл от непонимания, осознал собственное бессилие, запутался в догадках. Скоро ему

должны предложить новую сделку с совестью, пострашнее первой. А если он откажется — исчезнет последний шанс на продолжение борьбы, уж об этом позаботятся. А раз нет четкой границы между разумным компромиссом, тактической уловкой и малодушным предательством, его в конце концов подведут и к предательству. Как все дьявольски просто, какая стройная система, безотказно действующая тысячелетиями, от фараонов до Гюисманса! Только покровы меняются.

Но раз эта схема не нова, раз ее изобретатели жили еще при зарождении классового общества, должна существовать и схема контрдействий, тоже проверенная тысячелетиями.

Да, конечно, антисхема есть. И не одна даже. Есть схема Джордано Бруно. Не предал, не пошел на компромисс, не склонился — и погиб на костре. Но его пример, пронесенный через века, зажигал сердца мужеством и гневом. И рабство церкви развалилось в конце концов. Вот именно: в конце концов. У него, Польшова, нет в запасе исторической перспективы, нет толпы, на глазах которой он мог бы взойти на костер. Между прочим, это он уже сделал однажды: там, на корабле, дав отпор Большеголовому. Зажег ли он тогда чье-нибудь сердце?

Другой путь — путь Галилея, если угодно. Фальшивое отречение, фальшивое смирение — и борьба! Но опять для этого нужно время... Неужто история не знает других схем борьбы? Чушь, конечно, знает.

Только бы выяснить, какова цель действующей здесь системы. Узнать анатомию базы. Нащупать ее нервное сплетение.

В углу столовой что-то щелкнуло. Ворвался насмешливый голос Гюисманса.

— Теперь, когда вы сыты, самое время побеседовать, не так ли? Я честно выполняю условия нашего договора. Обе-

щал информировать — и информирую. Вы не откажетесь зайти?

— В моем положении смешно было бы отказываться.

— Хорошо, что вы это поняли. У дверей вас ждет Грегори. Да, учтите, у него есть слабость. Выпивка. Ни под каким видом не давайте ему спирт.

Динамик умолк.

«Что ж, — подумал Пологинов, — одно из моих предвидений оправдалось».

Грегори стоял у входа, засунув руки в карманы и уныло насвистывая.

— Скучаете? — небрежно бросил Пологинов.

Тот пожал плечами.

— Конечно, скучаете, — заключил Пологинов. — Надо будет поговорить с Гюисмансом и устроить вам какое-нибудь развлечение.

Охранник недоуменно посмотрел на психолога, но промолчал.

У двери № 13 Грегори наклонился и прошептал пароль. За дверью навстречу вела крутая лестница. Грегори пропустил Пологинова вперед. Виток за витком — они словно лезли на колокольню.

Наконец лестница завершилась площадкой, на которую выходила всего одна дверь. Грегори постучал, дверь автоматически распахнулась. Грегори остался на площадке.

— Входите, входите, дорогой мой.

Двухслойный стеклянный колпак, заменяющий одну из стен, открывал вид на серебристо-угольный хаос скал, кое-где расчищенных, чтобы дать место циклопическим кубам, замеченным Пологиновым еще при высадке. Сейчас из них не выбивался газ, но перламутровая пелена кое-где стлалась над скалами. Сквозь нее радужно мерцали звезды. Две луны с достоинством вершили свой путь, догоняя друг друга.

— Не правда ли, красиво?

Гюисманс, развалившись в кресле, сидел за массивным столом. Слева от него, поблескивая экранами и лакированными головками кнопок, находился пульт. Этот Гюисманс не был похож ни на вкрадчивого патера, ни на свирепого предводителя пиратов. Он лучился самодовольством. Величественным жестом Гюисманс указал Пылинову на кресло. Психолог сел.

— Так вы, я слышал, собираетесь развлекать наших ребят? — с плохо скрытой издевкой начал Гюисманс.

— Уж если я согласился быть у вас врачом, мой долг следить за здоровьем людей. А есть признаки неврастении, что в этом космическом логове вполне естественно.

— А, пустяки. Но я рад, что вы начинаете принимать близко к сердцу заботы... пиратов.

Он коротко хохотнул.

— Человек есть человек, и заботиться о нем надо везде, — сказал Пылинов.

— Это правильно, это правильно... Хорошо, подумайте, чем развлечь ребят. Вообще вы правы: здесь скучновато.

Гюисманс задумчиво почесал переносицу.

— Поговорим о деле, — отрывисто сказал он, наклоняясь к Пылинову. — Вы, конечно, сообразили, что завод, который вы видите за окном, простым пиратам вроде бы ни к чему. И конечно, ломаете голову над этой загадкой. Не пытайтесь меня разуверить, что это не так: по части психологии я еще дам вам сто очков вперед, могли убедиться.

— Я и не пытаюсь.

— Ну и славно. Да... Так слушайте, такого вы нигде не услышите. Бросим с космических холодных высот взгляд на нашу родную, горячо любимую Землю. Что мы видим? Раздоры, противоречия, падение морали, всеобщую неудовлетворенность и беспокойство. Правда, угроза термоядерной войны ослабла...

— Благодаря нашим, а не вашим усилиям. — Полюнову доставило удовольствие перебить эту высокопарную речь. Гюисманс недовольно вскинул брови.

— Помолчите. Да, сейчас уже мало стран, которые бы не перекрашивались под социализм. Но это ничего не значит. Огонь не потушен, пламя тлеет, противоречия не сняты, над жизнью людей висят угрозы, исходящие из будущего. Тревога, заботы, голод...

— Неслыханная безработица, вызванная автоматизацией...

— Я сказал — помолчите! Иначе я ничего не скажу!

— Извините, я думал, мы беседуем.

— Беседовать будем после. Здесь говорю я! И я имею на это право, потому что судьба человечества в моих руках! Так вот. Противоречия не сняты, миру, как тысячи, как сотни, как десятки лет назад, нужен спаситель. Даже больше, потому что дьявольская колесница прогресса мчит нас вслепую, и чем далее, тем быстрее. Атомная бомба, за ней водородная, ракеты, генетические яды, лазеры, наконец геофизическое оружие! Где предел? Человек перестает быть самим собой, он в панике, он мечется, и напрасно он ищет спасения у болотных идолов социализма!

Гюисманс перевел дыхание и снизил голос.

— Особенно прошу обратить внимание на геофизическое оружие. Земля запеленута в слой озона. Стоит ему разорваться и мощный ультрафиолет солнца сожжет все живое. И вот появляется пагубное изобретение возмнившей о себе человеческой мысли — дисан! Крошечная ракета, начиненная дисаном, который поглощает озон, как губка воду, и небо расколото над такой страной, как Англия! Дешевое, неуловимое, портативное оружие, доступное даже для Гаити. Именно поэтому оно не применяется. Сжечь вражескую страну — не велика выгода, если тебе оплатят тем же.

Вот почему ни одно государство не может извлечь пользы из обладания этим оружием.

Ни одно государство, заметьте это, Полюнов, — государство! А если ракеты с дисаном находятся в руках частных лиц? Смелых, энергичных? Если эти лица пребывают вне Земли, если неизвестно, откуда летят ракеты? А? Вы догадываетесь? Вы, конечно, догадываетесь. Эти люди могут диктовать Земле свою волю. Всей Земле! И безнаказанно!

Полюнову стало жутко. К счастью, Гюисманс ничего не видел и ничего не слышал. Он встал, он простирал руки, его костлявые пальцы, казалось, уже хватали мир за горло.

— О да, вы поняли, сколь реальна и ужасна наша власть! Диалектика, чистая диалектика. Когда абсолютного оружия скапливается слишком много, оно рано или поздно обращается в разменную монету. И попадает в руки людей, никому не подконтрольных, избавленных от предрассудков и догматической совести. А если эти люди к тому же воодушевлены идеей, если они организованы, умны, бесстрашны, они могут поставить себя над человечеством. И это свершилось! Я, я стою над человечеством!

— Вы хотите править сожженной Землей? — Полюнов надеялся, что его голос не дрожит.

Гюисманс величественно вскинул голову.

— Это оружие бог вложил в руки верных сынов своих. Сжечь Землю? Ни в коем случае. Спаси. Придет час — он близок, — мы объявим о своей власти. Люди поймут, что мы не шутим. А тупицам придется показать маленький опыт. Воочию продемонстрировать наше могущество. Но надеюсь, до этого дело не дойдет. Мы не злодеи, мы хотим добра.

— Если цели добиваются с помощью страха и насилия, то это заведомо гнусная цель.

— В теории таких идеалистов, как ваш Карл Маркс. Мы

используем нашу власть не для террора. Мы установим на Земле консервативный социализм!

— Как?! — Полынов чуть не упал с кресла.

— Вы поражены? Прекрасно. Мы твердо рассчитываем, что люди, подобные вам, на первых порах придут точно в такое же замешательство. Однако продолжу анализ. Силой можно добиться всего, силой ничего нельзя удержать. Тут вы правы, права история. Нет, будет по-другому. Человечество само поддержит нас. Само! Слушайте. Первым делом мы потребуем уничтожения оружия. Любого. Всюду. Осуществим вашу программу, ха-ха... Вы думаете, человечество не возлюбит тех, кто принес ему вечный мир и освобождение от страха? Они возлюбят нас вдвойне еще и потому, что мы скажем: деньги, которые раньше шли на оружие, пойдут на хлеб!

Вы возразите, что ваши друзья очень быстро найдут способ, как напасть на нас? Не успеют. Ибо третий наш лозунг: остановить прогресс! Вы потрясены, вы ужасаетесь? Но миллионы простых людей нас поддержат. Ведь для них прогресс — это прежде всего ядерное, геофизическое и прочее страшненькое оружие. Это автоматы, лишаящие их работы. Этим прогрессом они сыты по горло. Они сами — заметьте, сами! — станут уничтожать лаборатории, жечь книги, избивать ученых, потому что втайне они боятся их и ненавидят. А мы снимем запрет страха, мы поможем им организовать себя, мы дадим выход их энергии, отчаянию, ненависти. О, пойдут они тем охотней, что их прогресс — всякую там медицину, производство тряпок, телевизоров, автомобилей, мы не тронем. Мы организаторы и вдохновители, только и всего. Мы объединяем желания простых людей, указываем им врага, снимаем с них ответственность. Как великолепно они будут крушить все на своем пути!

Гюисманс перевел дыхание.

— Итак, прогресс остановлен, инакомыслящие скованы. Это не тактика, это стратегия. Консерватизм, какое великое слово! В прошлом веке люди без страха смотрели на небо. Это прогресс заселил их бомбардировщиками и ракетами! Раньше люди не дрожали за судьбу человечества, их не мучили кошмары радиоактивных пустынь. Это прогресс ужаснул человечество! Поэтому — да здравствует консерватизм! Будем пожинать те плоды, что есть, и не тянуться к новым, ибо недаром сказано в Библии: «во много знаний и много горя».

Социализм? Это слово стало привлекательным, потому что за ним чудится какой-то выход из тупика, потому что каждый вкладывает в него свою мечту о будущем. Мы используем его. Ведь слово — это обертка, в него можно завернуть что угодно.

Полынов теперь не прерывал Гюисманса. Он внимательно слушал, надеясь, что тот, замороженный собственной речью, скажет что-нибудь лишнее. К тому, похоже, шло. Щеки Гюисманса пошли красными пятнами, ноздри раздувались, в глазах металось еле сдерживаемое иступление.

Но внезапно Гюисманс взял себя в руки. Он молча посмотрел на Полынова, потом потянул со стола коробочку, повертел ее, открыл и бросил в рот конфету.

— Любопытная философия, правда, не новая, — сказал Полынов, видя что Гюисманс успокаивается. — Но я не вижу тут позитивной программы. Сжечь, сломать, остановить... Где же благо?

Гюисманс жевал конфету. Удовлетворенно кивнул.

— Ваш вопрос доказывает, что полет мысли гения недоступен обычному человеку. Чего хотят простые люди? Спокойствия. Хлеба. Безопасности. Веры во что-нибудь. Перспективы. Вот наша позитивная программа.

— Вера в бога?

— Да. Но в бога современного, космического. Вы верно выделили главное. Вера — вот цемент нашей программы. Чем больше изучаешь человека, тем лучше видишь, что вера для него все равно, что дыхание. Не так уж важно во что: отрицание веры тоже становится верой. Религия была отличной штукой, но она устарела. Любой дурак сейчас может сказать: «бога нет» — вот чем она плоха. А у нас бог будет, реальный, зримый, творящий хлеб, спокойствие, безопасность, перспективу.

— Уж не вы ли?

— О нет. Конечно, пример Гитлера и ему подобных показывает, что человеку занять место бога в наш просвещенный век не так уж трудно. Но у такого бога есть наряду с достоинствами серьезные недостатки. Во-первых, у него есть национальность, а это обстоятельство раздражает другие народы. Во-вторых, он смертен, что и вовсе плохо. В-третьих, такой бог не нов, у людей есть кое-какой опыт, и с этим надо считаться. Наш бог будет лишен всех недостатков. Ибо это — космический бог!

Уперев руки в стол, Гюисманс наклонился к Полинову.

— Вы не понимаете? Вижу, что нет. Это-то и замечательно. Я не ошибся. На вас можно проверять реакцию того ничтожного меньшинства, которое по логике вещей окажет нам наибольшее сопротивление. Так вы не поняли? Отлично. Наш бог — это космические пришельцы!

«Да он рехнулся», — мелькнула у Полинова спасительная мысль.

— Ага! — торжествующе вскричал Гюисманс. — Вы настолько потрясены, что думаете, уж не сошел ли я с ума. Нисколько. Это только вы, коммунисты, поете «ни бог, ни царь и не герой», а люди в глубине души мечтали и мечтают о сильной личности, которая думала бы за них, направляла их, уберегала от необходимости решать самим. Это

так! А уж как зовется этот символ — бог, фюрер, космический пришелец, — да не все ли равно!

— Вы думаете, мир поверит такой наивной выдумке? — усмехнулся Пологинов. — Умных людей немало. И даже обывателя, мещанина, на которого вы делаете ставку, трудно раскочать.

— Вы плохо изучали общественную психологию. Психологию масс! («Увы, — подумал Пологинов, — я ее совсем не изучал».) Назовите мне реальность, которая бы так полно и долго владела людьми, как легенда об Иисусе Христе, Магомете, Будде. Назовите, и я отрекусь от космического бога!

— Отрекайтесь, Гюисманс! Ненависть к угнетателям — раз, стремление к свободе — два, искания правды — три... Хватит? Вот реальности, властвовавшие над людьми задолго до появления ваших легенд! Или вам напомнить о нескончаемой цепи восстаний, революций, которые смели рабство, смели феодалов и сметут с лица земли королей угля, стали, нефти, расистов, фанатиков, фашистов... Не потому ли вы так спешите, что петух пропел и вам надо проваливаться в небытие? Не спасли костры, не спасли диктаторы, не спасла ложь, не спасла глупость обывателя... Космический бог? Нет, космическая авантюра, последняя, надеюсь, попытка изменить ход истории. Не выйдет. Ставка на шантаж, дикость, испуг перед трудностями века — старо, старо, старо!

Гюисманс взвился. Видимо, он хотел всего лишь грозно шагнуть к Пологинову, но он не учел слабой силы тяжести. И, как воздушный шарик, воспарил к потолку.

Пологинов едва удержался от смеха. Тонконогий кандидат в диктаторы испуганно барахтался над столом, пытаясь ускорить падение. Крыльями птицы бились полы черного пиджака.

Наконец Гюисманс утвердился в кресле. Он тяжело дышал.

— Не понимаю, — сказал он, избегая взгляда психолога, — как вы упустили такую возможность разделиться со мной...

— Не в вас дело, — брезгливо бросил Полынов. — Дело в тех, кто стоит за вами.

— Так вы ошиблись. — К Гюисмансу возвращалось самообладание. Он вытащил новую конфету и сжевал ее, косясь на Полынова. — Но оставим это, мы слишком горячимся. Я ждал вашей критики, она мне нужна, чтобы лишний раз проверить все звенья замысла. Кройте дальше. Только без общих слов, пожалуйста. Здесь нет толп рабочих, мы одни. Впрочем, толпа рабочих — это бараны. Всякая толпа — толпа баранов, я изучал. Но ближе к существу. Пока вы привели самое общее возражение, и, черт побери, вы правы. Да, быть может, это последняя ставка. Как видите, я откровенен. Но вы не учли одной малости. Власть мифов все еще сильна, куда сильнее власти, как вы любите называть, эксплуататоров. Мне не нужно, чтобы космический миф господствовал столетия. Хватит нескольких лет. Еще в незапамятные времена некий философ Хань Фэй — мир его праху! — написал ученый трактат, в котором доказывал, что человек в руках высшей власти все равно, что кусок дерева в руках ремесленника. А вскоре император Цинь-ши-хуанди принял этот тезис на вооружение. И кстати, ему удалось остановить прогресс. Темное прошлое, да? Гитлеру не потребовалось столетий для внедрения принципа Хань Фэя в сознание миллионов. А что было у Гитлера? Газеты, кино, микрофоны, гестапо, концлагеря. Кустарщина! В наше время мы располагаем менее грубым и, главное, несравненно более действенным набором. Электронная слежка, детекторы лжи, звуковые пушки, для кото-

рых не существует стен, психотропные вещества, операции памяти для несговорчивых, управление психикой с помощью электромагнитных волн, наконец. Представляете, какие это открывает возможности? Правительство одной страны уже ставило кое-какие опыты с комплексом всех этих средств. Независимо от нас, между прочим. Результаты потрясающие. И никакого шума в мире! Так-то. Пройдет год, от силы два, и люди всей Земли будут у нас вот где! Гюисманс медленно свел пальцы.

— А люди, — продолжал Гюисманс, — дадут нам такую возможность. Я ведь не расшифровал еще один наш принцип — принцип Перспективы. От имени космических пришельцев мы объявим, что если человечество будет следовать нашим указаниям, то оно построит рай на Земле. Сначала я думал назвать этот рай коммунизмом... Вы шокированы? Да, коммунизмом, поскольку его строительством занято подавляющее большинство населения. Но тогда нас дурно поймут какие-нибудь американцы. Нет, придется объявить о каком-нибудь «гармоничном будущем», «обществе изобилия», «кибернетическом коммунизме». Какой символ вам больше нравится?

— Почему бы откровенно не назвать вашу Перспективу «неофашизмом»?

— Не пойдет: скомпрометированный термин. Так, я жду критики, уничтожающей критики, мой друг-враг.

— Интересно, как вы технически провернете свой фокус с космическими пришельцами?

— Это несложно. Они, то есть мы, а верней, они через... К этому мы еще вернемся. Так вот, они объявят, что давно уже следят за земными делами (тут все вспомнят о летающих тарелочках, таинственных исчезновениях, фресках Тассиля и тому подобной белиберде). Они скажут, что их вмешательство стало необходимым. Но они гуманны, очень

гуманны. Никаких покушений на существующие политические системы, уклад жизни, идеологию; они не вмешиваются в классовую и национальную борьбу. Они дают один-единственный приказ: разоружиться. Разоружиться, потому что оружие стало смертельно опасным для человечества. Гуманно? Вполне. Абсолютно в духе сказок о высокоразвитых цивилизациях. Свой приказ они подкрепляют угрозой снять озоновый экран (тут будет пролито немало слез о тяжчайшей ответственности, о их нежелании применять силу, их любви к неразумным людям, которая единственно...). Слушатели будут всхлипывать от умиления, гарантирую. Почему озоновое оружие, а не какие-нибудь суперлучи, подobaющие высокоразвитой цивилизации? Да в силу все той же гуманности, черт побери! Они не хотят подавлять своим могуществом, они не хотят лишних жертв, поэтому берут чисто земное оружие... Накручено и здесь будет отлично.

А потом они будут давать только советы. Советы — и ничего больше. Совет временно остановить (мы-то знаем, что навсегда) прогресс. Совет следовать их советам, чтобы построить рай на Земле...

— Космический бог в роли анонима. Пустой крючок.

— Ерунда. Да мы, если потребуется, покажем их по телевидению. И зрители увидят — ха-ха! — электромагнитное облако. Покажем их животных, пейзажики их планеты... А знаете, кто будет говорить от их имени? Думаете, я? Ба-за? Ничего подобного. Открыть базу — значит выдать подлог. Нет. От их имени будете говорить... Держитесь крепче. Вы!

— Я?!

— Не вы один, конечно. Весь экипаж корабля, который был приглашен пришельцами в гости для выяснения ряда деталей. Все вспомнят необъяснимое исчезновение «Антиноя» (это даже ученых кое в чем убедит). Пришельцы ре-

шили ближе познакомиться с представителями человечества, те пришли в восторг от мудрости и гуманности братьев по разуму. И сами — учтиге, сами — убедили их вмешаться в земные делишки. Ну и, разумеется, стали их апостолами. Недурно придумано, а?

— А если пассажиры не согласятся?

— Во-первых, среди них были наши люди. Во-вторых, большинство пассажиров уже согласилось. В-третьих, у нас есть возможность убедить остальных. В крайнем случае без некоторых мы можем обойтись. Но ваше участие очень, очень желательно. Почему? Да потому, что вы единственный человек оттуда. Есть, правда, еще один коммунист — Бергер. Весьма приличный человек, он быстро воспринимает доводы. Но вы... Ваше имя кое-что значит. Кроме того, нам нужны умные союзники. Но я жажду услышать критику.

— Что тут критиковать? Ваша затея просто обречена на провал.

— Любопытно все же знать почему.

— По тысяче причин. Вас раскусят. И очень быстро.

— Пусть. Гитлера тоже раскусили, это ему не помешало.

— Вы забываете и о таких мелочах, как наши внеземные станции, поселки на других планетах, космический флот. Вас трудно обнаружить — это ваш плюс. Но так же трудно обнаружить и тех, кто разыщет вас и уничтожит.

— Учтено. Не выйдет.

— Наконец, вы забываете о главном. Вы делаете ставку на испуганного обывателя, на мещанина, на особенности их психологии. Очень несложные особенности. Лишь та боль — боль, которая моя, лишь тот вкус верен, который мой, хорошо то, что хорошо мне, высокие слова — обман, но ими хорошо прикрываться, лишь мои представления о мире правильные, человек человеку — волк. Но мещанин — это

не человечество, это не рабочие, не интеллигенты, не крестьяне, хотя мещане есть среди них всех. Это носители определенной психологии, которую выработали века насилия, бескультурия, подавления в человеке человека. Людей, свободных от этой психологии, на моей родине подавляющее большинство. Уверен, что даже в уцелевших капиталистических странах их число поуменьшилось. Так что ваша духовная, так сказать, база со времен Гитлера заметно сузилась.

Но даже не в этом суть. Эта психология начисто лишена творческих начал. Она опасна лишь в соединении с неподконтрольной властью, с вами, ее родителями, воспитателями, охранителями. А ваше время прошло, вы это прекрасно знаете. Разве то, о чем вы говорите, это власть? Это шантаж, это отчаяние. Тот, кто послал вас сюда — а вас послали, не делайте изумленных глаз, — мыслил глупо. Пусть-де они, то есть вы, ломают себе шею. Их проигрыш ничем мне не грозит, а удача... Они полагают, что ваша удача спасет их. Не спасет. Нельзя отменить противоречия между теми, у кого в руках палка, и теми, на кого эта палка обрушивается. Тюрьма никогда не побеждала стремления к свободе, тупость не могла загасить творчества, стремления человека быть человеком никогда не мирилось с системой, убивающей человека в человеке. Найдите мне в истории пример долговечной тирании, и я признаю, что не прав. Но вы его не найдете, этого одного-единственного примера. И не думайте, что ваш новый электронно-биологический концлагерь будет крепче прежних. Лучшего идеала, чем тот, который был найден Марксом и Лениным, у человечества не было и нет. И миллионы это поняли, идеал выдержал испытания, отсюда ваш страх, отсюда ваши бесконечные авантюры.

Кстати, ваша последняя авантюра грозит не только вам.

Все тайное рано или поздно становится явным. Вы поняли, что будет, когда человечество узнает о вашем заговоре?

Гюисманс слушал, надменно улыбаясь. Однако многоопытный софист впервые не бросился в атаку, когда Польшов замолчал.

— Вы ужасно расстроили меня своими глупостями, — сказал он после недолгого молчания. — Но я, слава богу, отходчив. Так, вы отказываетесь сотрудничать с нами?

Слишком прямолинейно, отметил про себя Польшов. Он торопится.

— Пока я не говорю ни да ни нет. — Теперь Польшов развалился в кресле, словно его больше ничто не тревожило. — Вы поражены? Не все же вам удивлять меня... Я привык обдумывать свои поступки, сейчас у меня такой возможности нет. Помните два прежних разговора? Взвесив все, я тогда изменил свое принятое в запальчивости решение. Мне и теперь нужно все взвесить, проанализировать ваши доводы, в них много серьезного. Сколько времени вы можете мне дать?

Гюисманс пригладил жиденькие волосы и задумался. Лучи солнца, перепрыгивая за окном с вершины на вершину, ударили в стеклянный колпак. Стекло густо потемнело. Зажглись дополнительные лампы, их белесый свет убрал тени, усталое лицо Гюисманса побледнело, веки дрогнули. Он мигнул, в который уже раз готаянулся к коробке с конфетами, выбрал одну, пососал, сморщился.

— У вас больной зуб? — вдруг спросил Польшов.

Гюисманс кивнул. Языком он катал за щекой конфету. Напротив Польшова сидел просто утомленный, пожилой человек в патриархальной черной тройке. Обыкновенный, каких на Земле тысячи.

Докончив жевать конфету, Гюисманс выпрямился, губы его сжались.

— Много времени вам не дам. Думайте быстрее. Я хочу, чтобы вы были с нами по доброй воле. А не захотите, все равно станете апостолом космического бога. Но вы уже не будете Плыновым. Нет, подождите. Прошу полюбоваться.

Гюисманс нажал кнопку. Крайний экран на пульте засветился. Его заполнили ряды остроносых ракет. Их головки самодовольно лоснились, они были очень чистенькие и аккуратные, эти ракеты. Их было много.

— А как вам нравится это?

Гюисманс переключил изображение. За сборочным конвейером стояли люди. Кое-кого Плынов узнал: это были пассажиры «Антиноя». Слева стоял Бергер, бесстрашный вольнодумец Бергер. Однообразным движением он вставлял в головки ракет желтые полупрозрачные капсулы.

— Остальные не лучше, Плынов.

Плынов окинул взглядом кабинет. Если бы сюда собрались все его друзья, для Гюисманса тут просто не осталось бы места, не надо было бы и рук марать. Но они далеко, они ничего не знают. Они работают, читают, смеются, любят и не подозревают, что им грозит. Мы были слишком беспечными, слишком мало думали о ядовитых поганках, притаившихся в будущем. Слишком увлечены собой и своими заботами.

— Я подумаю, — сказал он. — Крепко подумаю.

Грегори отконвоировал его обратно. Свет в камере зажегся, едва он переступил порог. Крис в камере не было.

6. Господин и раб

Жизнь почему-то не любит однообразия. События или нагнетаются так, что у человека перехватывает дыхание,

или вдруг без видимой причины все стихает, время тянется ровно и однообразно.

Никого, казалось, больше не интересовал Польшов. Он мог выходить из камеры, когда ему вздумается, разгуливать, часами сидеть в больнице — для заговорщиков он словно перестал существовать. Но Польшов не заблуждался. Это всего лишь новая уловка. Истерзать человека бездельем, тревожным ожиданием, а потом нанести внезапный удар.

Девушка исчезла бесследно. Спрятанные в коридоре микрофоны игнорировали его вопросы. Лишний щелчок по самолюбию, лишнее напоминание о том, что он крепко зажат в когтях. Маленькая месть Гюисманса за сопротивление.

Странный пациент зашел еще раз. Дело шло на лад, но напрасно Польшов ждал его третьего прихода. Электрик не появлялся, и Польшова это встревожило.

Заглянуло еще двое охранников. Они жаловались на мелкие недуги, держались настороженно, и Польшов ничего не смог извлечь из их посещения.

Никого из пленников он так и не увидел. С теми охранниками, которые попадались Польшову в коридоре, он не смог перемолвиться и словом. Они сразу подбирались, их ручки произвольно тянулись к оружию. Бедняги, они даже взмокали от тягостного недоумения — почему этому типу позволяют разгуливать?

Вероятно, Гюисманс встревожился бы, узнав, зачем Польшов так тщательно наводит порядок в хозяйстве больницы. Но психолог все время был на виду, он с дотошной тщательностью вытирал пыль, устанавливал пузырьки с лекарствами так, чтобы ничего не нужно было искать, долго проверял настройку аппаратуры, короче, вел себя как человек, которому здесь работать и работать. А то, что в

его карманах исчезали кое-какие медикаменты, этого наблюдатель не мог заметить, потому что помещение просматривалось с двух точек, и уж Плынов позаботился, чтобы в нужный момент его руки не попадали в поле зрения соглядатая.

И нужно было быть специалистом, чтобы понять, какой ценностью обладали ампулы с миксоналом, несколько комочков ваты, пузырек с раствором хлористого серебра и микрогазоанализатор. Когда все эти предметы очутились у него, Плынов тотчас поставил маленький опыт. Неаккуратно пролив при переливании три капли нашатырного спирта, он немного помедлил и прошел в свою камеру. Там, лежа ничком на тюфяке, он украдкой взглянул на анализатор. Показания прибора несказанно его обрадовали: база, как он и ожидал, была оборудована типовой схемой вентиляции и воздухоочистки.

Плынов несколько не сомневался, что тюремщики и не подозревают о дьявольских возможностях похищенного им миксонала. Иначе это лекарство находилось бы за семью замками. Но оно лежало открыто, его ничего не стоило взять. Лишнее доказательство общеизвестной истины, что предусмотреть все невозможно. Никому и нигде. Ошибкой всех тюремщиков была недооценка ума и знаний. Иначе, впрочем, и быть не могло. Тюремщики, кем бы они ни были, не задумываются, отчего со времен фараонов грубая, бесчеловечная сила часто побеждала, но еще ни разу не победила. Правда, если бы они это поняли, на свете давно бы не осталось тюремщиков.

Ликовать, однако, было преждевременно. У Плынова теперь было оружие, но воспользоваться им он не мог. Система переходов, запоров, паролей базы по-прежнему оставалась для него загадкой. Есть ли у него союзники среди заключенных, готовые на все, — тоже. А прийти за

ним могли в любую минуту. И конечно, Гюисманс не преувеличивал, говоря, что есть способы заставить его стать тем, кем нужно. Последние достижения психотехники были известны Польшову. Правда, после такой операции у человека прежней остается только внешность, но в конце концов им на худой случай мог пригодиться и такой Польшов — со стертой памятью, механическими движениями и улыбкой годовалого младенца. Опытный режиссер у них, разумеется, найдется; уж как-нибудь они разыграют телепостановку с его участием.

Польшов все же успел продумать, как в нужный момент обезвредить электронного соглядатая в больнице таким образом, чтобы это не вызвало подозрений. Но воспользоваться этим планом он не успел...

Войдя однажды в столовую, Польшов уловил слабый запах ландышей. Подавив волнение, он прошелся взад и вперед, пытаясь определить источник запаха. Ему уже не накрывали на стол, он сам снимал тарелки с «подноса». Это было кстати. Он опустил раздатчик, ухватившись за шарниры, и как бы невзначай коснулся паза сочленений. Есть! Палец нашарил втиснутый туда комочек бумаги. Теперь и палец благоухал ландышами — любимыми духами Крис.

Как ни в чем не бывало, он доел обед, хотя каждая минута промедления стоила ему невероятных усилий. Записку он развернул лишь в больнице. Для этого пришлось вспомнить школьные навыки чтения шпалгалок под перекрестным взглядом учителей.

«Андрей! — Буквы торопливо догоняли друг друга. — Я жива и здорова. Сижу вместе с сенаторшей (помнишь?) и другими дамами. Они уговаривают смириться, а я не хочу, это омерзительно, что нам предлагают. Работать на заводе, совсем как рабы. От всех требуют участия в операции «космический бог» (ты, конечно, знаешь). Но согла-

шаются не все, тогда их уведут, и ужас какими они возвращаются. Меня пока не водили, но я боюсь...»

Дальше шли какие-то непонятные каракули, но Полинов прочел их без труда. Еще там, на корабле, они договорились о шифре, и Полинов научил Крис пользоваться им.

Записка неистово пахла ландышами, не иначе — Крис опрокинула на нее весь флакон. Полинов с сожалением сжег записку на спиртовке. И тут он заметил, что его пальцы дрожат. Он строго посмотрел на них, дрожь унялась. Закралась мысль: как было бы хорошо, если бы миксонал мог распространиться по всем помещениям базы. Если бы он мог убивать. И для него хорошо, и для Крис, и для Земли. Увы, миксонал не мог ни того ни другого.

Он слышал, как кто-то вошел, слышал тяжелые шаги, однако головы не повернул.

— Эй, док, да вы никак грустите? — Грегори плюхнулся на стул, так что тот заскрипел. — Плюньте. Были бы вы, как я, на войне, никогда бы ни о чем не горевали.

— Чего вы хотите? — устало спросил Полинов.

— Радости, док, радости. Забыли разговор?

Полинов еще не видел охранника таким распоясанным. Он держал руки в карманах, сидел, небрежно вытянув ноги, нагло подмигивал, его прямо-таки распирало самодовольство. Движением бровей Полинов многозначительно показал на гнезда с телевизионной аппаратурой.

Грегори весело захохотал.

— У слухачей маленькая техническая неполадка, док! Они ослепли и оглохли. Мы успеем договориться.

— Вот как... И долго будет длиться неполадка? — Полинов снова был готов к бою.

— Да уж час повозятся, как пить дать. Парням тоже хочется горяченького, вот они и устроили нам мужской разго-

вор. Вы только подумайте, бутылка виски на три дня, наш шеф импотент, не иначе. Так будет спирт?

«Зато ваш шеф понимает, чем грозит пьянство в космосе, — подумал Пологинов. — Так тебе хочется всласть напиться... Это дорого обойдется твоему холеному телу».

— Ладно, — сказал он вслух. — Но бизнес есть бизнес. Задарма ничего не дается.

— Конечно! Сколько?

— Мне не нужны деньги. Мне нужны пароли, мне нужно знать расположение помещений, нужно знать, сколько вас.

Грегори побледнел

— Это измена... я...

Он инстинктивно схватился за пистолет. Пологинов широко улыбался.

— Как вы полагаете, дорогой, зачем мне эти сведения?

Грегори подобрался, как перед прыжком. Он тупо сообщал.

— Чтобы удрать! — радостно гаркнул он. — Не выйдет.

Он вскочил и выхватил пистолет.

— Скажи, Грегори, — Пологинов продолжал улыбаться, — может один невооруженный человек удрать с базы? Нет? Ты прекрасно знаешь, что нет. Так зачем, по-твоему, мне эти сведения?

Охранник не спускал с Пологинова глаз. Видно было, каких усилий стоила ему попытка догадаться.

— А все очень просто, — продолжал Пологинов. — При игре лучше всего знать карты противника, так?

— Еще бы...

— У меня с твоим шефом своя игра, свой бизнес. Однако он знает мои карты, а я нет. Это мне не нравится. Бизнес есть бизнес.

— Ага! Это умно. — Грегори снова сел, но пистолета не

выпустил. — Но меня это не устраивает. За такие штучки я сам ставил к стенке.

Вместо ответа Полюнов наклонился к сейфу, отпер его и вынул колбу со спиртом. Взболтнул жидкость.

— Нет, док, — Грегори даже вздохнул, — не пойдет.

— Никто не узнает.

Грегори кивнул. Вдруг его лицо просияло.

— Отдашь за так! Иначе я расскажу, как ты хотел подкупить меня.

— И получишь пулю в лоб. За спирт и за... — психолог помедлил, — за маленькую техническую неисправность.

Грегори угрожающе выпятил челюсть. Это он умел делать, это у него отлично получалось.

— Грозить вздумал...

Он сжал литые кулаки и шагнул к Полюнову.

— Осторожней, нас подслушивают, — тихо сказал тот.

На этот раз Грегори сообразил мгновенно... Одним прыжком он долетел до двери и рванул ее. На пороге стоял Амин.

Взревев, Грегори втащил его за шиворот, захлопнул дверь и бросил на колени.

— Падаль, падаль... — остервенело дышал Грегори. — Подслушивать... Ну, ты плохо меня знаешь...

Он пнул Амина. Но тот и не стремился оправдываться: он открыто и с ненавистью смотрел на Грегори. В ответ на удар, который подбросил бы его под потолок, не схватись он за ножку стола, Амин медленно и зло усмехнулся.

— Я скажу — и тебя...

Грегори на секунду окаменел.

— Так, — сказал он угрожающе. — Так. Испугать думаешь? Я сотнями давил желтомазых, тыполнишь список.

Он схватил Амина за руку и резко вывернул ее. Смуглое лицо Амина побледнело, он даже не мог кричать, из горла рвался хрип. Да, Грегори был мастер своего дела.

— Не смей! — крикнул Пологинов.

— Не путайся, док, зашибу, — пообещал Грегори. — А с тобой мы поговорим, Амин. Что, плохо, собака? Будет хуже. На кого бросаешься, падалъ желторотая?.. А ну, клянись своим богом, что будешь молчать, ну...

Амин осел на пол.

Грегори чуть отпустил руку.

— Очухался? Клянись, а не то...

Амин что-то пробормотал.

— Не то!.. — Грегори снова дернул руку. Амин застонал. — Я вашу клятву знаю, говори как нужно...

Пологинов не разобрал, что бормочет жертва. Но Грегори как будто был удовлетворен. Он отпустил Амина, потом, словно нашкодившего щенка, поднял его за воротник и вышвырнул в пустой коридор.

— Все они такие сволочи, док. — Грегори брезгливо вытер руки о мундир. — А внимание у тебя...

Он с уважением посмотрел на психолога.

— Думаешь, не проболтается? — спросил Пологинов.

— Ха! Он же истово верует в своего бога! С деревенщиной приятно иметь дело, надо лишь знать, как с ними обращаться. А уж я-то знаю! Ладно, давай спирт!

— Пароли.

— Слушай, не беси меня. Я ведь прикончу тебя раньше, чем ты пикнешь. За попытку к бегству. Соображаешь?

— Вполне. Амину ты серьезно повредил руку?

— А что?

— Пришли его ко мне.

— Зачем?

— Вправлю вывих.

— Тьфу, с тобой о деле...

— Спирт я тебе дам, если пришлешь.

— Ого! Сердечный ты человек, как я погляжу... Сентиментальненький. Черт с тобой, давай спирт, пришлю. Вправляй руку мертвецу...

— Что?

— Ничего. С доносчиками у меня свой солдатский счет, тебя не касается.

Когда спирт очутился во фляжке Грегори, тот, дойдя до двери, вдруг обернулся.

— Слушай, док, я честный человек. Ты дал мне спирт, а я тебе в случае чего дам быструю смерть. Вот и будем квиты.

— И на том спасибо.

Дверь закрылась.

«Вот она, честность палача, — горько усмехнулся Плынов. — А ведь он ушел гордый своим благородством».

Грегори выполнил обещание. Не прошло и пятнадцати минут, как Амин очутился перед Плыновым.

Маленький крестьянин по-прежнему был бесстрастен, будто ничего и не произошло. Он безропотно дал осмотреть руку, не дернулся, не застонал, когда Плынов вправил вывих, и не сказал ни слова благодарности. Он уже хотел встать и уйти, но Плынов остановил его.

— Вы знаете, что Грегори прикончит вас?

Только веки дрогнули.

— Не верите?

— Я поклялся.

— Это не спасет вас.

На Плынова в упор смотрели темные, равнодушные как у рыбы глаза. Плынов растерялся.

— Вы знаете, зачем вы здесь, на базе?

— Мне заплатят много денег, и я куплю землю.

— Зачем?

— Много земли — много господин.

От Плынова ускользает последний шанс.

— Грегори убьет вас за то, что вы подслушали разговор.
И у вас не будет земли, — с расстановкой сказал он.

Молчание.

«Понимает он или не понимает?» — недоумевал Плынов.

— Он господин, — вдруг сказал Амин.

— Но вы же шпионили за ним!

Снова молчание.

— И потом какой он вам господин, вы оба солдаты.

— Сильный всегда господин.

— Я тоже?

— Ты слабый.

— А если я окажусь сильнее всех, я тоже стану господином?

— Да.

— И если ты станешь сильнее всех...

— Да. Господином.

— Зачем?

— Так всегда.

— У нас не так, слышал?

— Всегда так.

— А если я сделаю тебя господином над Грегори, над всеми?

— Ты не сможешь.

— Если поможешь мне — смогу.

— Нет.

— Попробуй.

— Я тебе не верю, у тебя нет святого.

— Я верю в человека, это у меня святое.

— В меня?

— Пока ты раб — не верю.

— Я раб? Ты говоришь, как Грегори, как все.

— Ты раб, потому что признаешь над собой господина. Сбрось его — и ты человек. А для Грегори ты всегда раб.

— Я господин, тогда я твой бог?

— Человек — это не раб и не господин. Понимаешь?

— Нет. Ты хочешь убить Грегори, убить всех, понимаю. Бога твоего не понимаю.

— Ты хочешь, чтобы я убил Грегори, убил всех?

— Да, если не меня. Но ты не сможешь. Ты слабый.

— Вот как... Нет, я сильнее всех! Видишь?

Чем беднее ум, жестче навыки, уже кругозор, тем легче человек поддается внушению. Плынов встал, торжественно коснулся плеча Амина.

— Ты не можешь шевельнуть руками, — убежденно сказал он. — Не можешь. И не пытайся. Они окаменели.

Амин дернулся. Он пытался поднять руки; они не повиновались. В его глазах метнулся страх. Бедняга слишком привык находиться под чужим влиянием, сейчас он был беззащитен.

Плынов вытащил у него пистолет, подкинул на ладони.

— Это ты видишь?

Внезапно Амин упал со стула на колени.

— Ты сильный, ты сильный! — закричал он. — Сильнее всех, никто Амина еще не делал камнем! Ты убьешь Грегори, спасешь меня, мой господин! Амин знает, что тебе нужно, Амин все скажет...

— Говори!

— Амин прав: ты хороший господин. Расколдуй меня, расколдуй, Амин все скажет! Когда Грегори убит, ты спасешь меня, дашь денег, много денег, я куплю землю, куплю сына Грегори, буду ему плевать...

Минут через десять Плынов знал все.

Оставшись, наконец, один, он долго не мог успокоиться. Такого он не ожидал. Как истово веруют они в чудо, как жаждут его, как слепо идут за тем, кто посулит им чудо!

Не важно, кто, не важно, зачем... Их приучили повиноваться силе безропотно, бездумно, а за чудом им видится огромная, сверхъестественная сила.

Полынова трясло от омерзения.

7. „Зеленый ад!“

Он ничего не успел предпринять. Цоканье магнитных присосок, шаги, дверь отлетела — перед Полыновым, непреклонный, как судьба, стоял Гюисманс. За его спиной маячил охранник.

— Хватит! — резко, не дав Полынову собраться с мыслями, сказал Гюисманс. — Время бесед и размышлений истекло. Да или нет?

— Уже? — вырвалось у Полынова. — Я не успел... Еще час, два...

Он лихорадочно соображал. Предательство? Случайность? Разгаданный ход?

— Странно, нерешительность не в вашем характере. — Гюисманс по-наполеоновски скрестил руки. — Ни секунды! Великий час пробил! Да или нет?

— Нет!

Мгновение назад Полынов хотел сказать «да», чтобы выиграть время. Не выдержал, сдали нервы, не справились с ненавистью и омерзением...

— Жаль. Гюнтер!

Охранник вытянулся.

— Взять! В камеру пыток! Девчонка уже там?

— Так точно!

— Милейший, — Гюисманс повернулся к Полынову, — вам будет для начала показано редкое зрелище. Вам и ее не жаль?

Гюисманс не успел увернуться. Но ярость ослепила Польшова, и удар пришелся неточно. Охранник прыгнул на психолога, выламывая руки, Гюисманс, прислонившись к стене, держался за щеку.

— Если вы думаете... Если вы думаете, что я пристрелю вас... Нет. Я дождусь, когда вы взмолитесь, когда вы будете на коленях ползать... А вы будете! И тогда я полюбуюсь вами. Увести.

Польшов шел, кипя от ярости. Так сорваться! Он презирал себя.

Машинально он все же отметил, что не слышит за собой шагов Гюисманса. Он искоса глянул через плечо. В двух метрах сзади, как конвоиру по земному уставу и полагалось, выпягивал охранник с лайтингом наперевес. И больше в коридоре никого. Решение пришло внезапно. Раз этому олуху невдомек разница между Землей и астероидом...

Когда они проходили мимо комнаты с восковыми фигурами, у Польшова вдруг подвернулась нога. Падая, он что есть силы оттолкнулся от стены. Прежде чем охранник успел образить, Польшов, словно ракета, пролетел разделяющее их пространство. Страшный удар ногой в живот бросил охранника на пол. Он истошно взвыл, закатывая глаза. Перевернувшись в воздухе, Польшов перехватил падающий лайтинг. Удар прикладом по голове оборвал вопль охранника.

Дробь эхом тишину, заголосила сирена; за ними следили, конечно. Польшов метнулся в комнату с восковыми фигурами, полоснул лучом лайтинга по гнезду с телеаппаратурой, прикладом срубил выключатель. Свет потух, в темноте зловеще замерцала морда чудовища.

Польшов выхватил из кармана ампулы с миксоналом, флакон с солью, вату. Смочил ее, заткнул ноздри. Хрустнуло раздавленное стекло ампул. Польшов залег в углу, взяв дверь

на прицел. Сердце бешено стучало. Снаружи топали башмаки охранников.

— Здесь! Сюда!

Толчая за дверью.

— Эй, выходи!

Полынов не отвечал. Он считал секунды.

— Выходи добром! Все равно выкурим!

Выкурят, сообразил Полынов. Они не такие дураки, чтобы ворваться и поставить себя под выстрел. Швырнут какую-нибудь дрянь. Газовую гранату. Ждут, пока их доставят.

Полынов на ощупь прокрался к двери, резко толкнул ее, чтобы миксонал быстрее попал в коридор. Отпрянул назад. Снаружи тоже отпрянули. В распахнутую дверь влетел лиловый луч, что-то грохнулось, рассыпалось искрами.

— Не смей! — бешено заорал динамик в коридоре. — Идиоты!

Полынов чуть не расхохотался. Они стреляли в Простого Среднего Человека. От восковой фигуры остался пар. И у них шалют нервы, с удовольствием отметил Полынов.

Долгая, невыразимо долгая для Полынова минута настоящей тишины.

И вдруг...

Коридор будто взорвался.

— Крылья, крылья, лечу!..

— Сколько ходов, сколько ходов, прекрасных голубых ходов.

— Да вы с ума... Уберите змею-ю-ю...

Полынов перевел дыхание. Так, господа, вы еще не знаете, что такое миксонал. Сейчас вы узнаете. Дышите, дышите глубже, пусть снятся вам сны наяву, какие вам еще никогда не снились.

Он встретился взглядом с фосфоресцирующими глазами воскового чудовища. Не помешает. Подхватив под мышку

длинное шипастое туловище зверя, он вытолкнул его в коридор и тотчас навскидку ударил лучом по телеглазу. Одному, второму. С потолка обрушился дождь осколков.

— А-а-а!..

Нечеловеческий вопль завибрировал на самой высокой ноте и оборвался.

Полынов выскочил. Пятеро охранников, шатаясь, тыкались во все стороны, как слепые. Их челюсти отвисли, словно в несконченном зевке. По подбородкам стекала слюна. Рослый детина пытался вогнать в рот дуло лайтинга. Нечаянно он дернул спуск. Раздался негромкий хлопок. Полынов прикрыл глаза. Что-то теплое брызнуло ему на руки, в лицо. С глухим стуком осело тело. Полынов побежал, поскользнулся, едва удержав равновесие. Дышать мешала заткнутая в ноздри пропитанная химикатом вата.

Вслед неслось шипящее бормотание.

— Ш-ш-шарство небесное виш-ш-ш-у...

— Я-я-яблоко не убе... х... х...

— Хде-е-е...

Плита, запирающая коридор, пошла, повинувшись паролю, вверх. Полынова едва не сшиб бегущий навстречу охранник. В обеих руках тот держал по газовой гранате. Опомниться охранник не успел: Полынов ударил ему по горлу ребром ладони.

Сунув в карманы пару гранат, Полынов скатился по слабо освещенной лестнице. Искать где спрятан телеглаз, уже не было времени. Сзади надрывалась сирена. Теперь все зависело от того, как скоро враги сообразят, что отраву крадется к ним по воздуховодам, как скоро они включают фильтры.

От лестницы узкий ход шел и налево и направо. Полынов лихорадочно соображал. Он метнулся в одну сторону, в другую и тут увидел колодец. Крутые ступени, сбегающие в коло-

дец, упирались в железную дверь. Прыжок — весом своего тела Плынов распахнул ее.

В лицо ударил яркий свет. Посреди камеры возвышался стол непонятной конструкции. Над ним с блока свисали веревки. В углу возле оцинкованного стока фыркала газовая горелка, на решетке вишнево светились раскаленные прутья. Над жаровней, что-то поправляя, склонился широкозадый, похожий на жабу человек. Рядом, прикованная к стене, стояла Крис.

Человек стремительно обернулся. На нем был фартук мясника. Плынов выстрелил, прежде чем узнал его. Большеголовый — с его лица не успела сползти глуповатая растерянность — упал, сбив собой жаровню.

Крис рванулась. Ее рот был раскрыт в беззвучном крике. Плынов что есть силы дернул на себя держащее цепи кольцо. Оно даже не дрогнуло. Плынов растерянно огляделся, схватил со стола какое-то орудие пытки, похожее на клещи — это и оказались клещи, — перекусил у запястий звенья цепи. Девушка упала на колени. Она попыталась встать и не смогла. Плынов рывком поднял ее.

— Что? — крикнул он, заглядывая в залитое слезами, смеющееся лицо.

Крис билась в его руках. Церемониться было некогда. Плынов замахнулся, чтобы пощечиной прекратить истерику.

Но Крис увернулась.

— Уже... Не надо... Сама!

Платье у нее на плече было порвано, она попыталась приладить лоскут. Другой рукой, наклонясь, она скользнула под фартук Большеголового, вытащила из кобуры пистолет. Плынов заметил на лице Большеголового две глубокие царапины от ногтей.

— Скорей, Крис!

Что-то скрипнуло сзади. Плынов порывисто обернулся;

ему показалось, что он опять видит страшный сон: массивная дверь камеры лениво стронулась с места и затворилась.

— Птички думают улететь... — хихикнуло в углу.

Полынов ринулся к двери.

— Поздно, поздно! — услышал он в динамике знакомый насмешливый голос. — Твоя выходка с миксоналом недурна, но я предрекал, что тебя погубит благородство. Ты в ловушке, Полынов, ха-ха... Как ты мог забыть, что двери с электромагнитным запором способны закрываться сами, не пойму. Ну и сиди теперь, жди... Советую рассмотреть повнимательней наши орудия производства.

Голос смолк.

Крис медленно повернула к себе дуло пистолета, замороженно уставилась в черный зрачок. Ее лицо заострилось, глаза утонули в темных полукружьях.

— Спокойно, Крис...

Полынов отвел дергающийся пистолет, разжал пальцы.

— Это всегда успеется. — Он даже смог ей улыбнуться.

Подняв лайтинг, он тщательно прицелился и аккуратно, точно гнездо клопов выжег в углу ячейки подслушивания. Потом достал ватку, смочил ее, протянул Крис.

— Возьми. Кажется, Гюисманс не заметил одной своей ошибки.

Он припал на колено, утвердил лайтинг и, как по ниточке, полоснул лучом по стыку двери со стеной. Вспыхнула, лопаясь, краска, багрово засветился ровный шов. Поднялся едкий дым, на пол закапал металл. Полынов, не отпуская курок, быстро водил лучом.

— Не прожигает! — Крис сжала кулаки.

— И не надо. Эти запоры не терпят нагрева.

Дверь дрогнула, издала кряхтящий звук и приотворилась. Полынов отпрыгнул в сторону и увлек за собой Крис. Он ждал выстрелов. Их не было. Над колодцем не торчали дула

лайтингов. Откуда-то издали доносился глухой шум, неразборчивые выкрики. Видимо, миксонал успел основательно затронуть базу.

Полынов взбежал по лестнице. За ним едва поспевала Крис. Он выкрикнул пароль. Но щит стоял как влитой.

Случилось то, чего Полынов так боялся. Противник успел перекрыть все подступы к жизненно важным узлам базы. Теперь, выйдя из одной мышеловки, они попросту попали в другую — более просторную. Полынов безнадежно посмотрел на индикатор заряда лайтинга. Так и есть: достаточно для боя, но не для взлома перемычек.

— Ну, Крис, — на него навалилось отчаяние, — здесь нам придется схватиться с бандой в последний раз. Назад, в колодец! Там неплохой окопчик.

Он все-таки высмотрел, где тут спрятан телеглаз, и по дорожке к колодцу уничтожил его, а заодно и плафон. Теперь они могли видеть противника, а он их нет.

— Неужели все? — вырвалось у Крис, когда они залегли.

— Да, все. Бери на прицел левый коридор. И успокойся, у тебя дрожит пистолет.

— Я его возьму обеими руками. Они скоро придут?

— Не знаю. Вероятно, им сейчас не до нас, управляют с неразберихой. Минут через десять-двадцать, должно быть.

— Тогда я успею успокоиться.

— Конечно. Ты молодец. Учти, пистолет реактивный, без отдачи.

— Учту. Знаешь, о такой смерти я и мечтала.

— Что-о?

— В бою, не в постели. Чтобы быстро, не ждать, не думать об этом. Жаль, рано. Не успела пожить.

— Ах, так... Это всегда бывает слишком рано.

— Нет. Я хотела любить, пока можно. И шестерых детей. Большого мне не надо.

— У меня все это было. Кроме детей. И многое другое. Этого мало.

— Может быть. Видишь, рука у меня больше не дрожит.

— Так и надо.

Они ждали. Минута проходила за минутой, смутный шум вдали не утихал.

— Скорей бы, — не выдержала Крис. Она прижалась плечом к Польшину и торопливо зашептала: — Поцелуй меня, быстро... А то я разревусь.

Польшин наклонился, поцеловал ее в сухие растрескавшиеся губы. Она несмело ответила, потом отстранилась, замерла, как мышь. У Польшина заколотилось сердце от нежности.

Нельзя, приказал он себе. Думай о теньях, которые заполнят сейчас коридор, думай о том, как не попасть к ним в лапы живым. Не надо зря терзаться. Замысел был неплох, им просто не повезло. Ракеты уйдут на землю. Аккуратные остроносые ракеты.

Ему показалось, что впереди, наконец, мелькнул чей-то силуэт. Он прицелился. Лайтинг не успел остыть, жгло щеку.

И вдруг он ослеп. Разом погасли все лампы. Темнота упала, как обвал.

— Ой!

— Молчи! — Польшин вскочил. Отчаяния как не бывало. — Наша берет!

В темноте он нащупал руку Крис, потянул ее за собой.

— Но что это... Авария?

— Помощь, помощь, Крис... Осторожно, ступеньки...

— Я ничего не вижу...

— Я вижу. Держись... Двери! Нет тока — всюду пройдем...

Польшин не преувеличивал: опыт работы в космосе научил его ориентироваться там, где это казалось невыносимым. И первый же щит, который они нашарили, легко поддавался их дружным усилиям.

Натыкаясь на выступы, распахнутые двери, сдирая пальцы в кровь, они куда-то спускались, куда-то бежали. То и дело мелькали фонари охранников, одетых в скафандры, хотя действие миксонала должно было уже кончиться. Кто-то кого-то звал, кому-то приказывал; крики, ругань, бред тех, кто успел надышаться отравы, создавали полнейшую неразбериху.

Полынов и Крис падали, едва к ним приближался луч света; один охранник даже споткнулся о вытянутые ноги Пологинова и в сердцах стукнул его прикладом. Охранник истерически взвизгнул, когда навстречу выскочил, ошалело паля из лайтинга, его глотнувший миксонала приятель. Пологинов и Крис поспешили отползти. Сумасшедшего быстро прикончили. Пологинов, используя сумятицу, швырнул туда газовую гранату. Она лопнула, вызвав новый взрыв ужаса. Из пещерной тьмы, рикошетируя, полетели чьи-то пули.

Внезапно Пологинов уперся во что-то мягкое. Оно дернулось и сказала:

— Ад зеленый, вовсе не огненный...

— Да, да, конечно, — согласился Пологинов, увертываясь от шарящих пальцев.

Мечущийся свет фонарей и выстрелы помогали ему отыскивать дорогу. В самом нижнем коридоре было относительно спокойно, и беглецы перевели дыхание.

— Страхуй меня сзади, Крис, — сказал Пологинов.

— Где мы?

— Здесь должен быть вход в цех. Ага, вот он!

— Осторожно, там надсмотрщики!

— Ерунда. Но хотел бы я знать...

Он чуть приотворил дверь. Вырвалась бледная полоска света. Пологинов облегченно вздохнул: заводская аварийная сеть, как он и ожидал, была автономной.

Секунду подождав, чтобы глаза привыкли к свету, он рванулся внутрь.

Цех был невелик, во всех направлениях, бросая широкие тени, его пересекали трубопроводы. По оси, выстроившись в ряд, стояли какие-то аппараты, похожие на гигантские восьмигранные масленки. Пролет перекрывал прозрачный купол с противометеорным зонтом. Сквозь него просвечивали радужные звезды.

В центре у постаментов аппарата сгрудилась кучка людей. Сейчас в них трудно было признать элегантных пассажиров «Антиноя». Они стояли спиной к взявшим их на прицел четверем охранникам, закинув руки на затылок. Пятый сидел, положив лайтинг на колени, в стеклянной будке под куполом. Оттуда ему был виден весь цех.

Полынов выстрелил по будке. Брызнули стекла. Сзади щелкнул пистолет Крис. Она не хвасталась своим умением стрелять: один из надсмотрщиков упал, даже не вскрикнув.

— Руки вверх! — заорал Полынов, вскакивая на постамент соседней «масленки».

Если бы охранники не оцепенели от неожиданности, ему бы пришел конец, потому что он не мог бить из лайтинга по врагам: строй заключенных смешался, и луч зацепил бы кого-нибудь. Он увидел вскинутое оружие, но в то же мгновение охранник исчез под грудой тел. Остальные прилежно тянули вверх руки. Их тоже окружили, сбили с ног.

Кто-то, как крыса, метнулся в тень. Полынов не знал, друг или враг, и не стал стрелять. Но Крис, очевидно, знала: ее пистолет снова щелкнул, и человек споткнулся. Мелькнуло перекошенное лицо: Полынов последний раз встретился взглядом с Бергером. Тот упал. «Вот даже как», — успел подумать Полынов.

Не все заключенные вели себя одинаково. Кое-кто как упал, так и остался лежать, прикрыв голову. Но основное ядро действовало стремительно и организованно. К Полыно-

ву подскочил высокий чернявый парень в разорванной форме экипажа «Антиоя».

— Морис!—Он вытянулся, как для рапорта.—Подпольная группа Сопротивления к бою готова! Как в концлагерях...

Он не удержался и лихо подмигнул. Второй глаз у него заплыл, видимо, ему довелось побывать в камере пыток.

— Я знаю о вас из записки Крис.—Полынов торопливо пожал протянутую руку.—Ваш план?

— Мы намечали перекрыть процесс, поднять давление в трубопроводах. Завод взлетит. Ваше мнение?

— Только атака. Нас здесь прихлопнут, как зайцев.

— Их много! Может, лучше взорвать?

— Они уже взорваны, там вы поймете. Атака тремя группами. Вот схема боя...

— Безоружным?

— Идти. Брать оружие убитых. Громче кричать. Только не «ура». Всякую чушь. Больше шума.

— Не понимаю.

— Сообразите на месте. Помните: каждый должен постоянно выкрикивать «зеленый ад!». Так мы будем узнавать своих. Победа близка. Вперед!

Штурмовые группы заключенных нырнули во мрак, и бой начался, нелепый, отчаянный, странный. То была свалка в кромешной темноте, раздираемой вспышками лайтингов, воплями, лучами фонариков. Бой, где враг бил по врагу, а свой терял друзей, где не было ни фронта, ни тыла, где все решали доли секунды, где отчаяние боролось с ловкостью, страх с решимостью. На стороне нападающих была внезапность, не успевшее угаснуть действие миксонала, понимание того, что происходит, точное знание цели. У противника каждый дрался сам за себя, плохо соображая, кто напал, откуда, сколько их. Зато охранники имели богатый опыт стычек, и было их больше... И они куда лучше знали свою базу. Там,

где охранники успели собраться в группы и наладить командование, их ответная атака была ужасной. Они косили лучами лайтингов, не разбирая, кто перед ними — свои или чужие.

У Плынова и Крис уже был опыт странствования вслепую. Избегая схваток, они прокрались наверх, к энергоотсеку. Плынов отчаянно торопился, прекрасно понимая, что если на базу будет дан свет, заключенных сметут в два счета.

Он осторожно выглянул из-за угла. Внутри отсека шарили два фонарных луча, выхватывая то бетонные плоскости стен, то мраморную белизну распределительного щита, то развороченные внутренности диспетчерского пульта. Беззвучно, нервно шла какая-то спешная работа, поблескивали инструменты, огромные тени прыгали за плечами склонившихся над пультом людей.

Крис неосторожно зацепила что-то локтем. Фонари словно задудло. Ярчайшая вспышка ослепила Плынова, кинжальный луч опалил волосы, но Крис успела выстрелить в третьего притаившегося охранника, в плюнувший огнем глаз, и он потух.

Грохот, визг бетонных осколков в долю секунды сменила тишина, нарушаемая лишь отзвуками далекого боя. Потерявшие друг друга из виду противники замерли. Лайтинги на ощупь искали в темноте прицела. Каждый сдерживал дыхание, сознавая, что первый же шорох станет последним.

Вдруг что-то звякнуло над головой Плынова. Инстинктивно он вскинул лайтинг, и тотчас шум за пультом выдал уловку противника. Они швырнули инструмент, чтобы на мгновение отвлечь внимание и скрыться. Плынов торопливо нажал спуск. Слишком поздно: луч багровым фонтанчиком отразился от захлопывающейся двери. Враги бежали, оставив противнику поле боя.

Плынов включил еще по пути отобранный у мертвого охранника фонарик, привалил ко второй двери стол.

— Постереги вход, Крис!

Он наклонился над пультом. Аппаратура была разрушена толково. Виновник аварии не просто повредил трансферы блока управления энергосистемой: он умудрился подключить к ним такое напряжение, что они спеклись в сплошную зеленую массу, приварились к керамическим панелям. Их нельзя было вынуть и заменить, сначала требовалось выбить образовавшийся монолит, отскоблить и привести в порядок контакты. Этим и занимались застигнутые врасплох охранники. Рядом на пульте лежали запасные трансферы.

Полынов перевел круг света на автономный блок аварийного освещения. Умелая рука поработала и тут, но то ли человеку помешали, то ли у него был свой умысел — здесь трансферы были лишь разбиты, а проводка оборвана и перепутана. Его уже почти восстановили. Полынов и Крис появились вовремя. Еще минут десять, и повсюду вспыхнули бы аварийные лампы.

Закрепляя в ячейках монокристаллы трансфер, Полынов жадно прислушивался к замирающим звукам боя. Изредка доносились выкрики «зеленый ад!». Но кто побеждал? Если свои — надо включать свет. Если враги... Понять, на чьей стороне победа, не было никакой возможности.

— Вот что, Крис...

Полынов перевел свет фонарика. Девушка стояла, прислонившись к косяку, обеими руками поддерживая выставленный вперед пистолет. На ее правом плече расплзалось темное пятно.

— Ранена?!

— Пустяк... Царапнуло...

Он быстро осмотрел плечо и облегченно вздохнул. Ничего опасного. Но крови потеряно много, и Полынова удивило, как она еще держится после ранения и стольких испытаний. Он отодрал рукав своей рубашки и туго перетянул плечо.

То, что предстояло теперь сделать, пугало Польшова, но другого выхода он не видел.

— Слушай, маленькая...— Он старался, чтобы голос не выдал его опасений.— Придется тебе еще продержаться. Ну, полчаса...

— Одна?

— От этого все зависит. Я — на радиостанцию. Видишь это соединение? Приладишь — будет свет... Ты должна, понимаешь, должна выдержать и дать ток через пятнадцать минут, дать ток... Тогда, кто бы ни победил, я успею послать в космос сообщение. Понимаешь?

Она все понимала, она кивала, она старалась не упасть, она клялась честным словом, что не боится, что продержится.

Польшов отобрал у убитого охранника фонарик и лайтинг. «Не надо,— прошептала Крис.— Не удержу... Пистолет... И сесть...» Он пошарил кругом света в поисках стула. Луч фонаря наткнулся на лежащее ничком тело. Польшов перевернул труп и медленно поднял руку, словно обнажая голзу.

— Травка, зеленая травка,— пробормотал он.— Да...

— Кто это? — без интереса спросила Крис.

— Наш спаситель.

— Кто?

— Потом, Крис. Садись. И...

— Возвращайся...

— Вернусь.

Он не посмотрел на Крис, затворяя дверь. Он чувствовал себя предателем. Но так нужно, нужно...

К своему удивлению, он проделал путь беспрепятственно. Пахло горелым, под ногами что-то хрустело, то и дело попадались убитые, но живых не было видно. Лишь эхо далеких выстрелов свидетельствовало, что еще не все кончено.

Радиостанция оказалась в полном порядке, если не считать распахнутых створок несгораемого шкафа и нескольких упавших на пол бумажек. Плынов на всякий случай сунул в карман эти узкие полоски, испещренные какими-то условными знаками. Сам шкаф был пуст, видимо, его содержимое перепрятали по тревоге в более надежное место. Или уничтожили, разбираться было некогда.

Плынов включил каскады усиления, поставил развертку волны в положение «всем, всем, всем» и стал ждать. Если они потерпели поражение, то теперь судьба Земли во многом зависит от стойкости никому не известной девушки Крис.

Но кто-то ведь должен закрыть собой амбразуру.

Кто-то ведь должен застопорить собой колеса человеко-ненавистнической машины. Они еще будут кружиться. Не Гюисманс, так другие постараются, чтобы они подмяли Землю в тот самый момент, когда человечеству кажется, что оно вот-вот бесповоротно расстанется с ненавистным наследием прошлого. Авантюра следует за авантурой, все ожесточенней, все отчаянней, все хитрей. Фашисты торопятся натянуть чужие одежды, прикрыться ненавистными им лозунгами, чтобы верней подобраться к живому сердцу. Торопиться, пока в арсеналах есть оружие, в сейфах — деньги, в руках — палка, в типографиях — послушные ротаторы. Пока не иссякли колодцы духовного рабства, невежества, слепоты. Используют любую ошибку, любую фразу, перекрывают, где могут, каналы человечности, замазывают от свежего ветра любые щели, пеленают мысль, чтобы люди не видели, не слышали, не догадывались, откуда на них ползет машина.

Легко будет потомкам взвешивать промахи, в отчаянии хвататься за голову: как это их предки видя не видели, думая не думали, борясь не замечали врага за спиной. Им — умудренным, человечным жителям коммунизма — быть и судить, это неизбежно. Сам Плынов без страха думал об

этом грядущем суде. Приговор будет вынесен сущности, а не видимости, делам, а не словам, и потому он будет справедливым. Тревожно, однако, знание, что каждый твой поступок со временем получит точную оценку; тревожно и ответственно. Впору позавидовать нищете тех, кого заботит лишь тот приговор, который выносится при жизни. Но это все равно, что позавидовать амебе, ибо для нее нет будущего и нет поэтому ответственности перед будущим. А если не хочешь быть амебой-человеком, то тревога за будущее — твой спутник до конца дней.

Пятнадцать минут истекли. Пятнадцать минут, которые, быть может, решали судьбу миллионов. Свет не включился.

Неожиданно для себя Пологинов ощутил не отчаяние, а безразличие. Слишком много испытаний для одного человека. Слишком. Это предел для него. Он слишком устал.

Все же он заставил себя получше забаррикадировать дверь. Еще не все потеряно с гибелью Крис, пытался он себя ободрить. Рано или поздно кто-нибудь даст ток. Тогда, если прежде его не обнаружат и не убьют, он успеет предупредить Землю. Не так важно, что будет потом.

В том, что Крис больше нет, он не сомневался.

Но свет внезапно вспыхнул. Мигающий, тусклый, в полнакала. Пологинов ошеломленно следил за биением неоновых огоньков включенной аппаратуры. Он понял, что это конец. С таким напряжением в питающей сети радиограмму послать невозможно.

По двери грохнул удар.

— Сдавайтесь!!!

Баррикада из столов и стульев затрещала.

Пологинов сел, поднял отяжелевший лайтинг. Машинально прикинул толщину двери, прицелился, плавно нажал спуск.

Луч не вылетел.

Все поплыло перед глазами Пологинова. Он бешено тряс

беспольное оружье, как будто можно было исправить ошибку, вернуть лайтингу израсходованные в бою заряды. Дверь, треща, приоткрывалась, тесня баррикаду.

Полынов перехватил лайтинг как дубину, кинулся навстречу просунувшемуся в щель стволу, чтобы сбить его прежде, чем он плюнет смертью.

В последний миг психолог увидел перед собой бледное лицо врага...

— Полынов! — отчаянно закричал тот.

У Полынова обмякли руки.

— Морис...

Секунду спустя они, нервно смеясь, стиснули друг друга в объятиях.

— А я тебя чуть....

— Но я ведь тоже...

— Ох, боже мой, Полынов.

Психолог опомнился первым.

— Так мы победили?!

Морис растерянно посмотрел на Полынова.

— Хотел бы я знать... Моя группа погибла. Вся.

— Так,— Полынов снова был как взведенная пружина.— Ясно. Радио знаешь?

— Еще бы! Связист «Антиноя».

— Останешься здесь. Я — в энергоотсек. Попробую наладить ток. Если удастся, радиогамму Земле немедленно!

— Понял. Лайтинг, ты забыл лайтинг!

— Эту памятку моей глупости?

Морис все понял.

У первого же убитого Полынов подобрал оружие.

Стены, пол, потолок переходов были вспаханы лучами лайтингов. В мигающем свете поблескивали осколки стекла. Больше всего Полынова поразила чья-то металлическая пуговица, вплавленная в бетон потолка.

Потрясала тишина. Ни звука, ни стопа, ни движения. Теперь, когда вспыхнул свет, все живое попряталось, затаилось, потому что никто не знал, кто победитель, а кто побежденный.

Но едва Пологинов свернул к энергоотсеку, как из ниши метнулась тень. Охранник упал на колени, и торопливый выстрел Пологинова пронзил пустоту.

— Не бей, не бей, хозяин!

— Амин?! — Пологинов опустил лайтинг.

— Я, я! Ты обещал...

— Встать! Взять оружие! Никого не подпускать! Стрелять только в охранников!

— Слушаюсь... Я служу... Грегори — пух! — Мертв. Я убил его! Многих убил!

— Хорошо, хорошо, потом...

У входа в отсек, обнявшись как братья, лежали двое: пассажир «Антиноя», седой величественный профессор космологии Джерри Кларк, и Грегори. Их скосил один и тот же луч.

Пологинов поспешно перешагнул через мертвецов. Рванул дверь.

Он увидел привалившуюся к пульту Крис, увидел прыгающий в ее руке пистолет, увидел наставленное на него дуло...

— Ай!..

Крик девушки — последнее, что он услышал, прежде чем на него обрушилась звенящая чернота. А потом звон смолк и все смолкло.

8. Нокаут

Словно ветер кинул издали порыв смутных голосов. И пришла боль. Он удивился: откуда могла прийти боль, если у него нет тела? Из темноты?

Но тело внезапно ожило. И дало ответ, что боль в нем тамом, что он лежит, что запястье сжимают чьи-то пальцы, а вот звуки — они действительно идут из темноты.

Он поспешил отдать телу приказ встряхнуться, почувствовать себя, чтобы оно снова не растаяло, не ушло от него.

Резко зазвенело в голове, ему показалось, что он падает вниз, а оттуда, тесня черноту, скользит свет, скользит дикий пейзаж скал. Изображение ниже, ниже — селектор связи, чем-то очень знакомый стол; изображение колыхнулось, всплыли чьи-то лица... Крис! Он узнал Крис. Стоя на коленях, она что-то шепчет, закрыв глаза. Словно молитву читает. Губы у нее совсем черные, и вокруг запавших глаз тоже чернота. Да это молитва и есть, он различает слова.

Все стало на место. Был бой, был ад, был целящийся в него глаз пилстолета, он лежит в кабинете Гюисманса, Крис здесь...

— Мы победили?..

Крис дернулась, как от удара тока. Сияющая, изумленная радость преобразила ее лицо.

— Жив, жив, жив...

Она уткнулась ему в ладонь. Ладони стало мокро и горячо. Плечи девушки вздрагивали.

— Жив, конечно, — незнакомый голос и незнакомое лицо, широкое, благообразное, с трясущимися щеками, надвинулись одновременно. — Полынов, как вы себя чувствуете?

— Отлично, — сказал Полынов, не слишком покривив душой. Силы быстро возвращались к нему.

Он попробовал приподняться.

— Ничего, ничего, можно. — Благообразный засуетился, подкладывая ему под спину подушку. — Маленький шок, ничего... Мисс удачно промахнулась.

Полынов ощущал повязку на голове. Тренированным усилием воли приглушил боль в правой части лба.

— Это я, я виновата...— Крис всхлипывала, судорожно сжимая руку Плынова, словно тот мог внезапно исчезнуть.

— Полно, ну, полно...— Плынов растерянно погладил ее разметающиеся волосы.— Морис... Он жив?

— Тут!

Француз скользнул к изголовью. Вид у него был истерзанный, но держался он по-прежнему браво.

— Можно?— шепотом спросил он благообразного.

— Можно или нельзя,— уже довольно твердо сказал Плынов,— говорите.

— Да, да,— поспешно закивал благообразный, с каким-то испугом косясь на Плынова,— все можно. С моего разрешения, конечно!— поспешил он добавить.

— Тогда докладываю.— Морис помедлил.— Значит, так. Нас уцелело шестеро. Противник в основном уничтожен.

— Точнее.

— Убитых девятнадцать, раненых семеро, в бреду — пятеро, скрылись трое. Мы еще не успели обшарить всю базу.

— Победа все-таки... Гюисманс?

— Спрятался.

— А, черт!

— Что он может сделать в одиночку?

— Хм... Ладно. На Землю сообщили?

Морис сконфуженно отвел взгляд.

— Я долго ждал, но...

— Но лучше с напряжением не стало. Дальше.

— Я побежал к вам. Тут Крис и... Мы перетащили вас сюда, поскольку здесь командный центр и...

— Понятно. Когда вы вернулись, радиостанция была уже испорчена.

— Да.

— Еще бы. На месте Гюисманса я сделал бы то же самое. Почему мигал свет, выяснили?

— Несчастная случайность. Крис очень ослабла, был обморок, потом она все-таки включила, но...

— Я ударилась плечом...

— Она повредила...

— Неважно, Крис! Прости, Морис... Маленькая.— Польшов заставил девушку приподнять голову,— маленькая, я... Мне надо было сразу спросить, как ты...

— Болиг... — Крис робко улыбнулась. — Нет, нет, я совсем оправилась! Это не я в тебя выстрелила, это мой страх...

— Забудь, Крис. Все хорошо, что хорошо кончается, говорят у нас. Морис, как расставлены посты?

— Мы, четверо, здесь. Пятый стережет энергоотсек, шестой охраняет нас. Да, тут один охранник сам сдался и сказал, что вы...

— Это Амин. Тяжелый случай... Ладно, верните ему оружие, сейчас и такой союзник кстати. Но мне не нравится, как расставлены посты. Любой уцелевший бандит, если у него не совсем отшибло смелость, может...

— Мне тоже не нравится. И есть еще люди, которые...

— Это кто?

— Бывшие заключенные.— Морис брезгливо усмехнулся.— Те, которые сразу после освобождения забились в щели.

— Отлично! Найти, раздать оружие, пусть ловят уцелевших охранников.

— Этой мрази оружие! Да они же с радостью признали Гюисманса своим фюрером!

— Неважно. Сейчас сила у нас, значит, для них просто нет другого выхода, как помогать нам. Да они теперь с визгом бросятся выполнять любой наш приказ, лишь бы реабилитировать себя.

— Как хотите, Польшов, но доверять этим трусам, этим проституткам...

— Именно поэтому им сейчас и можно доверять. Страх за собственную шкуру, знаешь ли, очень способствует правильному пониманию вещей.

Морис проворчал что-то, но спорить больше не стал.

— Можно идти? — спросил он.

— Да.

Морис ушел.

— Крис, — тотчас сказал Польшов, — стереги вход. А к вам, доктор, у меня несколько вопросов, раз на большее я пока не гожусь.

В глазах благообразного мелькнул прежний испуг. Дрожащей рукой он вытащил из кармана очки с треснувшим стеклом и не сразу смог приладить их.

— Вы... вы меня знаете! Меня, Ли Берга?

— Врача, чье место я занял на базе? Конечно. Кто еще мог точно сказать Морису, сколько бандитов уцелело?

— Ах, да, верно. Что вы хотели спросить? Я...

— Успокойтесь, я знаю, что вы искупили свое преступление или свою глупость, называйте это как хотите. Кто конкретно стоит за Гюисмансом?

— Не знаю... Честное слово!

— Верю. Жаль, что вы не знаете.

— Я — не они! Не скрою, мои взгляды...

— Интеллигентные по форме, фашистские по существу...

— Нет! То есть да... Вы правы. — Голос доктора упал. — Нет, нет, только не фашистские, только не это слово! И потом я же...

— Никто не собирается судить вас, — неожиданно мягко сказал Польшов. Крис, стоя у двери, с недоумением следила за разговором.

— Но я ничего не понимаю, — наконец решила она вмешаться. — Доктор Ли Берг такой же заключенный, как и мы, он дрался вместе со всеми...

— Такой же, да не совсем,— перебил ее Побынов.— Верно, доктор?

— Верно, верно,— прошептал Ли Берг. Возбуждение покинуло его, а вместе с возбуждением и силы. Он тяжело опустился на стул.— Спрашивайте, я все расскажу, мне нельзя ничего скрывать.

— Дорогой Ли, я же сказал — здесь не суд, а вы не подсудимый. Еще раз говорю, успокойтесь. Я уже достаточно окреп и могу избавить вас от неприятного рассказа. Я скажу за вас все, а вы поправите, если что не так. Хорошо?

Ли Берг машинально кивнул.

— Так вот.— Побынов прикрыл глаза.— Вы были хорошим специалистом, но очень, очень реакционно настроенным человеком. Вы этого не скрывали, вы этим гордились. Кроме того, у вас был опыт работы в космосе: Так?

— Так. Но откуда... Вы не могли знать мое прошлое!

— И вот в один прекрасный день,— продолжал Побынов,— вам было сделано очень заманчивое предложение. Год...

— Полтора.

— Полтора года работы на исследовательской базе в поясе астероидов. За бешеные деньги. Вы даже удивились, какие деньги вам посулили.

— Да, удивился и...

— И согласились, хотя кое-что вас смущало. Некоторая таинственность, например.

— Верно.

— Но так или иначе вы очутились здесь и сразу увидели, что это никакая не научная станция...

— Раньше, я понял это раньше! Нас, специалистов, везли всех вместе. Боже, вот это были фашисты! Но окончательно все открылось здесь.

— С вами поговорили. Обстоятельно, дружелюбно. В ду-

хе ваших теорий вам объяснили, зачем вы здесь. И поначалу план вам даже нравился...

— Нет!

— Да.

— Вы правы... — Несколько секунд губы Ли Берга беззвучно шевелились. — Вы правы. — К нему, наконец, вернулся голос. — Некоторые аспекты этого плана содержали в себе рациональное зерно. Единая власть над всеми народами, единый дух, единая цель... Но методы, методы!

— Это вас и отпугнуло. Когда вы поняли, какой ценой будет оплачено торжество ваших идей...

— Я заявил решительный протест! Я против...

— Вас долго и по-всякому уговаривали. Но вы...

— Я был непреклонен! Я был возмущен профанацией возвышенных философских идей, я сказал об этом открыто!

— И вас отправили на завод. Работать под дулом пистолета.

— И плетью...— прошептал Ли Берг.

— До нашего прибытия рядом с вами работали темные, неграмотные, забытые солдаты, набранные из всевозможных иностранных легионов.

— Откуда вы и это знаете?

— Это же просто. Кто необходим для осуществления первого этапа операции «космический бог»? Во-первых, строители базы. Они уже мертвы. Боюсь, что на Земле их считают казненными... в некоторых земных тюрьмах. Во-вторых, требовались молодчики без чести и совести. Охранники. Их набрали в основном из белых легионов: лучший источник трудно найти. Затем рабочие — одновременно солдаты — на завод. Ведь белые легионеры не слишком обожают черную работу. Эти солдаты-рабы, как я уже сказал, были извлечены все из той же клоаки неокOLONиальных войн. Сделать

это было тем легче, что ремесло убийц стало теперь уж чересчур опасным. В-третьих, нужны были специалисты. Вроде вас. Отбирали тех, кто уже умом и сердцем был на стороне гюисмановского неонацизма. Конечно, в таком сложном и нервном деле не обошлось без накладок. Вы, например. И еще один. Электрик.

— Эриберт?! — воскликнул Ли Берг. — Не может быть! Этот отъявленный...

— Он оказался гибче вас. Согласился, принял, присягнул. И... в первый же день явился ко мне прощупывать. И в первый раз и во второй он ходил вокруг меня, как голодный кот вокруг каши. И мы уже совсем было столковались, но что-то помешало ему прийти на последнюю встречу. Вероятно, его в чем-то заподозрили. Но так или иначе мы все обязаны ему спасением. Это он в критическую минуту оставил базу без света. И погиб как герой. Умнейший был человек: сообразил даже, что на заводе свет лучше оставить.

— И все же нам повезло. — Крис тихонько вздохнула. Дверь была приотворена, и краем глаза она следила за лестницей, но ее внимание было поглощено разговором. — Мы везучие, раз все случилось так, как случилось, — повторила она.

— Везучие? — Полынов рассмеялся и с удовлетворением отметил, что смех не отдался в голове звенящей болью. — Конечно, мы везучие. Но не только. Это общее заблуждение, что грубая сила неодолима. А на самом деле она слаба, очень слаба. Потому что опирается она не на людей, а на примитивные автоматы в человеческом облики. Поэтому мы и победили. Нет, вы вдумайтесь; в тесноте, в условиях космоса собрано несколько десятков бандитов, взаимно ненавидящих друг друга. Угнетающая обстановка слежки; нервы на пределе, потому как и тупице ясно, что противопоставить себя человечеству — безумный риск. Для уничто-

жения такого «коллектива», находящегося на грани истерики, не нужно бомб, достаточно хорошей паники. Устроить им такую панику, воспользоваться ею — да, это была задача. Тут нам везло.

— И больше не повезет!!!

У Ли Берга отвалилась челюсть. Крис вскрикнула. Поздно. Часть стены успела беззвучно повернуться, Гюисманс держал их на прицеле.

Он взглядом приказал Крис встать. Она, как под гипнозом, встала. С колен соскользнул лайтинг.

— Игра проиграна,— торжествуя, сказал Гюисманс.— Ваших я заблокировал на заводе, изменник мертв. Радиограмму вы не смогли передать... Все!

— Ты дурак, Гюисманс.— Пыльников как ни в чем не бывало поправлял подушку. Он даже не смотрел на врага.— И знаешь почему?

Гюисманс опешил. У него часто-часто задергались губы.

— Ты еще смеешь... — прохрипел он.

— Просто я хочу указать на одну твою ошибку, о, незадачливый кандидат в диктаторы!

На Гюисманса было страшно глядеть, так его трясло.

— Нет больше ошибок, нет! — взревел он.— Ты растоптан!

— Ошибка все-таки есть. Великолепный пинок под зад — вот что тебя ждет после случившегося.

На лбу Гюисманса вспухли вены.

— И еще одну ты допустил ошибку,— с расстановкой сказал Пыльников,— роковую причем...

Он помедлил, глядя Гюисмансу прямо в глаза.

— Ты не видишь, что сейчас делается... за твоей спиной! Бей!!! — закричал он.

Гюисманс обернулся, как ужаленный. В тот же миг сзади

на него обрушилась метко пущенная психологом подушка. Нервы потряс дикий, торжествующий вопль Плынова.

Гюисманс вдруг вскинул руки, рванул, царапая шею, воротник и грохнулся на пол.

Ли Берг, схватившись за сердце, сполз со стула. Крис бросилась к лайтингу.

— Не надо,— сказал Плынов.— Он умер.

Еле владеющий собой Ли Берг подполз к Гюисмансу. Подняв голову, он секунду разглядывал потайной ход, в глубине которого, разумеется, никого не было. Потом перевел взгляд на Гюисманса.

— Мертв,— потрясенно прошептал он.— Это чудо...

— Нет,— чуть слышно отозвался Плынов, борясь с нахлынувшей слабостью.— Был шанс, и я им воспользовался. Его убил испуг.

— Боже мой, психологический шок, и он мертв, мертв...— Ли Берг еще никак не мог опомниться.— Но почему, почему он не прикончил нас сразу?

— Почему? Станный вопрос... Его погубила общая для диктаторов черта характера. Они все позеры.

СОДЕРЖАНИЕ

Марсианский прибор .	3
Появление жирафы . .	13
Ошибка невозможна... .	26
Прилежный мальчик и не- видимка	34
Странная	41
Над Солнцем	50
Опасность спокойствия .	65
Урок относительности .	71
Зачем?	78
Сберкасса времени . .	81
Преимущество широты .	88
Обыкновенная минераль- ная вода	101
Художник	104
На пыльной тропинке .	112
Десант на Меркурий . .	119
Космический бог , . .	189

Биленкин Дмитрий Александрович

МАРСИАНСКИЙ ПРИБОЙ.
Повести и рассказы М., «Мол.
гвардия», 1967.

288 с., с илл (Б-ка совет-
ской фантастики.)

Редактор **Б. Клюева**

Худож. редактор **Г. Позин**

Техн. редактор **Л. Никитина**

Сдано в набор 11/III 1967 г.
Подписано к печати 12/VII
1967 г. А01574 Формат 70×
×108^{1/32}. Бумага типографская
№ 1. Печ. л. 9 (усл. 12,6). Уч.-
изд. л. 12,7. Тираж 65 000 экз.
Цена 41 коп. Т. П. 1967 г.,
№ 227. Заказ 372

Типография изд-ва ЦК ВЛКСМ
«Молодая гвардия», Москва,
А-30, Сущевская, 21.

Биленкин Дмитрий Александрович родился в 1933 году. Окончил в 1958 году геологический факультет МГУ, по специальности геохимик. Работал в нескольких геологических экспедициях. С 1959 года — корреспондент «Комсомольской правды». Печататься начал в 1958 году — статьи, очерки, рассказы, научно-популярные книги: «Химия создает континенты» (в соавторстве с академиком С. И. Вольфовичем), «Спор о загадочной планете», несколько брошюр.

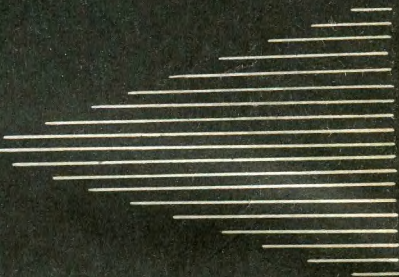
«Марсианский прибой» — первый сборник научно-фантастических произведений Дмитрия Биленкина.

Сканирование - Беспалов
DjVu-кодирование - Беспалов

41 коп.

1800

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

МАРСИАНСКИЙ ПРИБОЙ

Библиотека советской фантастики

ДМИТРИЙ БИЛЕНКИН

